

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2019

№ 14

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
КРИМИНОЛОГИЯ
КРИМИНАЛИСТИКА

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной надзорной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Воронин О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь (г. Томск); **Елисеев С.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, председатель редколлегии (г. Томск); **Мариничева А.Ю.** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, технический секретарь (г. Томск); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, главный редактор (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

АЗаров В.А. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Ахмедшин Р.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Барабаш А.С.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета (г. Красноярск); **Веденников Н.Т.** – доктор юридических наук, профессор Российской экономической университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва); **Голик Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва); **Головко Л.В.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Гришко А.Я.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (г. Москва); **Дерипашев Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Омской академии МВД России (г. Омск); **Елисеев С.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Зникин В.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Кемерово); **Николюк В.В.** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва); **Прозументов Л.М.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Самович Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Кемерово); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Селивристов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Смолькова И.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск); **Стойко Н.Г.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Халиуллин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва); **Черненко Т.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своебразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистов – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция». E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет: <http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите: <http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета

Редактор Е.Г. Шумская; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелою; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 24.12.2019 г. Формат 60x80^{1/8}. Усл.-печ. л. 16,3. Тираж 500 экз. Заказ № 4179. Цена свободная.

Дата выхода в свет 17.01.2020 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия. Тел.: 8(382-2)-52-98-49; 8(382-2)-52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИЙ

Ведяшкин С.В., Гааг Л.В., Сенникова Д.В. Международная научно-практическая конференция «Домашнее насилие: предупреждение и ответственность»	5
---	---

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Валеев М.Т. К вопросу о границах пенализации общественно опасных деяний	8
Ермакова О.В. Значительный ущерб гражданину как преступное последствие кражи: проблемы правоприменительной практики	11
Писаревская Е.А. К вопросу о полноте учета возрастных особенностей несовершеннолетних преступников в механизме уголовно-правового регулирования	15
Прозументов Л.М. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ	21
Титаренко А.П. О практической необходимости развития института «административной преюдиции» в уголовном законодательстве России	25
Ткачев И.О. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ)	30
Царева Е.А. Принудительные работы в системе уголовных наказаний на основе опыта функционирования исправительных центров	36

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Диваев А.Б. Предмет уголовно-процессуального регулирования	39
Желева О.В. Оглашение показаний как возможность злоупотребления судом дискреционными полномочиями	45
Кондрашин П.В. Проблемы реализации права на «законный суд» при определении территориальной подсудности уголовных дел в мировой юстиции	51
Марьина Е.В. Принцип состязательности в российском уголовном процессе и актах европейского суда по правам человека	54
Свиридов М.К., Нехороших М.Е. Итоговые решения судов кассационной инстанции	59
Спиридонов М.С. Наследие классической русской кассации по уголовным делам и его современное значение	64

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Агабекян А.Л. О содержании термина <i>community sanctions and measures</i> в международных актах об альтернативах лишению свободы	70
Алексеев А.Ю. Режим особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы: сравнительно-правовой анализ	77
Грушин Ф.В. Новый уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: предмет правового регулирования и структура	82
Корякин Е.А. Привлечение к труду граждан иностранных государств, осужденных к лишению свободы в Российской Федерации	87
Кузьмин С.И., Чуканова Е.С. Проблемы трудового и бытового устройства освобождаемых осужденных в пенитенциарной системе российского государства	92
Паканич С.И. Актуальные вопросы выплаты сотрудникам уголовно-исполнительной системы компенсации за наем жилого помещения	96
Храмов А.А. К вопросу об устранении пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве России	100

КРИМИНОЛОГИЯ

Деркач Д.В., Лоба В.Е. Влияние денежных доходов населения на преступность (по материалам Южного и Северо-Кавказского федеральных округов)	104
Дроздов И.С. Интенсивность рецидива преступлений при осуждении без лишения свободы	108

КРИМИНАЛИСТИКА

Фойгель Е.И. О криминалистической модели преступлений, совершаемых адвентальными лицами	114
---	-----

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Мариничева А.Ю. О прокурорском надзоре за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов	123
---	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Бубербаев Н.Д. Культурно-нравственные детерминанты преступности города Нур-Султан	130
Кудратов Н.А. Уголовно-правовая охрана основы конституционного строя Республики Таджикистан	134
Сведения об авторах	139

CONTENTS

CONFERENCE PROCEEDINGS

Vedyashkin S.V., Gaag L.V., Sennikova D.V. International Conference “Domestic Violence: Prevention and Responsibility”	5
--	---

CRIMINAL LAW

Valeev M.T. On Boundaries of Penalisation for Socially Dangerous Acts	8
Ermakova O.V. Large-Scale Damage to a Citizen as a Criminal Consequence of Theft: Law Enforcement Practices	11
Pisarevskaya E.A. On the Complete Registration of Age-Dependent Features of Juvenile Delinquents in the Penal Regulation	15
Prozumentov L.M. Elements of a Crime under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation	21
Titarenko A.P. On the Practical Necessity of the Institution of Administrative Prejudice in the Criminal Legislation of Russia	25
Tkachev I.O. Exemption from Criminal Liability in Connection with Restitution for Damage (Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)	30
Tsareva E.A. Compulsory Labour in the Penal System: A Case Study of Correctional Centres Functioning	36

CRIMINAL PROCEDURE

Divaev A.B. Subject of Criminal Procedure	39
Zheleva O.V. Disclosure of Evidence as Possibility to Abuse Discretionary Powers by Courts	45
Kondrashin P.V. Problems of Enforcing the Right to a “Competent Court” When Determining the Territorial Jurisdiction of Criminal Cases in the World Justice	51
Marina E.V. The Adversarial Principle in the Russian Criminal Procedure and Acts of the European Court of Human Rights	54
Sviridov M.K., Nekhoroshikh M.E. Final Decisions of the Courts of Cassation	59
Spiridonov M.S. The Legacy of Classical Russian Cassation in Criminal Cases and Its Contemporary Meaning.....	64

CRIMINAL AND PENAL LAW

Agabekyan A.L. On the Term “Community Sanctions and Measures” in International Acts on Alternatives to Deprivation of Liberty	70
Alekseev A.Yu. Special Conditions Regime in Penitentiary Institutions: A Comparative Analysis	77
Grushin F.V. New Penal Code of the Russian Federation: Subject of Legal Regulation and Structure	82
Koryakin E.A. Involving Foreign Convicts to Labour in the Russian Federation	87
Kuzmin S.I., Chukanova E.S. Problems of Employment and Social Adaptation of Released Convicts in the Russian Penitentiary System	92
Pakanich S.I. Topical Issues of Paying Compensation for Residential Tenancy to Penitentiary System Personnel.....	96
Khramov A.A. On Bridging Gaps in the Penal Legislation of Russia	100

CRIMINOLOGY

Derkach D.V., Loba V.E. The Effect of People’s Income on Crime (A Case Study of the Southern and North Caucasian Federal Districts)	104
Drozdov I.S. Frequency of Recidivism Among Convicts with Non-Custodial Sentences	108

FORENSIC SCIENCE

Foygel E.I. On the Forensic Model of Advenal Crimes	114
--	-----

PROSECUTOR SUPERVISION

Marinicheva A.Yu. On Prosecutor’s Supervision Over the Rights of Entrepreneurs in the Sphere of Implementation of State and Municipal Contracts.....	123
--	-----

CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Buberbaev N.D. Cultural and Moral Determinants of Crime in Nur-Sultan	130
Kudratov N.A. Criminal Law Protection of the Fundamentals of the Constitutional System of the Republic of Tajikistan	134
Information about the authors in Russian	139

ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИЙ

УДК 34

DOI 10.17223/23088451/14/1

С.В. Ведяшкин, Л.В. Гааг, Д.В. Сенникова

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ: ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»

27 апреля 2019 г. на базе Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета состоялась Международная научно-практическая конференция «Домашнее насилие: предупреждение и ответственность». В рамках мероприятия было проведено трансдисциплинарное обсуждение социально-философских, юридических, психологических, педагогических и медицинских аспектов домашнего насилия.

Ключевые слова: *насилие, ответственность, предупреждение, правовая защита, правозащитная деятельность.*

Международную научно-практическую конференцию приветственным словом открыл **Директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор Владимир Александрович Уткин**. Он отметил: проблема домашнего насилия носит комплексный и междисциплинарный характер, поэтому данная конференция стала площадкой для дискуссии ученых и практиков совершенно различных специальностей и профилей. Решению проблем домашнего насилия как задачи любого государства и общества в целом должна способствовать плодотворная дискуссия участников конференции, обмен опытом и поиск эффективных решений!

Елена Геннадьевна Карташова, Уполномоченный по правам человека в Томской области, выступила с докладом на тему «Практика работы Уполномоченного по правам человека в Томской области в сфере помощи пострадавшим от домашнего насилия», в котором определила основные правовые возможности и направления деятельности регионального омбудсмена при работе с гражданами, ставшими жертвами насилия со стороны родственников.

Особенное внимание Е.Г. Карташова уделила проблеме геронтологического насилия, указав на такие его характерные черты, как латентный характер, необходимость межведомственного и межсекторного взаимодействия для улучшения качества жизни пострадавшего, потребность в оказании психологической и психотерапевтической помощи не только жертве, но и родственникам, осуществляющим уход, как авторам домашнего насилия.

В заключение своего выступления Е.Г. Карташова указала на необходимость проведения разъяснительной работы с сотрудниками медицинских и социальных учреждений, ошибочно воспринимающих домашнее насилие как проблему частного порядка, а также предложила медиацию как возможный ресурс для преодоления такого вида насилия.

В рамках дискуссии Е.Г. Карташова поддержала опыт других субъектов федерации по созданию ре-

гиональных координационных центров по противодействию домашнему насилию.

Лев Михайлович Прозументов, доктор юридических наук, профессор, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета, выступил с докладом на тему «Жестокое обращение с ребенком и его виды в УК РФ». В своем докладе Лев Михайлович указал, что российское законодательство, а также международные акты о правах ребенка не признают «насилие» и «домашнее насилие» в качестве самостоятельных юридических категорий в контексте правового положения несовершеннолетних, при этом проявления различных форм насилия в отношении детей следует расценивать как жестокое обращение с ними.

В этой связи Л.М. Прозументов указал на проблематику привлечения к ответственности по ст. 156 Уголовного кодекса РФ, связанную с высокой латентностью данного уголовно наказуемого деяния, недостатками правовой дефиниции понятия «воспитание» и, как следствие, с неверным определением объекта уголовно-правовой охраны данного состава преступления правоохранительными органами и правоведами.

В заключение своего доклада Л.М. Прозументов указал, что глава 20 УК РФ включает не все составы преступлений в отношении несовершеннолетних и требует разделения на две самостоятельные части, поскольку в настоящее время она нацелена на уголовно-правовую охрану двух совершенно различных объектов.

Анна Глоговска-Бальцерзак, кандидат юридических наук, доцент Лодзинского университета (Польша) выступила с докладом на тему «Реализация Стамбульской конвенции Польшей» и представила результаты осуществления в Республике Польше норм ст.ст. 23, 52, 53 Европейской Конвенции «О предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием».

Так, в государстве обеспечены условия для раздельного проживания лица, совершившего насилие, и жертвы, состоящих в партнерских или супружес-

ских отношениях, хотя не все убежища («шелтеры») предоставляют женщинам право на совместное проживание с детьми. Срочные запретительные приказы в ситуации непосредственной опасности, предписывающие раздельное проживание жертвы и лица, осуществившего насилие, как и приказы об ограничениях или защите, выдаются, но не всегда с соблюдением установленных законом сроков.

В рамках дискуссии Анна Глотовска-Бальцерзак отметила эффективность австрийского метода защиты жертв домашнего насилия, в соответствии с которым полиция уполномочена выдавать срочные запретительные приказы сразу после обращения за помощью пострадавшей, тогда как в Польше подобные акты издаются только прокурором или судьей, и их принятие не может носить по-настоящему неотложный характер.

Елена Сергеевна Турутиня, кандидат философских наук, доцент, президент Томской региональной общественной организации по защите прав и интересов женщин «Женский голос», представила доклад на тему «Реализация мер профилактики домашнего насилия в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы».

В рамках доклада Елена Сергеевна осветила этапы реализации названной Национальной стратегии, а также указала на необходимость создания координационного совета по реализации данного акта во всех субъектах России, в том числе в Томской области. Е.С. Турутиня отметила вклад общественных организаций и иных общественных объединений в работу с данной проблемой и подчеркнула необходимость принятия Федерального закона о противодействии домашнему насилию. В заключение доклада Елена Сергеевна охарактеризовала домашнее насилие в российском обществе с позиции социально-философских взглядов.

Эльман Сулейманович Юсубов, кандидат юридических наук, доцент, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета, Заслуженный юрист России, выступил с докладом на тему «Домашнее насилие как латентная форма унижения человеческого достоинства (ч. 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации)», в котором указал, что для преодоления домашнего насилия, а также иных видов насилия в российском обществе необходимы изменение публичного пространства, отказ от демонстрации актов насилия и позиционирования последних как способа развлечения публики в СМИ, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и иных информационных ресурсах. Признавая вклад некоммерческих организаций в преодоление проблемы домашнего насилия, ученый отметил недостаточность одних только общественных инициатив и запретительных механизмов со стороны государства. Последние не возымеют необходимого эффекта без систематической работы по разъяснению противоправности насилия и проявления нетерпимости к нему со стороны публичных и нравственных авторитетов.

Альбена Георгиева Койчева, юрист Болгарского фонда гендерных исследований, учредитель образовательной программы «Институт обучения защите прав женщин», выступила с докладом на тему «Гендерное равенство и борьба с насилием в семье – принципы, стандарты, реализация». По ее мнению, гендерное неравенство является одним из основных факторов, способствующих появлению в обществе проблемы домашнего насилия [1, с. 144]. Исследовательница дала определение домашнему насилию и охарактеризовала его основные черты. А.Г. Койчева осветила роль международных стандартов и принципов в преодолении проблемы домашнего насилия, однако указала, что их реализация напрямую зависит от содержания национального права государств-участников и эффективности его воплощения [2, с. 52]. Приоритетным в этом отношении следует считать такое направление работы, как сбор статистической информации о жертвах и авторах насилия, а также иных данных, характеризующих домашнее насилие и способствующих его предотвращению.

Владислав Александрович Рудницкий, доктор медицинских наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ психического здоровья Томского НИМЦ РАН, представил доклад «Последствия насилия в семье в практике врача-психиатра. Подходы к лечению, реабилитации жертв и подготовке специалистов, работающих с участниками конфликта», в котором отразил медицинские аспекты переживания жертвой ситуации домашнего насилия, психологические и иные факторы, способствующие образованию брака или партнерских отношений, в которых проявляется характеризуемая проблема, задачи психотерапевта по оказанию помощи лицу, пережившему насилие, в том числе посредством медикаментозной терапии, особенности подготовки специалистов в названном направлении и разработки образовательных программ.

Дарья Владимировна Сенникова, кандидат юридических наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета, выступила с докладом на тему «Гендерная политика в Российской Федерации и проблема домашнего насилия: социально-правовая экспликация». В докладе Д.В. Сенникова отразила особенности реализации рекомендаций Комитета по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин на территории Российской Федерации, а также влияния основных направлений государственной политики на положение женщин в обществе в контексте проблемы домашнего насилия.

Наталья Николаевна Богданова, психолог МАУ ЦПСА «Семья», выступила с докладом на тему «Социально-психологический портрет женщины, пострадавшей от домашнего насилия (теоретические и практические аспекты)». Она установила причины аффективного расстройства у жертв домашнего насилия, типичные последствия жестокого обращения с ними со стороны партнеров и характер изменений качества жизни пострадавших от насилия после проведения терапии.

Татьяна Матвеевна Дмитриева, вице-президент Томской региональной общественной организации по защите прав и интересов женщин «Женский голос», член Совета общественных инициатив при Законодательной Думе Томской области, член Координационного совета женщин при мэре города Томска, представила доклад на тему «Особенности оказания помощи женщинам, пережившим насилие: достижения и проблемы», в котором проанализировала особенности правового положения и деятельности муниципальных и государственных кризисных центров для женщин, а также некоммерческих организаций, оказывающих помощь жертвам домашнего насилия.

Марина Владимировна Коченова, Яна Владимировна Шемет, педагоги-психологи ГОО «Кузбасского регионального центра психологического, медицинской и социальной помощи “Здоровье и развитие личности”» (г. Кемерово)

представили доклад на тему «Привлечение специалиста педагога (психолога) при производстве и рассмотрении уголовных дел, связанных с домашним насилием», в рамках которого отразили опыт работы сотрудников отдела судебной психологии ГОО, взаимодействующих с несовершеннолетними во время различных процессуальных мероприятий.

Екатерина Андреевна Грязнова, аспирант Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Новосибирск) выступила с докладом на тему «Домашнее насилие как вид посягательства на личную неприкосновенность» и рассмотрела проблему домашнего насилия с позиции нарушения конституционных прав гражданина на личную неприкосновенность, а также иных естественных прав, предложив при этом собственный подход к определению домашнего насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Głogowska A. Trafficking in persons for the purpose of organ removal from an international legal perspective // Białostockie studia prawnicze. 2013. № 13. P. 137–145.
2. Głogowska-Balcerzak A. International Legal Framework to Combat Trafficking in Persons as an Example of a Response to Security Threats Posed by Transnational Organized Crime // Security as the Purpose of Law : Conference Papers / Vilnius Universitetas. Vilnius, 2015. P. 50–56.

International Conference “Domestic Violence: Prevention and Responsibility”

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 5–7. DOI 10.17223/23088451/14/1

Sergey V. Vedyashkin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Lyudmila V. Gaag, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Daria V. Sennikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: violence, responsibility, prevention, legal defense, advocacy.

On April 27, 2019, the Law Institute of the National Research Tomsk State University held the International Conference “Domestic Violence: Prevention and Responsibility”, focused on the transdisciplinary discussion of the socio-philosophical, legal, psychological, pedagogical, and medical aspects of domestic violence. The conference attracted legal scholars, philosophers, sociologists, representatives of state bodies and institutions, NGOs, international experts, who emphasised the complex and interdisciplinary nature of domestic violence issues to be discussed by scientists and practitioners of completely different specialties and profiles. The attendees recognised the need for explanatory work among medical and social employees, who misread domestic violence as a private problem, and proposed a wider use of mediation as a possible resource to overcome this type of violence. In addition, they highlighted the specificity of the implementation of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women in the Russian Federation as well as the impact of the state policy on the status of women in society in terms of domestic violence.

References

1. Głogowska, A. (2013) Trafficking in persons for the purpose of organ removal from an international legal perspective. *Białostockie Studia Prawnicze*. 13. pp. 137–145.
2. Głogowska-Balcerzak, A. (2015) International Legal Framework to Combat Trafficking in Persons as an Example of a Response to Security Threats Posed by Transnational Organized Crime. *Security as the Purpose of Law*. Conference Papers. Vilnius University. pp. 50–56.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.241

DOI 10.17223/23088451/14/2

М.Т. Валеев

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ПЕНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

Устанавливается содержание пенализации: конструирование иных, помимо наказания, мер уголовно-правового характера. Рассматриваются возможные варианты ответа на поставленный вопрос. Автор приходит к выводу, что оптимальным является включение в границы пенализации общественно опасных деяний наряду с наказанием таких иных мер уголовно-правового характера, которые фактически составляют содержание наказуемости как признака преступления.

Ключевые слова: пенализация, наказание, иные меры уголовно-правового характера.

Развитие уголовного законодательства последних десятилетий среди прочих обнаруживает две устойчивых тенденции. Первая состоит в либерализации уголовного права (снижение нижних границ санкций уголовно-правовых норм, возможность понижения судом категории общественной опасности преступления, расширение перечня наказаний, не связанных с лишением свободы, введение новых альтернатив уголовной ответственности). Она задает форму и содержание второй тенденции, состоящей в интенсивном и экстенсивном расширении предмета уголовно-правового регулирования. Интенсивность состоит в увеличении количества казуальных норм. К таковым можно отнести появление составов преступлений, предусматривающих ответственность за отдельные виды мошенничества, незаконного предпринимательства, террористической деятельности, коррупции, по сути, являющихся конкретизацией уже существовавших норм, закрепление трех видов исправительных работ, четырех видов лишения свободы. Экстенсивность проявляется, в частности, в появлении новых видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера, мер уголовно-правового воздействия, установлении новых видов освобождения от уголовной ответственности.

Изменения уголовного закона, отражающие указанные тенденции, в последние два десятилетия сделали актуальной дискуссию о необходимости пересмотра целого ряда теоретических положений, казавшихся ранее незыблемыми. В научной литературе все чаще звучат предложения по-новому взглянуть на классические представления о содержании уголовно-правового регулирования, методе уголовно-правового регулирования, месте диспозитивности в уголовном праве и т.д. [1. с. 18; 2. с. 39; 3. с. 169; 4. с. 16]. В числе актуальных – и вопрос о содержании и пределах пенализации общественно опасных деяний как направлении уголовно-правовой политики. Если ранее уголовное право было правом уголовной ответственности, а основной формой ее реализации – наказания, то теперь в него «вторгаются» и иные меры – как являющиеся, так и не являющиеся формами реализации уголовной ответственности. Невозможно не замечать, что традиционное классическое представление о пенализации общественно опас-

ных деяний как об одной из форм юридического выражения уголовно-правовой политики, представляющей собой специфическую стадию борьбы с преступностью посредством уголовного наказания, на которой осуществляется его закрепление в уголовном законе за уголовно-противоправные общественно опасные деяния, ныне не охватывает собой иные, помимо наказания, меры уголовно-правового воздействия. Между тем такие меры, например судебный штраф или денежное возмещение причиненного ущерба или дохода, полученного виновным в результате совершенного преступления, убытков, которых ему удалось избежать в результате совершения преступления, обладают целым рядом признаков уголовного наказания (меры государственного характера, способные вызывать страдания, выражение осуждения, лишение, ограничение). Следует ли их относить к процессу и результатам пенализации и, соответственно, подчинять таким общим для этой деятельности требованиям, как основание, условия, принципы, либо пенализация должна ограничиваться исключительно уголовным наказанием, а конструирование иных мер уголовно-правового характера есть предмет какой-то иной деятельности законодателя, обладающей самостоятельными характеристиками?

Прежде чем ответить на поставленный вопрос, стоит определиться с понятием «иная мера уголовно-правового характера». Отсутствие легального определения этого понятия и конкретного перечня таких мер приводит к неоднозначному пониманию этих вопросов в научной литературе. Действующее уголовное законодательство позволяет рассматривать этот термин в следующих трех аспектах.

Первый аспект – узкий. В таком смысле следовало рассматривать иные меры уголовно-правового характера с момента принятия УК РФ 1996 г. вплоть до 27 июля 2006 г. Согласно ст.ст. 2, 6, 7 УК РФ, в которых только и упоминались изначально иные меры уголовно-правового характера, они должны отвечать требованиям возмездности, т.е. применяться за преступление, соответствующему характеру и степени его общественной опасности, обстоятельствам его совершения и личности виновного, не преследуя целей причинения физических страданий или унижения человеческого досто-

инства. Уголовно-правовые меры, отвечающие таким требованиям, связаны с возможностью (при наступлении определенных условий) применения основного метода регулирования уголовных правоотношений – уголовного наказания. На сегодня, согласно узкому подходу, к «иным мерам» следует относить условное осуждение, испытательный срок при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, отсрочку отбывания наказания женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до 14 лет и являющемуся единственным родителем, отсрочку отбывания наказания больным наркоманией, судебный штраф. Этот подход большей частью отражен в тексте УИК РФ.

Второй аспект – законодательный. Он получил право на существование с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”». С принятием данного закона раздел VI УК РФ получил наименование «Иные меры уголовно-правового характера». Сегодня этот раздел включает в себя три главы: принудительные меры медицинского характера (гл. 15), конфискация имущества (гл. 15.1.) и судебный штраф (гл. 15.2)¹.

Третий аспект предполагает наиболее широкий подход к пониманию «иных мер уголовно-правового характера». Это всякие меры, помимо наказания, закрепленные в уголовном законе, независимо от того, имеют ли они в действительности уголовно-правовую природу или нет. Объединение мер по такому критерию происходит просто по факту «прописки» (нахождения) их в Уголовном кодексе РФ.

Пенализация – это деятельность законодателя, предполагающая нормативное установление в законе одного из существенных признаков преступления – наказуемости. В этом проявляется подчиненная роль пенализации по отношению к криминализации. Ее содержание, принципы, тенденции и другие характеристики обусловлены тем, как законодатель очерчивает круг преступного. Что такое наказуемость? Во-первых, очевидно, что она включает в себя содержание санкций Особенной части УК РФ («непосредственная» наказуемость). Однако только содержанием санкций Особенной части УК РФ она исчерпывается не может хотя бы потому, что в противном случае дополнительное наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственной награды, отсутствующее в санкциях Особенной части УК РФ, оставалось бы за его пределами, что неверно. Конструирование санкций – закрепление непосредственной наказуемости деяний в Особенной части – становится возможным только благодаря установле-

нию наказуемости в Общей части («опосредованная» наказуемость) – основания, условий, форм реализации и т.д.

При определении того, что составляет содержание наказуемости в Общей части УК РФ, вряд ли стоит ограничиваться только наказаниями. Наказуемость предполагает как применение наказания за совершение преступления («реальная» наказуемость), так и угрозу его применения («абстрактная», или «потенциальная», наказуемость). Если реальная наказуемость состоит в установлении видов наказаний в Общей части УК, а также наказаний за конкретные виды преступлений в Особенной части, то абстрактная подразумевает случаи, когда наказание реально не применяется, хотя основания к этому есть, но в силу указанных в законе причин вместо него применяются иные меры уголовно-правового характера, при этом возможность реального применения наказания сохраняется. Те меры уголовно-правового характера, которые связаны с реальной или абстрактной (потенциальной) реализацией основного метода регулирования уголовно-правовых отношений – кары (т.е. также являются формами реализации уголовной ответственности), составляют содержание наказуемости, а потому должны включаться в предмет пенализации. К таким мерам следует отнести все меры уголовно-правового характера в узком смысле. В то же время не могут быть предметом пенализации иные меры уголовно-правового характера, понимаемые в широком и законодательном аспектах, просто потому, что такие подходы, во-первых, «объединяют необъединяемое», во-вторых, никак не связаны с основным звеном пенализации – уголовным наказанием, а значит, подчинены совершенно иной логике своего построения (иные цели, основания, свойства, последствия). В научной литературе такие последствия преступления предлагаются именовать «иными мерами, предусмотренными уголовным законом» [5, с. 12–13].

Уголовное право в своем развитии в части пенализации, на наш взгляд, имеет два возможных пути. Первый предполагает включение в уголовный закон наряду с результатами пенализации и иных мер, не соответствующих основному методу регулирования уголовных правоотношений, например конфискации и принудительных мер медицинского характера, возмещения, кратного причиненному ущербу, как условия освобождения от уголовной ответственности. Это и имеет место в настоящее время. Такой подход, на наш взгляд, ведет к размытию классических границ метода уголовно-правового регулирования как метода публично-императивного «воздаяния», ориентированного на применение наказания.

Процесс создания таких последствий совершения преступления, не входящих в предмет пенализации, можно было бы объединить иной, не связанной с нею деятельностью законодателя. В русском языке термина, обозначающего такую деятельность, нет. Учитывая его отсутствие, подобно тому как и понятие пенализации заимствовано из иностранного языка, такое понятие также могло бы быть заимствовано. Полагаю допустимым использовать для выражения нужного значения уже имеющееся заимствованное слово, например

¹ Стоит отметить, что Уголовно-исполнительный кодекс РФ регулировал и регулирует исполнение таких иных мер, как условное осуждение (раздел VII) и отсрочка отбывания наказания осужденным (ст.ст. 177, 178 УИК РФ). Соответственно с позиций УИК РФ «иные меры уголовно-правового характера» – это условное осуждение и отсрочка отбывания наказания.

«консеквенция» [6, с. 387]. Современные словари указывают, что термин произошел от латинского *consequētia* – последствие, следствие, результат, итог. Таким образом, производное от «консеквенция» – «консеквенциализация», созданное посредством отглагольной словообразовательной модели посредством суффиксального способа словообразования [7, с. 664], могло бы обозначать деятельность законодателя по конструированию иных – не связанных с карой – последствий совершения преступления. Это позволило бы более дифференцированно решать вопросы разной правовой природы и на этой основе оптимизировать правовой режим связанных и не связанных с наказуемостью мер, закрепленных в уголовном законе.

Второй, классический путь предполагает введение в уголовный закон только результатов пенализации в

узком смысле. Такой подход позволит сохранить четкие границы предмета и метода уголовно-правового регулирования, традиционную для сложившейся отечественной доктрины концепцию соотношения преступления и наказания как его естественного последствия, будет способствовать сохранению исключительно публичного характера отрасли.

Полагаем более предпочтительным второй путь развития уголовного права. Эффективности правового регулирования любой отрасли права, в том числе и уголовного, способствует четкое понимание законодателем внутренних и внешних границ такого регулирования. Напротив, необоснованное расширение предмета и метода за счет привнесения институтов, не свойственных отрасли, приводит к подмене стоящих передней задач.

ЛИТЕРАТУРА

- Сумачев А.В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. М. : Юристъ, 2003. 331 с.
- Маштаков К.М. Тенденции развития частноправовых начал в современном уголовном праве. // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 1. С. 39–42.
- Генрих Н.В. К итогам исследования проблемы предмета и метода уголовного права (основные выводы) // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4. С. 169–171.
- Кожевников В.В. К проблеме диспозитивных норм частного и публичного права современной России // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 16–28.
- Уткин В.А. Проблемы Концепции развития уголовно-исполнительской системы в контексте уголовной политики // Уголовно-исполнительская система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития. Рязань : Академия ФСИН России, 2013. Т. 1. С. 8–13.
- Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М. : Эскимо, 2006. 669 с.
- Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М. : Рус. яз., 1986. 1136 с.

On Boundaries of Penalisation for Socially Dangerous Acts

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 8–10. DOI 10.17223/23088451/14/2

Marat T. Valeev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mtv666@yandex.ru

Keywords: penalisation, punishment, other penal measures (security measures).

Scholars have developed three main approaches to determining the concept of “other penal (security) measures” – narrow, broad, and legislative. Penalisation of socially dangerous acts legally defines the range of punishability as a sign of crime. Punishability involves the application of punishment for committing a crime (“real” punishability) as well as its threat (“abstract” or “potential” punishability). While real punishability implies establishing the types of punishment in the General Part in the Criminal Code, as well as the punishment for specific types of crime in the Special Part, abstract punishability covers the cases when the punishment is not really applied, although there are reasons for it. However, due to the reasons specified in the law, other penal (security) measures are applied, with the possibility of real punishment remaining. Those penal measures that are related to punishment as a real or abstract (potential) implementation of the main method of regulating penal relations constitute the content of punishability, and therefore must be included in the subject of penalisation. Such measures should include all penal measures in the narrow sense. The optimal further development of criminal law should imply including exclusively penalties in the narrow sense in the criminal law. This approach would preserve clear boundaries of the subject and method of penal regulation, the traditional correlation between crime and punishment as its natural consequence, and the exclusively public nature of the sphere.

References

- Sumachev, A.V. (2003) *Publchnost' i dispozitivnost' v ugolovnom prave* [Publicity and dispositiveness in criminal law]. Moscow: Yurist.
- Mashtakov, K.M. (2013) Trends in the development of private law principles in modern criminal law of Russia. *Yurist"-Pravoved"*. 1. pp. 39–42. (In Russian).
- Genrikh, N.V. (2010) K itogam issledovaniya problemy predmeta i metoda ugolovnogo prava (osnovnye vyvody) [Summing up the study of the subject and method of criminal law (main conclusions)]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 4. pp. 169–171.
- Kozhevnikov, V.V. (2017) On Problem of Discretionary Rules of Private and Public Law of Modern Russia. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 8. pp. 16–28. (In Russian).
- Utkin, V.A. (2013) Problemy Konseptsiyi razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy v kontekste ugolovnoy politiki [Problems of the Concept of Penal System Development in the context of criminal policy]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossiyskoy federatsii v usloviyakh modernizatsii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [The Penal System of the Russian Federation Under Modernisation: Current Status and Development Prospects]. Vol. 1. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 8–13.
- Komlev, N.G. (2006) *Slovare' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Eksmo-press.
- Kuznetsova, A.I. & Efremova, T.F. (1986) *Slovare' morfem russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Morphemes]. Moscow: Russkiy yazyk.

О.В. Ермакова**ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ УЩЕРБ ГРАЖДАНИНУ КАК ПРЕСТУПНОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ КРАЖИ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЕЙ ПРАКТИКИ**

Анализируется такое последствие состава кражи, как значительный ущерб гражданину. В результате изучения научной литературы и судебной практики выявляются проблемы толкования данного последствия. Отдельное внимание уделяется тем судебным решениям, квалификация деяния в которых, по мнению автора, достаточно сложна и неоднозначна. Предложенные автором правила применения п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ направлены на унификацию судебной практики.

Ключевые слова: значительный ущерб, преступления против собственности, кража, момент окончания преступлений против собственности.

Преступные последствия в виде причинения значительного ущерба гражданину, закрепленные в квалифицированном составе кражи, относятся к числу оценочных. Данное положение объясняется тем обстоятельством, что признание ущерба значительным зависит от имущественного положения потерпевшего и определяется в каждом конкретном случае индивидуально.

С положительной стороны следует отметить, что законодатель с целью устранения спорных вопросов квалификации разъяснил понятие значительного ущерба гражданину в примечании 2 к ст. 158 УК РФ, ограничив минимальный размер такого вреда суммой в 5 000 руб. Однако в научной литературе высказываются суждения о недостаточном увеличении такого размера по сравнению с прожиточным минимумом, сумма которого на 1 квартал 2019 г. составила 10 753 руб. [1].

Обращает на себя внимание также тот факт, что при таком установлении размеров промежуток между значительным ущербом и крупным достаточно велик.

Проблемы правильного законодательного установления градации размеров приводят отдельных ученых к мысли о необходимости отказа от подобного подхода. В обоснование исследователи приводят примеры, когда размер похищенного отличается от закрепленного в законе на одну копейку и, по своей сути, разность сумм с экономической и потребительской точек зрения является ничтожной, однако возбуждение уголовного дела невозможно [2, с. 3–6].

В свою очередь, в соответствии с теорией конструирования состава преступления описание материального состава путем указания на характер вреда и его размер – наиболее правильный и точный способ отражения избранного момента окончания преступления в нормах Особенной части УК РФ. Именно поэтому следует одобрить стремление законодателя в нормах закона представить указание как на разновидность последствий, так и на их размер.

Анализ научной литературы и судебной практики показывает, что, несмотря на предпринятые законодателем меры, толкование оценочного понятия «значительный ущерб гражданину» сопряжено со значительными трудностями.

Так, квалифицированный состав кражи содержит указание исключительно на причинение значительного ущерба гражданину (выделено мной. – O.E.). Букваль-

но tolkuy положения закона, следует вывод, что для организаций такого ущерба существовать не может, а при наличии крупного или особо крупного ущерба квалификация проводится по другим квалифицирующим признакам.

Думается, подобное положение закона противоречит принципу равенства в той части, что положения закона должны применяться в одинаковой мере и к гражданам, и к организациям, поэтому следует исключить из п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ указание на потерпевшего от преступления.

Особую актуальность поставленный вопрос имеет в тех ситуациях, когда ущерб причинен индивидуальному предпринимателю, поскольку зачастую правоприменительные органы чрезмерно ограничительно толкуют уголовный закон, применяя п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ исключительно к гражданам.

Например, органами следствия действия М. были квалифицированы по ч. 1 ст. 158 УК РФ, несмотря на то что сумма ущерба составляла 137 000 руб., поскольку потерпевший П. является индивидуальным предпринимателем [3].

По нашему мнению, подобное толкование закона нельзя признать верным, так как статус индивидуального предпринимателя не связан с юридическим лицом, следовательно, на него должны распространяться все те права, которые относятся к гражданам.

Исходя из содержательной характеристики понятия «значительный ущерб гражданину», закрепленной в примечании 2 к ст. 158 УК РФ, критериями его установления выступают следующие.

1. Стоимостная характеристика ущерба, которая должна составлять не менее 5 000 руб.

В этой части особые опасения имеются по качественной составляющей проводимой оценки стоимости имущества.

Органы предварительного расследования в большинстве случаев проводят комиссионную экспертизу, однако в отдельных районах вследствие недостаточной материальной базы она не осуществляется, а оценка производится по объявлениям о продаже схожих товаров в Интернете (например, сайт «Авито») либо со слов самого потерпевшего.

При подобных способах определения стоимостной характеристики возможна необъективность, так как,

делая скриншот со страницы из Интернета, правоприменительные органы не видят предлагаемый товар, не оценивают имеющиеся повреждения и расхождения в описании. Кроме того, цены в объявлениях могут существенно различаться, что порождает проблему выбора той цены, которая подлежит применению.

В отдельных регионах оценку имущества осуществляют сами потерпевшие. Данная практика имела широкое распространение в советское, а также в постсоветское время и в принципе, как замечают отдельные ученые, была допустима, поскольку цены были относительно стабильными и устанавливались, контролировались и регулировались государством [2, с. 3–6]. В свою очередь, в настоящее время потерпевшие, осуществляющие оценку собственного имущества, зачастую субъективно преувеличивают его стоимость, не учитывая амортизацию, наличие повреждений и т.д.

Таким образом, определяя стоимость похищенного имущества, наиболее целесообразно исходить из данных комиссионной экспертизы. При невозможности ее проведения необходимо более детально оценить стоимость на основе анализа схожих товаров, документов, подтверждающих стоимость, состояния имущества на момент хищения.

2. Имущественное положение потерпевшего и его семьи, которое должно свидетельствовать о существенном влиянии ущерба на их уровень жизни и благосостояние.

В этой части правоприменительная практика оценивает доход потерпевшего и членов его семьи, количество иждивенцев, размер расходов (в том числе с учетом коммунальных выплат, кредитов и т.д.).

В отдельных уголовных делаах имеются ссылки на возраст потерпевшего и состояние здоровья. С таким расширением критериев значительного ущерба, по нашему мнению, нельзя согласиться, поскольку возрастные характеристики не имеют отношения к имущественному положению человека, а неблагополучие в указанной сфере зачастую встречается и в «работоспособном» возрасте. Что касается состояния здоровья, то само по себе наличие заболеваний, не препятствующих работоспособности человека, не может выступать критерием значительности. В том же случае, когда вследствие заболевания человек не может работать (инвалид, временно нетрудоспособный), состояние здоровья выступает лишь доказательством низкого имущественного положения лица, а не самостоятельным критерием определения значительности.

В научной литературе отдельными авторами указывается на превалирование второго критерия, поскольку сущность этого квалифицирующего признака связывается с ухудшением имущественного положения потерпевшего [4, с. 56–60].

Однако отсутствие рамок в виде минимальной границы любого вида ущерба, а тем более выраженного оценочной категорией, может чрезмерно расширить пределы применения квалифицированного состава преступления.

Помимо законодательного определения значительного ущерба, разъяснения данного понятия приводятся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 де-

кабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». При этом обращает на себя внимание тот факт, что Верховный Суд расширяет перечень условий, необходимых для установления значительности, предлагая судам, помимо изложенных в УК РФ критериев, принимать во внимание значимость данного имущества для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и т.д. [5].

Анализ приведенных рекомендаций свидетельствует, что такие признаки, как доход, расходы, количество членов семьи и иждивенцев, не выступают самостоятельными критериями значительности, а характеризуют имущественное положение потерпевшего. По своей сути, новым критерием выступает лишь значимость имущества.

Следует отметить, что в последние годы в судебной практике встречаются приговоры, в которых суд не применяет п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, указывая на отсутствие такого критерия, как значимость.

Так, приговором Индустримального районного суда г. Барнаула К. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Суд первой инстанции исходил из того, что общий доход семьи 28 000 руб., на иждивении двое несовершеннолетних детей, автокредит в сумме 18 000 руб. В свою очередь, сумма ущерба превышает установленный законодательством минимум для этой разновидности ущерба. Судебная коллегия, исключая квалифицирующий признак, указала: судом не принято во внимание, что похищенные три ювелирных изделия не являются предметами первой необходимости, потерпевшая имеет автомобиль стоимостью 735 000 руб. [6].

По другому уголовному делу был исключен признак значительности ущерба с указанием на то обстоятельство, что потерпевшая, помимо похищенного телевизора, обладает еще несколькими [7].

Думается, подобный подход к определению границ значительности недопустим в связи со следующими аргументами. Термины «значительность» и «значимость» обладают с точки зрения этимологического значения разным содержанием. Так, значительность означает большой размер, большую величину. В свою очередь, значимость предполагает важность чего-либо [8, с. 137]. Очевидно, что характеристике ущерба в преступлениях против собственности полностью соответствует понятие значительности, предполагающее имущественную оценку. Включение в содержание значимости противоречит самому понятию ущерба, предполагающему уменьшение имущественной массы собственника или иного владельца.

Таким образом, критерий значимости вообще не имеет отношения к значительности ущерба, поскольку отражает не стоимостную оценку, а важность этого имущества для конкретного человека.

Существующие проблемы в судебной практике позволяют согласиться с утверждением П.С. Яни, указывающим, что «естественное стремление правопримениеля к формализации признаков всякой оценочной категории, посредством которой в законе описан состав преступления, в этом случае вряд ли может быть удо-

вляетворено – выработать формулу учитываемых при вменении обсуждаемого признака обстоятельств, которым можно было бы придать заранее установленное значение, в принципе невозможно» [9, с. 12–14].

Однако сказанное не означает невозможность выработки ориентиров для судебной практики, руководствуясь которыми возможно правильное толкование закона. В части содержания такого последствия, как значительный ущерб, эти критерии должны в первую очередь основываться на реальной стоимости похищенного имущества, определяемой в соответствии со всеми требованиями объективности и всесторонности. Кроме того, в качестве второго критерия необходимо учитывать соотношение данной стоимости с имущественным состоянием потерпевшего. В свою очередь, такой показатель, как значимость имущества, значения для квалификации иметь не должен.

Представленное толкование понятия «значительный ущерб гражданину» в большей степени соответствует примечанию 2 к ст. 158 УК РФ, ограничивающему содержание данного последствия исключительно размером вреда и имущественным положением потерпевшего. В свою очередь, как нам видится, Пленум Верховного Суда РФ чрезмерно расширил перечень обстоятельств, свидетельствующих о значительности, как включив в него излишние характеристики, так и перечислив в качестве самостоятельных те показатели, которые, по существу, относятся к имущественному положению.

Отдельно следует указать на возможность применения п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к тем преступлениям, которые фактически не окончились причинением имущественного ущерба, однако умысел виновного был конкретизированным и свидетельствовал о его стремлении изъять имущество именно в значительном размере (п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29).

Как указывает П.С. Яни, подобное разъяснение стало показателем изменения позиции Верховного Суда РФ в этом вопросе и является более правильным [Там же, с. 12–14]. К тому же учет направленности умысла полностью соответствует тому толкованию, которое Верховным Судом дано применительно к крупному и особо крупному размеру в грабеже и разбое.

Однако возникают серьезные сомнения в существовании подобных ситуаций в практической деятельности, что связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, определить направленность умысла виновного при фактически неоконченных действиях практически не представляется возможным. А учитывая, что в 38 изученных судебных решениях умысел описан как неконкретизированный, означающий стремление виновного изъять имущество без его осведомленности о стоимостной оценке, доказать наличие конкретизированной разновидности умысла достаточно сложно. К тому же виновный в большинстве случаев на самом деле не осведомлен о стоимости похищенного имущества.

Во-вторых, потерпевший, который также еще не лишился имущества в значительном размере, вряд ли сможет оценить его стоимость и, соответственно, верно определить потенциально возможный ущерб.

Соответственно, возможность применения п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ при фактическом отсутствии значительного ущерба может быть реализована только при отражении в приговоре конкретизированного умысла, направленного на причинение именно такого вреда.

В этой части нельзя не прокомментировать отдельные примеры, приводимые в научной литературе. Так, А.Ф. Залов моделирует следующую ситуацию: «Если преступник забрался в особняк, где висят картины известных художников, а затем похитил в одной из комнат барсетку, в которой было 10 тыс. руб., то п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ вменять не стоит, даже если окажется, что владельцем барсетки является не очень обеспеченный гражданин, для которого 10 тысяч – значительная сумма, поскольку вор не мог предположить исходя из обстановки места хищения, что причиняет значительный ущерб» [4, с. 56–60]. Ошибочность данного утверждения заключается в том, что наличие неконкретизированного умысла влечет квалификацию действий виновного по фактически наступившим последствиям, следовательно, при соответствии ущерба критериям значительности можно вменять такой квалифицирующий признак.

В качестве вывода следует отметить, что в стратегическом плане законодательство должно развиваться в направлении уменьшения использования в УК РФ очевых понятий, что связано со сложностями их установления в правоприменительной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за I квартал 2019 года* : приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 02.07.2019 № 461. URL: <https://rg.ru/2019/07/23/mintrud-prikaz461-site-dok.html> (дата обращения: 19.09.2019).
2. Векленко В.В., Галин С.В. Совершенствование уголовной ответственности за различные виды хищений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 3 (38). С. 3–6.
3. Уголовное дело № 1-256/2017 // Октябрьский районный суд г. Барнаула.
4. Залов А.Ф. Кражи с причинением значительного ущерба гражданину // Законность. 2011. № 10. С. 56–60.
5. *О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
6. Уголовное дело № 1-287 // Архив Индустримального районного суда г. Барнаула.
7. Уголовное дело № 1-107 // Архив Индустримального районного суда г. Барнаула.
8. Шаповалова О.А. Этимологический словарь русского языка : [более 4 500 словарных статей]. Ростов н/Д : Феникс, 2009. 238 с.
9. Яни П.С. Значительный ущерб как признак хищения // Законность. 2016. № 4. С. 12–14.

Large-Scale Damage to a Citizen as a Criminal Consequence of Theft: Law Enforcement Practices

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 11–14. DOI 10.17223/23088451/14/3

Olga V. Ermakova, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ermakova_alt@mail.ru

Keywords: large-scale damage, crimes against property, theft, accomplishment of crimes against property.

The qualification of theft causing large-scale damage to a citizen is undoubtedly a topical problem due to a high incidence of thefts among all recorded crimes as well as their qualification and interpretation. Drawing on the scholarly literature and judicial practice, the author analyses a large-scale damage as a theft consequence to highlight the gaps in its interpretation by the Supreme Court of the Russian Federation. The analysis results in a number of criteria for recognizing damage as large-scale. In terms of their content, these criteria should primarily be based on the real value of the stolen property, determined in accordance with all the requirements of objectivity and comprehensiveness. In addition, the second criterion necessitates taking into account the ratio of this value to the victim's property. In turn, the indicator of property importance should not be of any relevance for qualifications. The presented interpretation of the concept of "large-scale damage to a citizen" is more consistent with Note 2 to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, limiting the content of this consequence solely to the amount of harm and property status of the victim. However, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation excessively expanded the list of circumstances indicating large-scale damage, having included both unnecessary characteristics and listed as independent those indicators that essentially relate to property status.

References

1. The Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. (2019) *Prikaz Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity Rossii skoy Federatsii ot 02.07.2019 № 461 "Ob ustanovenii velichiny prozhitochnogo minimum na dushu naseleniya i po osnovnym sotsial'no-demograficheskim gruppam naseleniya v tselom po Rossii skoy Federatsii za I kvartal 2019 goda"*) [Order No. 461 of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated July 2, 2019, "On establishing the subsistence level per capita and for the main socio-demographic groups of the population as a whole in the Russian Federation for the first quarter of 2019"]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2019/07/23/mintrud-prikaz461-site-dok.html> (Accessed: 19th September 2019).
2. Veklenko, V.V. & Galyan, S.V. (2010) Sovershenstvovanie ugolovnoy otvetstvennosti za razlichnye vidy khishcheniy [Improving the criminal liability for various types of thefts]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 3(38). pp. 3–6.
3. Oktyabrsky District Court of Barnaul. (2017) Criminal Case No. 1-256/2017.
4. Zalov, A.F. (2011) Theft committed with the infliction of large-scale damage to a citizen. *Zakonnost'*. 10. pp. 56–60. (In Russian).
5. The Supreme Court of the Russian Federation. (2003) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 dekabrya 2002 g. № 29 "O sudebnoy praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe" [Resolution No. 29 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002, "On judicial practice in cases of theft, robbery and plundering"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 2.
6. The Archive of the Industrial District Court of Barnaul. (n.d.) Criminal Case No. 1-287.
7. The Archive of the Industrial District Court of Barnaul. (n.d.) Criminal Case No. 1-107.
8. Shapovalova, O.A. (2009) *Etimologicheskiy slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language]. Rostov on the Don: Feniks.
9. Yani, P.S. (2016) Serious damage as an element of theft. *Zakonnost'*. 4. pp. 12–14. (In Russian).

Е.А. Писаревская

К ВОПРОСУ О ПОЛНОТЕ УЧЕТА ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Анализируются особенности учета возрастных особенностей несовершеннолетних в механизме уголовно-правового регулирования. Особое внимание обращается на целый ряд норм в действующем российском уголовном законодательстве, регламентирующих особые правила применения к несовершеннолетним мер уголовно-правового воздействия. Делается вывод, что законодательная регламентация видов наказания и иных мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних нуждается в значительной корректировке, формулируются соответствующие предложения.

Ключевые слова: *возрастные особенности, несовершеннолетний, уголовная ответственность несовершеннолетних.*

«Учет особенностей несовершеннолетнего возраста в механизме уголовно-правового регулирования возможен в двух аспектах: во-первых, при определении возрастных границ субъекта уголовной ответственности, во-вторых, при определении особенностей реализации уголовной ответственности при уже установленных возрастных границах» [1, с. 116].

По нашему мнению, первый аспект был учтен законодателем при определении возрастных границ субъекта уголовной ответственности, однако полнота реализации второго аспекта вызывает обоснованные сомнения.

Отметим, о каких особенностях реализации уголовной ответственности несовершеннолетних идет речь.

К первой особенности отнесем два положения Общей части УК РФ. Так, согласно п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет, не учитываются при признании рецидива преступлений. В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ несовершеннолетний возраст является обстоятельством, смягчающим наказание, наряду с другими смягчающими и отягчающими наказание обстоятельствами.

Ко второй особенности относится наличие в действующем российском уголовном законодательстве специфического самостоятельного раздела «Уголовная ответственность несовершеннолетних», в котором содержится целый ряд норм, регламентирующих особые правила применения к несовершеннолетним мер уголовно-правового воздействия.

Так, ст. 88 УК РФ, включенная в данный раздел, содержит перечень наказаний, которые могут быть назначены несовершеннолетним. По сравнению с перечнем наказаний для взрослых преступников перечень и размер наказаний для несовершеннолетних существенно сокращен.

Однако не все указанные в ст. 88 УК РФ виды наказаний в равной степени применяются к несовершеннолетним. Незначительное применение отдельных видов наказаний к несовершеннолетним может быть объяснено дефектами их законодательной регламентации. Проанализируем некоторые дефекты.

Первое наказание, указанное в ч. 1 ст. 88 УК РФ, – штраф. К нему в качестве основного вида наказания

в 2018 г. было осуждено 9,6% лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте [2]. Показатели 2016 и 2017 гг. существенно не отличались, в эти годы к штрафу в качестве основного наказания было осуждено 9,8% лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. В 2013 г. этот показатель составил 12,3% [3]. Таким образом, незначительный удельный вес лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, осуждавшихся к наказанию в виде штрафа, за последние годы еще больше снизился.

Представляется, что это не является случайным. Действующая редакция ч. 2 ст. 88 УК РФ, на наш взгляд, нуждается в серьезной корректировке. Согласимся с тем, что наказание в виде штрафа «применительно к несовершеннолетним, имеющим самостоятельный заработок или имущество, на которое может быть обращено взыскание, выглядит логичным» [1, с. 168]. В данном случае работает принцип личной ответственности несовершеннолетнего за содеянное. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 88 УК РФ штраф может быть также назначен несовершеннолетнему, не имеющему самостоятельного заработка или имущества. Кроме того, «штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия». Большинство несовершеннолетних преступников происходит из семей с низким материальным достатком, которые не могут выплатить подобные штрафы в случае их назначения. Кроме того, законные представители несовершеннолетнего вправе отказаться платить штраф, если у них имеется конфликт с несовершеннолетним. Действующая редакция ч. 2 ст. 88 УК РФ противоречит принципу личной виновной ответственности за содеянное.

В связи с изложенным, представляется правильным внести изменения в ч. 2 ст. 88 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Штраф назначается при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества. Штраф назначается в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработка платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев».

Вторым видом наказания, предусмотренным ст. 88 УК РФ, является лишение права заниматься определенной деятельностью. Данный вид наказания, как показывает анализ статистической информации, к несовершеннолетним фактически не применяется. В частности, в 2014 и 2017 гг. в России к этому виду наказания не был осужден ни один несовершеннолетний [4, 5].

Очевидно, что применять это наказание можно к лицу, занимающемуся такой деятельностью. Речь может идти о трудовой или предпринимательской деятельности, деятельности, связанной с управлением транспортными средствами, охотой. Такие лица крайне редко встречаются среди несовершеннолетних осужденных. Характеризуя данные о судимости в России в 2017 г., Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации указал, что доля учащихся в структуре судимости несовершеннолетних стабильно составляет 68% [3]. Данные судебной статистики за 2018 г. подтверждают этот тезис. Так, в 2018 г. учащиеся и студенты составили 68,4% среди всех лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте [2]. При этом лица без определенного рода занятий составили среди всех осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте в России, 28,0% в 2013 г., 29,8% в 2016 г., 28,8% в 2017 г. и 28,4% в 2018 г [2, 3]. Таким образом, совокупный удельный вес осужденных, к которым неприменим данный вид наказания, фактически достигает 98,0%. В связи с этим полагаем излишним наличие наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в ст. 88 УК РФ. Считаем необходимым признать утратившим силу п. «б» ч. 1 ст. 88 УК РФ.

Третий вид наказания, в настоящее время предусмотренный в ст. 88 УК РФ, – обязательные работы, которые применяются судами Российской Федерации к несовершеннолетним довольно часто. Так, в 2018 г. 22,3% осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, было приговорено к наказанию в виде обязательных работ [2]. Показатели предшествующих лет отличались незначительно, составив в 2017 г. 25,1%, в 2016 г. – 25,0%, в 2013 г. – 22,9% [3]. Таким образом, данный вид наказания применялся к четверти лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте.

Законодательная регламентация обязательных работ применительно к несовершеннолетним также не лишена недостатков. Согласимся с Л.М. Прозументовым в том, что «не вполне понятна позиция законодателя относительно вопроса продолжительности исполнения наказания лицами в возрасте от 16 до 18 лет» [1, с. 178]. По сути, эти лица приравнены в данном вопросе к взрослым, поскольку в тексте ч. 3 ст. 88 УК РФ специальная продолжительность исполнения наказания для данной категории лиц не установлена.

Возможно, законодатель, исходил из положений ст. 63 Трудового кодекса РФ, согласно которым «заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими возраста шестнадцати лет, за исключением случаев, предусмотренных Трудовым кодексом, другими федеральными законами» [6]. Однако связывать возможность заключения трудового договора и

выполнение бесплатных общественно полезных работ в свободное от основной работы или учебы время представляется не совсем правильным по следующим основаниям. Во-первых, речь все-таки идет о несовершеннолетних, личность которых находится в стадии формирования, первоочередной задачей для которых остается учеба. Во-вторых, в соответствии со ст. 92 Трудового кодекса РФ «сокращенная продолжительность рабочего времени устанавливается для работников в возрасте до шестнадцати лет – не более 24 часов в неделю; для работников в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет – не более 35 часов в неделю», т.е. продолжительность рабочей недели для работников в возрасте 16–17 лет все-таки сокращена.

В связи с этим полагаем необходимым внести следующие изменения в ч. 3 ст. 88 УК РФ: «Продолжительность исполнения данного вида наказания лицами в возрасте до пятнадцати лет не может превышать двух часов в день, а лицами в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет – трех часов в день».

Кроме этого, следует согласиться с тем, что в настоящее время «остается неурегулированным вопрос об определении “посильности” труда как положения, сформулированного в ч. 3 ст. 88 УК РФ», а также вопрос о том, какое время следует считать свободным от учебы [1, с. 179–180]. Правоприменительная практика показывает, что уголовно-исполнительные инспекции исчисляют свободное от учебы время с момента окончания учебных занятий в образовательном учреждении. Не вызывает сомнения, что подобная трактовка уголовного законодательства не учитывает интересы несовершеннолетнего и ограничивает реализацию его права на образование.

Четвертым видом наказания, содержащимся в ст. 88 УК РФ, являются исправительные работы. Согласно статистике к исправительным работам осуждается незначительная доля несовершеннолетних. Так, если в 2014 г. удельный вес лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте и осужденных к исправительным работам, составлял 1,3%, то в 2017 г. он практически не изменился и составил 1,5%, а в 2018 г. и вовсе вернулся к своему прежнему значению – 1,3% [2, 4, 5].

С регламентацией исправительных работ тоже не все так однозначно. Согласно ч. 4 ст. 88 УК РФ исправительные работы назначаются на срок до одного года независимо от возраста осужденных. Полагаем неправильным установление единого годичного срока для всех несовершеннолетних преступников без исключения. Л.М. Прозументов обоснованно указывает, что «год исправительных работ для 14- и 15-летних – это далеко не то же самое, что аналогичный период для 16–17-летних» [1, с. 181]. Следует учитывать тот факт, что при отбывании исправительных работ несовершеннолетний «обеспечивается» работой на полный рабочий день, а это вызывает необходимость обращения к нормам российского трудового законодательства, содержащего целый ряд льгот для несовершеннолетних, особенно не достигших 16-летнего возраста. Многие работодатели могут быть просто не заинтересованы в таких работниках.

Не все ясно и относительно размера удержаний из заработной платы осужденных несовершеннолетних. В ч. 4 ст. 88 УК РФ специальная оговорка по этому вопросу не сделана, следовательно, размер удержаний аналогичен размеру удержаний для взрослых преступников и составляет от 5 до 20%. Поскольку несовершеннолетние преступники в настоящее время крайне редко являются работающими, в случае отбытия ими наказания в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, они могут рассчитывать лишь на неквалифицированную, низкооплачиваемую работу, не учитывающую их возрастные особенности. Отбытие исправительных работ может привить им только отвращение к работе в целом.

В связи с вышесказанным предлагаем внести следующие изменения в текст ч. 4 ст. 88 УК РФ: «Исправительные работы назначаются несовершеннолетним в возрасте 16–17 лет на срок до одного года. Из заработной платы несовершеннолетнего, осужденного к исправительным работам, производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от пяти до десяти процентов».

Пятым видом наказания для несовершеннолетних является ограничение свободы, которое судами назначается незначительной части несовершеннолетних осужденных. Так, если в 2014 г. в Российской Федерации удельный вес осужденных к ограничению свободы несовершеннолетних составил всего 2,3% (630 осужденных из 23 586), то в 2017 г. их удельный вес изменился незначительно и составил 3,3% (685 осужденных из 20 631) [4, 5]. Полагаем, что незначительность применения данного вида наказания судами к несовершеннолетним обусловлена фактическим дублированием данным видом наказания условного осуждения к лишению свободы. Это показывает, в частности, сравнение положений ч. 5 ст. 73 УК РФ и ч. 1 ст. 53 УК РФ.

К ограничениям, составляющим содержание наказания в виде ограничения свободы, относятся запреты уходить из места постоянного проживания в определенное время суток, посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, посещать места проведения массовых и иных мероприятий и др. В то же время при условном осуждении к лишению свободы эти запреты, как показывают данные опроса несовершеннолетних осужденных, воспринимаются ими лишь как незначительные дополнения к несущественному наказанию. Таким образом, судебная практика, на наш взгляд, незаслуженно обделает вниманием такой вид наказания, как ограничение свободы.

Последним и наиболее строгим видом наказания, применяемым к несовершеннолетним в соответствии с ч. 6 ст. 88 УК РФ, является лишение свободы, которое в настоящее время преобладает в санкциях статей УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность несовершеннолетних в возрасте 14–15 лет. Как показывает судебная статистика, лишение свободы продолжает довольно часто применяться к несовершеннолетним.

Так, в 2018 г. к наказанию в виде лишения свободы судами Российской Федерации были осуждены 16,8% лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, от общего их числа, в 2017 г. – 17,8%, в 2016 г. аналогичный показатель составил 17,2%, а в 2013 г. – 16,5% [2, 3]. Следовательно, этот показатель даже незначительно возрос в рамках рассматриваемого периода.

При этом лишение свободы назначается судами несовершеннолетним, наиболее запущенным в социально-педагогическом плане, имеющим несколько условных судимостей на момент осуждения к лишению свободы. Очевидно, что в настоящее время нельзя окончательно отказаться от его назначения несовершеннолетним, однако необходимо совершенствовать практику его исполнения.

Кроме того, согласно ст.ст. 90–92 УК РФ к несовершеннолетним могут быть применены меры воспитательного воздействия, которые наказанием не являются, но они применяются к несовершеннолетним крайне редко.

Согласно статистической информации Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, всего по видам преступлений в 2014 г. было освобождено от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа 329 несовершеннолетних, с применением других принудительных мер воспитательного воздействия – 453 несовершеннолетних. Следовательно, всего было освобождено от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия 782 осужденных несовершеннолетних при общем количестве осужденных несовершеннолетних в 2014 г. 23 586 [4], т.е. удельный вес несовершеннолетних осужденных, к которым были применены принудительные меры воспитательного воздействия, составил в 2014 г. всего 3,3%.

В 2017 г. было освобождено от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия 876 осужденных несовершеннолетних при общем количестве осужденных несовершеннолетних 20 631 [5]. Из них 370 освобождены от наказания с помещением в специальное учреждение закрытого типа, а 506 – с применением других мер воспитательного воздействия.

Таким образом, удельный вес несовершеннолетних, осужденных с применением принудительных мер воспитательного воздействия, составил в 2017 г. всего 4,2%, т.е. фактически не изменился с 2014 г.

Незначительное применение принудительных мер воспитательного воздействия вызвано, на наш взгляд, несовершенством уголовно-правовых норм.

Во-первых, до сих пор остается нерешенным вопрос о правовой природе принудительных мер воспитательного воздействия. Согласимся с Н.В. Щедриным и Н.А. Никитиной в том, что «спектр мнений относительно правовой природы принудительных мер воспитательного воздействия в науке уголовного права разнообразен и с трудом поддается систематизации... наибольшее число дискуссий связано с отнесением ПМВВ к тому или иному виду мер уголовно-правового характера» [7, с. 1007].

А.П. Фильченко вообще полагает, что «их правовую природу трудно определить однозначно» [8, с. 448],

а Л.М. Прозументов указывает, что «принудительные меры воспитательного воздействия не являются ни наказанием, ни какой-либо иной формой реализации уголовной ответственности». По его мнению, «из самого названия этих мер следует, что их сутью является именно воспитание несовершеннолетних и ограничение в неправомерном поведении» [9, с. 161]. З.А. Астемиров, В.М. Хомич и другие исследователи считают, что данные меры представляют собой одну из сторон уголовной ответственности, другие, например А.К. Музеник, Л.В. Боровых, полагают, что эти меры в случае применения ст. 90 УК РФ будут являться принудительными мерами воспитательного воздействия, а при освобождении от уголовного наказания – выражением уголовной ответственности [Там же, с.160]. Последняя позиция, несомненно, представляется нелогичной. Правовая природа принудительных мер не может изменяться. Ведь и в том и в другом случае речь идет об одних и тех же мерах.

Полагаем, что эти меры представляют собой определенную, отличную от наказания форму реализации уголовной ответственности, и предлагаем определить понятие «принудительные меры воспитательного воздействия» в тексте действующего УК РФ в качестве Примечания к ст. 90 УК РФ следующим образом: «Под принудительными мерами воспитательного воздействия в статьях настоящего Кодекса понимается форма реализации уголовной ответственности, имеющая государственно-принудительный правовой характер. Они назначаются судом и заключаются в оказании на несовершеннолетнего, совершившего преступление, воспитательно-каратального воздействия».

При этом целями принудительных мер воспитательного воздействия выступают восстановление социальной справедливости, исправление лица, подвергнутого этим мерам, а также предупреждение совершения преступлений. При этом они в силу своего особого характера, педагогической направленности имеют, на наш взгляд, еще и цель перевоспитания несовершеннолетнего, поскольку на несформированную личность, которой и является несовершеннолетний, можно воздействовать для достижения изменения им социальных установок с негативных на позитивные.

Очевидно, что если исправление заключается только в несовершении преступлений, то перевоспитание – в формировании личности путем привития несовершеннолетнему положительных качеств члена общества: уважения к правам и интересам других лиц, уважения к труду и нормам морали, а также необходимых компетенций, в том числе в сфере труда и предпринимательской деятельности и т.д.

Указанные цели, по нашему мнению, необходимо закрепить законодательно в ст. 90 УК РФ, предусмотрев п. 2 в ч. 1 рассматриваемой статьи в следующей редакции: «Принудительные меры воспитательного воздействия назначаются в целях восстановления социальной справедливости, исправления и перевоспитания несовершеннолетнего, а также в целях предупреждения совершения новых преступлений как несовершеннолетними, к которым были применены данные принудительные меры, так и иными лицами».

Отметим еще одну проблему законодательного регламентирования принудительных мер воспитательного воздействия. Действующая редакция ст.ст. 90, 91, 92 УК РФ не позволяет однозначно решить вопрос о правовой природе такой меры, как «помещение в закрытое учебно-воспитательное учреждение», а именно: при перечислении принудительных мер воспитательного воздействия в ст. 90 УК РФ «помещение» законодателем не называется. Однако в ст. 92 УК РФ «помещение» описывается «как принудительная мера воспитательного воздействия».

Согласимся Н.В. Щедриным, Н.А. Никитиной в том, что «эта “стационарная” мера является одним из видов принудительных мер воспитательного воздействия, которая отличается от “амбулаторных” мер, перечисленных в ст. 90 УК, только тем, что ограничения безопасности в ней связаны с изоляцией от общества.

Для устранения неверного толкования было бы правильным включить эту “стационарную” меру в перечень ст. 90 УК, а ее содержание расшифровать в ст. 91 УК РФ» [7, с. 1009].

Помимо этого, нуждается в пересмотре сам перечень принудительных мер воспитательного воздействия. Например, из него необходимо исключить такую абсолютно неэффективную меру, как «предупреждение».

Анализ судебной практики показывает, что часто не имеет никакого смысла передавать несовершеннолетнего под надзор родителей, ведущих асоциальный образ жизни. В качестве субъекта, осуществляющего надзор, в уголовном законе должен быть определен исключительно специализированный государственный орган, название которого также необходимо конкретизировать в тексте УК РФ.

При применении такой меры воспитательного воздействия, как ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, перечень предъявляемых к нему требований должен быть исчерпывающим, и его следует законодательно закрепить.

Следует отметить очевидную неэффективность условного осуждения несовершеннолетних к лишению свободы, довольно часто применяемого судами. Так, удельный вес условного осуждения несовершеннолетних к лишению свободы в 2008 г. составлял 51,7%, в 2009 г. – 51,4%, в 2010 г. – 51,2%, в 2011 г. – 49,5%, в 2012 г. – 42,9%, в 2013 г. – 39,3%, в 2014 г. – 41,1%, в 2016 г. – 41,6%, в 2017 г. – 40,5%, в 2018 г. – 38,4% [2; 3; 10, с. 185; 11].

Таким образом, более трети всех несовершеннолетних преступников осуждаются к лишению свободы условно. При этом, как «свидетельствует статистика – более половины несовершеннолетних, к которым суды применяли условное осуждение, совершали новые умышленные преступления в период испытательного срока» [10, с. 185]. Однако согласно ч. 6.2 ст. 88 УК РФ суд однозначно обязан отменить условное осуждение только в случае, если несовершеннолетний в период испытательного срока совершил особо тяжкое преступление. Соответственно, несовершеннолетний может по факту иметь несколько «условных судимостей».

На наш взгляд, несовершеннолетние часто не осознают, что приговор к лишению свободы условно не

является оправдательным, а в период испытательного срока им предоставляется возможность доказать свое исправление. Поэтому, вернувшись после суда в привычную среду, они нередко продолжают вести прежний асоциальный образ жизни. Анкетирование воспитанников Мариинской воспитательной колонии, совершивших новое преступление в период отбывания испытательного срока, показало, что их отношение к предшествующему условному осуждению было достаточно легкомысленным.

С одной стороны, условная судимость воспринимается как своего рода «признание заслуг». С другой стороны, будучи условной, подпитывает у несовершеннолетних чувство безнаказанности и выступает основной причиной рецидивных преступлений на личностном уровне.

В связи с вышесказанным полагаем необходимым внести изменения в ч. 6.2 ст. 88 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «В случае, если несовершеннолетний осужденный, которому назначено условное осуждение, совершил в течение испытательного срока новое преступление, не являющееся тяжким или особо тяжким, суд с учетом обстоятельств дела, личности виновного, при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных ст. 64 УК РФ, может повторно принять решение

об условном осуждении, установив новый испытательный срок и возложив на условно осужденного исполнение определенных обязанностей, предусмотренных частью пятой статьи 73 настоящего Кодекса».

Таким образом, изложенное позволило прийти к следующим выводам:

1) уголовный закон в настоящее время в целом демонстрирует гуманную направленность в отношении несовершеннолетних;

2) действующее российское уголовное законодательство не в полной мере учитывает возрастные особенности данной категории лиц;

3) законодательная регламентация видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним, нуждается в значительной корректировке;

4) принудительные меры воспитательного воздействия в судебной практике применяются к несовершеннолетним крайне редко. В связи с очевидной необходимостью расширения практики их применения необходим целый ряд законодательных изменений в ст.ст. 90–92 УК РФ;

5) условное осуждение несовершеннолетних к лишению свободы в настоящее время абсолютно неэффективно, в связи с этим необходимо внести изменения в ч. 6.2 ст. 88 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прозументов Л.М. Уголовно-правовая охрана и ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2017. 308 с.
2. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 2018 год : форма № 12 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 04.11.2019).
3. Характеристика судимости в России в 2017 году // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/Statisticheskiy_obzor_po_sudimosti_2017.pdf (дата обращения: 04.11.2019).
4. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 2014 год : форма № 12 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883> (дата обращения: 04.11.2019).
5. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 2017 год : форма № 12 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 04.11.2019).
6. Трудовой кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: Компьютер. сеть НФИ КемГУ, свободный (дата обращения: 04.11.2019).
7. Щедрин Н.В., Никитина Н.А. О правовой природе и перспективах освобождения с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8. С. 1007–1011.
8. Фильченко А.П. Принудительные меры воспитательного воздействия – форма реализации уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 448–454.
9. Прозументов Л.М. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Российской Федерации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 176 с.
10. Прозументов Л.М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних: вопросы правотворчества и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 183–187.
11. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2016 году // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 04.11.2019).

On the Complete Registration of Age-Dependent Features of Juvenile Delinquents in the Penal Regulation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 15–20. DOI 10.17223/23088451/14/4

Elena A. Pisarevskaya, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: liorev@mail.ru

Keywords: age-dependent features, juvenile, criminal responsibility of juveniles.

The age-dependent features of juvenile delinquents can be considered in the mechanism of penal regulation in two aspects: firstly, when determining the age limits of the subject of criminal liability and, secondly, when determining the specificity of the implementation of criminal liability with already established age limits. However, the author focuses on the problem of complete implementation of the

second aspect, analysing the penalties and other measures of criminal law provided for in the current Russian criminal legislation in terms of their effectiveness and compliance with the age characteristics of minors. Drawing on the analysis of judicial statistics on the incidence of applying certain types of primary punishments to minors and on the insignificant use of coercive educational measures, the author concludes that: (1) the current criminal legislation is generally humane towards juveniles; (2) the current Russian criminal legislation does not fully take into account the age-dependent features of this category of delinquents; (3) the legislative regulation of punishments imposed on juveniles needs significant amendments; (4) coercive educational measures are applied to minors in very rare cases. A number of legislative changes are required in Articles 90-92 of the Criminal Code of the Russian Federation to expand their application range; (5) a suspended prison sentence is absolutely ineffective in juveniles, which makes it necessary to amend Part 6.2 of Article 88 of the Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Prozumentov, L.M. (2017) *Ugolovno-pravovaya okhrana i otvetstvennost' nesovershennoletnikh v Rossiyskoy Federatsii* [Criminal protection and liability of juveniles in the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University.
2. The Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Otchet ob osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya v nesovershennoletнем возрасте, за 2018 год. Forma № 12* [Report on juvenile convicts for 2018. Form No. 12]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (Accessed: 4th November 2019).
3. The Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2017) *Kharakteristika sudimosti v Rossii v 2017 godu* [Description of Criminal Record in Russia in 2017]. [Online] Available from: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/Statisticheskiy_obzor_po_sudimosti_2017.pdf (Accessed: 4th November 2019).
4. The Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Otchet ob osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya v nesovershennoletнем возрасте, за 2014 год. Forma № 12* [Report on juvenile convicts for 2014. Form No. 12]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883> (Accessed: 4th November 2019).
5. The Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Otchet ob osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya v nesovershennoletнем возрасте, за 2017 год. Forma № 12* [Report on juvenile convicts for 2017. Form No. 12]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (Accessed: 4th November 2019).
6. The Russian Federation. (n.d.) *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [The Labour Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: Konsul'tantPlyus. (Accessed: 4th November 2019).
7. Shchedrin, N.V. & Nikitina, N.A. (2013) O pravovoy prirode i perspektivakh osvobozhdeniya s primeneniem prinuditel'nykh mery vospitatel'nogo vozdeystviya [On the legal nature and prospects of release using coercive educational measures]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 8. pp. 1007–1011.
8. Filchenko, A.P. (2014) Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeystviya - forma realizatsii ugolovnoy otvetstvennosti [Coercive educational measures as a form of criminal liability implementation]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 3. pp. 448–454.
9. Prozumentov, L.M. (2015) *Ugolovnaya otvetstvennost' nesovershennoletnikh po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [Criminal liability of juveniles under the Russian Federation law]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Prozumentov, L.M. (2017) Russian criminal law policy concerning juveniles: issues of law making and law enforcement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 421. pp. 183–187. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/27
11. The Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Obzor sudebnoy statistiki o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey v 2016 godu* [Review of judicial statistics on the federal courts of general jurisdiction and magistrate's courts in 2016]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (Accessed: 4th November 2019).

Л.М. Прозументов**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 156 УК РФ**

Действующее уголовное законодательство РФ выступает в качестве важной меры, обеспечивающей исполнение гарантированных государством прав несовершеннолетних. Статья 156 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за неисполнение обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. О сложности конструкции этой статьи свидетельствует тот факт, что используемое в ст. 156 УК РФ понятие «жестокое обращение с несовершеннолетним» до сих пор не имеет законодательного определения. В статье рассматриваются вопросы, относящиеся к объекту, объективной стороне, субъекту и субъективной стороне преступления.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, преступление, жестокое обращение, обязанность, воспитание, насилие, ответственность.*

В последнее время в международном и российском законодательстве, касающемся защиты прав несовершеннолетних, стало активно использоваться понятие «жестокие обращение с ребенком». В частности, именно это выражение используется в Конвенции ООН «О правах ребенка» (ч. 1 ст. 9, ч. 2 ст. 19), Семейном кодексе РФ (ч. 1 ст. 65, ст. 69, ч. 1 ст. 141), Уголовном кодексе РФ (ст. 156 УК РФ), Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и пропаганды несовершеннолетних» (ст. 1, п. 1 ст. 5, пп. 2, 5 ст. 9, пп. 1, 2, 5 ст. 21) и в других нормативно-правовых актах. Отметим, что в более ранних нормативно-правовых актах чаще употребляется термин «насилие». В частности, в законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» в катего-рию детей, находящихся в трудной жизненной ситуа-ции, были выключены «дети – жертвы насилия». При этом ни в одном из принятых и действующих нормативно-правовых актов не раскрывается, какое именно обращение с ребенком следует считать «жестоким» и не дается определения ни самого насилия, ни отдельных его видов. Определение и признаки этого понятия можно найти лишь в научной или научно-популярной литературе.

Так, в словаре-справочнике «Детство» жестокое обра-щение с детьми определяется как «любые умышленные действия или бездействия родителей, воспитателей или других лиц, от которых ребенок находится в зависи-мости, наносящие ущерб его физическому или психи-ческому здоровью, нарушающие развитие личности ребенка, его психического развитие или социализацию» [1, с. 47].

Среди видов жестокого обращения с ребенком ис-следователи выделяют разные виды насилия, которое многолико и может проявляться в самых разных фор-мах – от оскорбительного взгляда до убийства. Поэтому насилием является любое поведение, которое нарушает права другого человека. Понятие «насилие» является более узким понятием, чем понятие «жестокое обра-щение с ребенком», поскольку последнее включает также неисполнение или ненадлежащее исполнение обязан-ностей по воспитанию несовершеннолетнего, пренебре-жение основными нуждами ребенка, оставление ребенка в опасности, вовлечение ребенка в совершение

антиобщественных и противоправных действий, склон-нения ребенка к употреблению алкогольных напитков, наркотиков и т.д.

Акт насилия имеет место даже в том случае, когда человек и не осознает этого. Дело в том, что дети в си-лу своих возрастных особенностей часто не могут оце-нить поведение взрослых, поскольку не имеют доста-точного социального опыта и знаний о своих правах [2, с. 25].

Среди видов жестокого обращения с ребенком ис-следователи выделяют физическое, сексуальное, пси-хологическое насилие [3, с. 10], эмоциональное насилие как разновидность психического, пренебрежение основными нуждами ребенка и экономическое насилие как разновидность такого пренебрежения. С конца 1990-х гг. исследователи все чаще стали говорить еще о двух видах жестокого обращения с ребенком: эксплу-атации ребенка и вовлечении ребенка в употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, склон-нении его к употреблению наркотических средств или психотропных веществ [4, с. 6–7].

Исследователи не просто называют конкретные виды насилия, относящиеся к жестокому обращению с ребенком, но и раскрывают их.

Так, под физическим насилием принято понимать нанесение ребенку физических повреждений различной степени тяжести: от временной (длительной) боли до риска смерти.

Под сексуальным насилием принято понимать ис-пользование ребенка для удовлетворения сексуальных потребностей взрослого или с целью извлечения при-были.

Под психическим (эмоциональным) насилием принят-о понимать такое угнетающее воздействие на психику ребенка, которое причиняет ему душевное страдание, держит его в страхе, препятствует его нормальному раз-витию и выполнению социальных задач.

Эксплуатация ребенка – это присвоение взрослым результа-тов труда ребенка, использование его для из-влечения прибыли (дохода), как правило, незаконными способами.

Жестокое обращение с ребенком не может рассмат-риваться просто как следствие психической патологии или морально-этической неразвитости взрослого. Это

социально-психологическое явление, отражающее особенности положения, занимаемого ребенком в обществе. Исторически сложилось так, что в семье и в обществе ребенок находится в зависимом положении, а его поведение полностью контролируется взрослыми. Именно поэтому ребенок нередко оказывается для взрослых удобным или единственным возможным объектом для демонстрации своей власти и контроля.

Действующее законодательство России предусматривает защиту несовершеннолетних от многих видов жестокого обращения, хотя часто и не содержит эффективных механизмов такой защиты. В этой связи можно утверждать, что Россия, как и многие другие страны, столкнулась с проблемой массового нарушения прав несовершеннолетних, о чем свидетельствуют официальные статистические данные. Число выявленных нарушений законов в сфере соблюдения прав и интересов несовершеннолетних составило в 2010 г. – 588 822, а в 2017 г. – 640 043.

Среди различных видов нарушений прав несовершеннолетних особо негативное значение имеет жестокое обращение с ними со стороны лиц, от которых несовершеннолетние находятся в определенной зависимости.

Отметим, что жестокое обращение с несовершеннолетними является одним из распространенных оснований для лишения родительских прав. При этом, несмотря на общую динамику снижения числа детей, родители которых были лишены родительских прав с 64 584 в 2010 г. до 37 966 в 2017 г., количество детей, родители которых были ограничены в родительских правах, выросло с 7 857 в 2010 г. до 9 616 в 2017 г.

Уголовное право выступает в качестве важной меры, обеспечивающей исполнение гарантированных государством прав несовершеннолетних. Правовые нормы, содержащиеся в главе 20 Уголовного кодекса РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних», призваны защищать интересы семьи и несовершеннолетних. Вопросы охраны прав несовершеннолетних, в том числе толкованию и реализации норм указанной главы УК РФ, посвящен ряд постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Статья 156 УК РФ предусматривает ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. По данным статистики, динамика зарегистрированных преступлений по данной статье за последние годы имеет тенденцию к снижению: в 2010 г. было зарегистрировано 4 757 преступлений, в 2017 г. – 1 620.

Такое снижение было обусловлено, во-первых, демографическим кризисом: позитивная динамика прироста населения (без учета миграции) в период с 2010 по 2017 г. отмечена только в 2013 г., но в целом в рассматриваемом периоде она носит негативный характер; во-вторых, высоким уровнем латентности данного преступления, в-третьих, сложностью конструкции состава рассматриваемого преступления.

О сложности конструкции свидетельствует тот факт, что используемое в ст. 156 УК РФ понятие «жестокое обращение с несовершеннолетним» до сих пор не имеет законодательного определения. Не внесло ясности

в данное определение и разъяснение Верховного Суда Российской Федерации, содержащееся в Постановлении от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав», в п. 16 которого сказано, что «жестокое обращение с детьми может выражаться, в частности, в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними, в покушении на их половую неприкосновенность» [5].

В уголовно-правовой науке «жестокое обращение» понимается по-разному: как способ, связанный с применением любых форм насилия; как способ, связанный с применением любых форм насилия и пренебрежением к основным интересам ребенка и его нуждам; как насилие и эксплуатация ребенка и т.п. [6, с. 65–71].

Представляется, что «жестокое обращение с детьми» включает все формы насилия, но оно не тождественно понятию «насилие», поскольку по своему содержанию значительно шире его. Так, пренебрежение основными нуждами ребенка, унижение его человеческого достоинства, оскорблении ребенка и тому подобное входят в содержание понятия «жестокое обращение с детьми».

Общественная опасность рассматриваемого преступления состоит в том, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, соединенное с жестоким обращением с ними, может привести (и приводит) к ухудшению их здоровья, нарушению нормального процесса психического развития, замедлению процесса формирования личности.

Основным непосредственным объектом уголовно-правовой охраны являются общественные отношения, связанные с обеспечением нормальных условий социализации несовершеннолетнего, т.е. условий для здорового психического, физического и нравственного формирования и развития личности несовершеннолетнего. Такое определение объекта уголовно-правовой охраны в полной мере соответствует принципу второму Декларации прав ребенка, принятой 20 ноября 1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН и применяемой на территории Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, Конвенции о правах ребенка, ратифицированной постановлением Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. [7], Конституции РФ, Федеральному закону «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и другим федеральным законам.

Дополнительным объектом рассматриваемого преступления является право несовершеннолетнего на надлежащее воспитание, под которым следует понимать деятельность взрослых лиц, направленную на формирование физических, психических, нравственных качеств несовершеннолетнего и использование таких приемов и методов, которые не запрещены международным и российским законодательством.

Ненадлежащее воспитание – это такое воздействие на личность несовершеннолетнего, которое ста-

вит его в социально опасное положение, т.е. создает реальную угрозу его жизни и здоровью, безопасности, физическому, психическому и нравственному развитию.

Отметим, что в уголовно-правовой науке отсутствует единство мнений в определении объекта рассматриваемого преступления. Так, О.М. Шаганова под основным непосредственным объектом данного преступления понимает общественные отношения, обеспечивающие право несовершеннолетнего на воспитание, необходимое для его нормального развития, а дополнительным – жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность и свободу несовершеннолетнего [8, с. 17]. Примерно так же рассматривает этот вопрос Н.В. Гуль [9, с. 159–163] и некоторые другие авторы. По мнению Ю.А. Западновой, основным непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, следует считать общественные отношения, обеспечивающие нормальное развитие несовершеннолетнего в процессе его воспитания, а дополнительный объект в рамках рассматриваемого состава преступления отсутствует [10, с. 25]. Не вдаваясь в полемику с этими и другими исследователями, отметим, что и в общепризнанных международных документах, и в документах, принятых в Российской Федерации, относящихся к рассматриваемой нами проблеме, речь идет о «создании условий для...» Условия – ключевой термин при рассмотрении вопроса об объекте данного состава преступления, на который многие исследователи не обратили внимания.

Объективную сторону рассматриваемого преступления образует взаимосвязанное совершение следующих общественно опасных действий: неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и жестокое обращение с ним. По конструкции объективной стороны анализируемый нами состав преступления – формальный, это означает, что момент его окончания связан с выполнением всех действий (бездействия), указанных в норме.

Неисполнение лицом обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего по своей социально-правовой природе является бездействием. Ответственность по ст. 156 УК РФ наступает только в случае, если виновный должен был и мог выполнять возложенные на него законом или договором обязанности.

Термин «должен» означает, что лицо в силу указания закона или договора обязано принимать участие в воспитании несовершеннолетнего; термин «мог» предполагает, что лицо в силу как своих индивидуальных особенностей (физического и психического здоровья, умений, навыков, уровня образования, социального

опыта и т.п.), так и иных факторов имело реальную возможность осуществлять воспитание несовершеннолетнего.

Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего означает смешанное бездействие, при котором обязанности по воспитанию выполняются плохо, некачественно или в неполном (ограниченном) объеме.

Обязательным условием привлечения к уголовной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего является наличие соединения деяния с жестоким обращением с несовершеннолетним.

Жестокое обращение в уголовно-правовой науке понимается неоднозначно: как способ совершения преступления и как само деяние. Не останавливаясь подробно на существующих подходах к рассмотрению данной проблемы, отметим, что жестокое обращение с несовершеннолетним предполагает:

1) физическое насилие, заключающееся в воздействии на телесную неприкосновенность несовершеннолетнего, не повлекшее за собой расстройство здоровья;

2) психическое насилие, выражющееся в угрозе причинения физического вреда несовершеннолетнему. Психическое насилие подразделяется на угрозу применения насилия и на иные угрозы;

3) грубое и пренебрежительное обращение с несовершеннолетним, унижающее человеческое достоинство.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Уголовную ответственность по данной статье может нести только специальный субъект, т.е. родители несовершеннолетнего (его мать и отец), иные лица, на которых в соответствии с семейным законодательством возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (усыновители, опекуны, попечители), работники учебных и воспитательных учреждений для несовершеннолетних. В случае совершения деяния, предусмотренного ст. 156 УК РФ, должностным лицом, квалификация будет по совокупности ст. 156 УК РФ и ст. 285 или 286 УК РФ.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется наличием неосторожной или умышленной формы вины. Отношение к исполнению обязанностей по воспитанию может быть небрежным, в то время как жестокое обращение с несовершеннолетним может быть только умышленным. Мотивы могут быть любые, на квалификацию влияния они не оказывают.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Детство* : краткий словарь – справочник / под ред. А.А. Лиханова, Е.М. Рыбинского. М. : Дом, 1996. 136 с.
2. *Мерцалова Т. Насилие в школе: что противопоставить жестокости и агрессии?* // Директор школы. 2000. № 3. С. 23–26.
3. *Коваль Н.В. Жестокое обращение с детьми (кriminологические и уголовно-правовые проблемы)* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 24 с.
4. *Правовая защита детей от жестокого обращения* : метод. рекомендации / авт.-сост. А.М. Рачкова. Иркустк, 2003. 96 с.
5. *О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 44* // Рос. газ. 2017. 20 нояб.
6. *Коваль Н.В. Проблемы квалификации жестокого обращения с детьми* // Уголовное право. 2015. № 1. С. 65–71.
7. *Ведомости Съезда Народных Депутатов и Верховного Совета СССР*. 1991. № 26. Ст. 797.

8. Шаганова О.М. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего : автореф. дис. канд. юрид. наук. Омск, 2014. 26 с.
9. Гуль Н.В. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 159–163.
10. Западнова Ю.Л. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 223 с.

Elements of a Crime under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 21–24. DOI 10.17223/23088451/14/5

Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Keywords: juveniles, crime, abusive treatment, responsibility, upbringing, violence, duty.

The analysis of international and Russian legislation providing protection for minors has shown that it actively uses the term “child abuse”. However, neither of the documents provides a clear definition of this term, which leads to multiple interpretations both in theory and practice. The purpose of the article is, firstly, to define “child abuse” and, secondly, to analyse Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation, which criminalises the failure to discharge or improper discharging the duties of bringing up a minor by a parent or by any other person charged with these duties, or by a teacher or other worker of an educational, medical, or other establishment which is duty-bound to exercise surveillance over a minor if this deed is associated with the minor abuse. The author emphasises that none of the current regulatory legal acts discloses which particular treatment of a child should be considered as “abuse” and provides a definition of either the “abuse” itself or its manifestations. Drawing on the definitions of this concept in the scholarly literature, the author has concluded that most researchers define “abuse” through various forms of violence. The article contains an analysis of these forms to argue that child abuse cannot be considered simply as a consequence of mental pathology or moral and ethical underdevelopment of an adult. This is a socio-psychological phenomenon, reflecting the status of childhood in society. It is noted that the current Russian legislation provides for the protection of minors from many types of abuse, although often it does not contain effective mechanisms for thereof. Particular attention is paid to the analysis of Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for criminal liability for non-fulfillment of obligations to raise a minor.

References

1. Likhanov, A.A. & Rybninsky, E.M. (1996) *Detstvo: Kratkiy slovar’ – spravochnik* [Childhood: A Brief Dictionary]. Moscow: Dom.
2. Mertsalova, T. (2000) *Nasilie v shkole: chto protivopostavit’ zhestokosti i agressii?* [Violence at school: what to oppose cruelty and aggression?]. *Direktor shkoly*. 3. pp. 23–26.
3. Koval, N.V. (2013) *Zhestokoe obrischenie s det’mi (kriminologicheskie i ugolovno-pravovye problemy)* [Child abuse (criminological and criminal law issues)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
4. Rachkova, A.M. (2003) *Pravovaya zashchita detey ot zhestokogo obrischeniya* [Legal protection of children from abuse]. Irkutsk: [s.n.].
5. The Supreme Court of the Russian Federation. (2017) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 14 noyabrya 2017 g. № 44 “O praktike primeneniya sudami zakonodatel’stva pri razreshenii sporov, svyazannykh s zashchitoj praw i zakonnnykh interesov rebenka pri neposredstvennoy ugroze ego zhizni ili zdorov’yu, a takzhe pri ogranicenii ili lishenii roditel’skikh praw” [Resolution No. 44 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 14, 2017, “On the application by the courts of legislation in the resolution of disputes related to the protection of the rights and legitimate interests of a child with an immediate threat to their life or health, as well as with the restriction or deprivation of parental rights”]. *Rossiyskaya gazeta*. 20th November.
6. Koval, N.V. (2015) The problems of classification of child abuse. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 65–71. (In Russian).
7. *Vedomosti S”ezda Narodnykh Deputatov i Verkhovnogo Soveta SSSR*. (1991). 26. Art. 797.
8. Shaganova, O.M. (2014) *Ugolovnaya otvetstvennost’ za neispolnenie obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego* [Criminal liability for non-fulfillment of responsibilities for raising a minor]. Abstract of Law Cand. Diss. Omsk Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia.
9. Gul, N.V. (2005) *Ugolovnaya otvetstvennost’ za neispolnenie obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego* [Criminal liability for non-fulfillment of obligations to raise a minor]. *Zhurnal Rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 3. pp. 159–163.
10. Zapadnova, Yu.L. (2018) *Neispolnenie obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty* [Failure to fulfill the duties of raising a minor: criminal law and criminological aspects]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.

А.П. Титаренко

О ПРАКТИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА «АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Статья посвящена определению практической значимости одного из уголовно-правовых институтов, который рассматривается в отечественной доктрине как «административная преюдиция». Анализ практики ее введения в Уголовный кодекс РФ дает основание выделить две цели закрепления такой преюдиции. Первая – это декриминализация впервые совершенного общественно опасного действия, вторая – криминализация личности правонарушителя, неоднократно совершающего административные правонарушения.

Ключевые слова: *административная преюдиция, декриминализация, криминализация.*

В настоящее время наблюдается тенденция увеличения количества норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающих уголовную ответственность за совершение лицом правонарушения после привлечения его к административной ответственности за аналогичное действие. Данные нормы распространяют свое действие на отдельные преступления против личности, собственности, общественного порядка, общественной безопасности, правосудия. Несмотря на то, что рассматриваемый правовой институт для отечественного законодателя не является новым (он достаточно успешно реализовывался в условиях советских общественных отношений), его современное закрепление требует нового подхода в право-применительной практике в связи с тем, что данная тенденция нуждается в актуальном осмыслении в измененной, в сравнении с советским законодательством, доктрине уголовного права.

Политическим обоснованием введение в уголовное законодательство Российской Федерации норм с так называемой «административной преюдицией» послужило Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева 2009 г. Федеральному собранию о более широком ее использовании [1]. В соответствии с указанным обращением «административная преюдиция» должна использоваться как один из способов декриминализации преступлений через привлечение к уголовной ответственности только в случае совершения лицом аналогичного административного правонарушения.

Однако законодатель по-своему отреагировал на данное Послание, включив в июле 2011 г. в Уголовный кодекс РФ ранее не наказуемое в уголовном порядке деяние – розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ст. 151.1 УК РФ). То есть, в отличие от предложения главы государства, произошла не декриминализация, а криминализация неоднократной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. Позднее Уголовный кодекс РФ был дополнен новыми нормами, устанавливающими ранее не известную законодательству уголовную ответственность при неоднократном совершении административных правонарушений за мелкое хищение (ст. 158.1 УК РФ), нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212.1

УК РФ), незаконное проникновение на охраняемый объект (ст. 215.4 УК РФ), нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ), за осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании ее деятельности нежелательной на территории Российской Федерации (ст. 284.1 УК РФ), неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ).

Изменения, предусматривающие декриминализацию деяния путем использования института «административной преюдиции» произошли в нормах, предусматривающих уголовную ответственность за побои (путем разграничения побоев с экстремистским мотивом (ст. 116 УК РФ без «административной преюдиции») и с данной преюдицией в ст. 116.1 УК РФ), за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (путем замены в ст. 157 УК РФ понятия «злостность» на «неоднократность» совершения аналогичных административных правонарушений), а также в ст. 282 УК РФ, установившей возможность привлечения к уголовной ответственности за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека по признакам расы, национальности, языка только в случае, если виновный ранее привлекался к административному наказанию за аналогичное деяние.

Установление уголовной ответственности за повторно совершенное административное правонарушение вызвало крайнее неодобрение со стороны некоторых отечественных ученых [2, с. 73; 3, с. 73; 4, с. 70; 5, с. 91; 6, с. 122]. Основным упреком законодателю со стороны оппонентов административной преюдиции выступает то, что степень опасности деяния не может меняться в зависимости от количества совершенных деяний. Однако с учетом отдельных корректировок некоторые специалисты положительно восприняли введение в УК РФ норм с административной преюдицией [7, с. 1147; 8, с. 76; 9, с. 31; 10, с. 29; 11, с. 132; 12, с. 77; 13, с. 142; 14, с. 28; 15, с. 34; 16, с. 63; 17, с. 51; 18, с. 53; 19, с. 64].

Со стороны граждан также последовали обжалования конституционности положений о возможности

привлечения лица к уголовной ответственности за нарушения административного законодательства на основании неоднократности таких нарушений. Однако Конституционный Суд РФ высказал поддержку законодательной инициативе. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» отмечалось, что, учитывая схожесть задач, преследующих общую цель защиты прав и свобод человека, административное и уголовное законодательство взаимно дополняют друг друга [20, с. 68]. В связи с этим при изменении степени общественной опасности деяний допустимо преобразование составов отдельных правонарушений в преступления и наоборот [Там же, с. 68]. По мнению Конституционного Суда РФ, общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства [Там же, с. 69]. Логика такого законодательного регулирования, с позиции Конституционного Суда РФ, заключается в последовательном (поэтапном) усилении ответственности за повторные и неоднократные административные нарушения [Там же, с. 75].

В целом следует поддержать позицию Конституционного Суда РФ о возможности применения уголовной ответственности к лицу, ранее неоднократно совершившему аналогичные административные правонарушения, но лишь с перенесением акцентов с общественной опасности деяния на общественную опасность личности преступника. При таком подходе становится понятным, что уголовная ответственность обусловлена негативным отношением лица к установленным в обществе нормам. Так, в рассматриваемом Постановлении Конституционного Суда РФ указано, что совершенное подвергнутым административному наказанию лицом однородного или, более того, аналогичного правонарушения свидетельствует, что примененные к нему меры административного принуждения не дают должного предупредительного эффекта, а потому отнесение повторности (неоднократности) административных правонарушений к основаниям криминализации соответствующих деяний не лишено разумной целесообразности [Там же, с. 75].

Более того, как мы полагаем, преюдиция в УК РФ должна «произрастать» из учета практики повторности административных правонарушений, а не из трудностей применения уголовного закона, как это наблюдалось в применении ст. 157 УК РФ при затруднениях в квалификации признака «злостности» в неуплате средств на содержание детей или ст. 282 УК РФ при сомнительном привлечении к уголовной ответственности за «репосты» и «мемы» в Интернете. Иными словами, закрепление в УК РФ норм с «административной преюдицией» не должно использоваться как способ декриминализации преступления. Она должна влечь возникновение новых составов преступлений (как, например, в случае с преступлениями, предусмотренными ст.ст. 158.1, 212.1, 215.4, 264.1, 284.1, 314.1 (части 2) УК РФ) с целью предупреждения наиболее часто совершаемых повторных административных правонарушений.

Так, из анализа изученных нами 107 приговоров с применением ст. 158.1 УК РФ следует, что более чем в 3/4 уголовных дел (78,5% от общего числа осужденных) лица, подвергшиеся административному наказанию за мелкое хищение, ранее неоднократно совершали преступления. Например, Костюхин В.В., осужденный по ст. 158.1 УК РФ Димитровградским городским судом Ульяновской области 26 июля 2018 г., ранее – с 2008 по 2017 г. – трижды привлекался к уголовной ответственности за кражу и грабежи [21]. Лапин Д.Н., осужденный по ст. 158.1 УК РФ Котовским городским судом Тамбовской области 25 июля 2018 г., ранее – с 2009 по 2018 г. – семь раз осуждался за кражу, мошенничество и другие преступления [22].

Нередки случаи, когда наряду с неоднократным мелким хищением лица совершают и ряд других преступлений. Так, Аблязов А.Р., будучи подвергнутым постановлением мирового судьи административному наказанию в виде штрафа в размере 7 000 руб. за административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, в совокупности с этим совершил 19 преступлений, предусмотренных ст.ст. 158, 158.1 и 161 УК РФ [23]. Таким образом, можно констатировать, что в отечественной правоприменительной практике наблюдается тенденция привлечения к ответственности за совершение мелких хищений наряду с другими преступлениями против собственности.

В ходе исследования выявлено, что за предыдущее мелкое хищение в половине случаев (53,3%) назначался административный штраф, в 37,4% – арест, в 9,3% случаев – обязательные работы. Повторное совершение тождественных правонарушений указывает на незначительный карательный потенциал административной ответственности для данных преступников. В числе уголовных наказаний за неоднократное мелкое хищение преобладает лишение свободы – 56,1% (однако в 7,1% приговоров данное наказание отбывалось условно). Следующие по частоте назначения – исправительные работы: 17,8%. Штрафы составляют 15,9%.

Следующий шаг в определении практической целесообразности применения нормы с «административной преюдицией» – определение количества совершенных административных правонарушений, после которых возможно привлечение лица к уголовной ответственности. Из числа 32 опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов 18,8% указали, что для привлечения к уголовной ответственности достаточно наличия совершения лицом двух аналогичных административных правонарушений, 34,4% – трех и более административно-правовых деликтов. Около половины респондентов (46,9%) затруднились ответить на данный вопрос.

На наш взгляд, сколько административных наказаний влечет повышение общественной опасности личности преступника, должен решать суд, исходя из анализа количества и качества конкретных административных правонарушений, совершенных определенным человеком, а также его личностных характеристик. Если судья на основании имеющихся данных признает, что конкретный правонарушитель не прекра-

тит совершать подобные административные правонарушения, то лицо следует привлекать к уголовной ответственности.

Таким образом, проведенное исследование позволяет отметить, что «административная преюдиция» сама по себе играет незначительную роль в карательной практике уголовного судопроизводства, а ее применение в качестве криминализующего способа опасных деяний не вносит в уголовную политику страны сколько-нибудь значимых изменений. Но ее использование в отдельных конкретных случаях может обладать достаточным потенциалом для предотвращения новых административных правонарушений со стороны устойчивых правонарушителей.

При этом следует согласиться с В.Н. Курченко, что лишь вполне определенные правила и критерии криминализации будут способствовать созданию единого конструктора преступлений с административной преюдицией [24, с. 18]. Поэтому, на наш взгляд, в Общей части УК РФ необходимо закрепить дефиницию, отражающую основные положения понятия и порядка применения норм с «административной преюдицией», например, следующего содержания: «При совершении лицом двух и более аналогичных административных правонарушений оно может быть привлечено к уголовной ответственности за повторно совершенное деяние, если судом будет признано, что очередное привлечение лица к административной ответственности не будет

способствовать предупреждению совершения новых правонарушений».

В силу этого должен расширяться и круг задач УК РФ за счет включения в их число предупреждения не только преступлений, но и административных правонарушений. Поэтому с признанием вышеизложенной концепции ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса РФ после слов «предупреждение преступлений» следует дополнить словами «и административных правонарушений».

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» следует предусмотреть отдельный раздел, посвященный назначению наказания в преступлениях с административной преюдицией. В нем в первую очередь необходимо указать, что привлечение лица к уголовной ответственности за ряд совершенных им аналогичных административных правонарушений не является нарушением принципа справедливости. В данном случае в целях предупреждения правонарушений учитывается не повторность деяния, а личность правонарушителя, которая представляет опасность для общества. На основании данного факта наказание за преступление с «административной преюдицией» должно учитывать характер ранее совершенных правонарушений, обстоятельства, в силу которых корректирующее воздействие административного наказания оказалось недостаточным, а также характер вновь совершенного административного правонарушения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. // Рос. газ. 2009. 13 нояб. № 214.
2. Шемякин Д.В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15. С. 45–47.
3. Мамхягов З.З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2015. № 8. С. 72–74.
4. Коробеев А.И., Ширшов А.А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68–72.
5. Лопашенко Н.А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84–93.
6. Третьяк М.И. Мелкое хищение: административная преюдиция или уголовный проступок? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 121–123.
7. Лапина М.А., Карпухин Д.В., Трунцевский Ю.В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 1138–1148.
8. Маркунцов С.А., Одоев О.С. Назначение справедливого наказания за преступления, составы которых сконструированы с использованием административной преюдиции (на основе анализа судебной практики по ст. 151.1 УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 3. С. 69–77.
9. Маркунцов С.А., Одоев О.С. О перспективах применения уголовно-правовых запретов, сформулированных с использованием конструкции административной преюдиции // Судья. 2016. № 6. С. 28–31.
10. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в российском уголовном праве: проблемы квалификации // Мировой судья. 2016. № 3. С. 28–34.
11. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 125–133.
12. Фарафонова М.В. К вопросу о применении административной преюдиции // Административное право и процесс. 2016. № 9. С. 76–78.
13. Харлова М.И. Особенности состава преступления с административной преюдицией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 136–143.
14. Антонович Е.К., Осипов А.Л. Актуальные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2017. № 1. С. 26–34.
15. Аюрова Г.Ш. О расширении границ применения административной преюдиции применительно к ст. 264.1 УК РФ // Российский следователь. 2017. № 3. С. 34–36.
16. Дворцов В.Е. Об административной преюдиции применительно к норме об уголовной ответственности за совершение преступления против порядка осуществления кадастровой деятельности // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 61–64.

17. Иванчин А.В. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4. С. 50–53.
18. Коновалова А.Б., Мосечкин И.Н. О применении института административной преюдиции в борьбе с преступлениями в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2017. № 6. С. 50–56.
19. Эргашева З.Э. Обстоятельства, имеющие значение для квалификации по делам о преступлениях с административной преюдицией // Российский следователь. 2018. № 4. С. 62–65.
20. О проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : постановление Конституционного Суда РФ по делу от 10.02.2017 № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2. С. 59–82.
21. Приговор Дмитровградского городского суда Ульяновской области от 26.07.2018 г. по делу № 1-166/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sDpyi72YKJ6r/> (дата обращения: 01.12.2019).
22. Приговор Котовского городского суда Тамбовской области от 25.07.2018 г. по делу № 1-59/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Bj4wQj83DuLQ/> (дата обращения: 01.12.2019).
23. Приговор Авиастроительного районного суда г. Казани Республики Татарстан от 30.07.2018 г. по делу № 1-208/2018. URL: <https://www.sudact.ru/regular/doc/0sLvwxOYF0dZ/> (дата обращения: 01.12.2019).
24. Курченко В.Н. Парадигма административной преюдиции в уголовном праве // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2. С. 10–21.

On the Practical Necessity of the Institution of Administrative Prejudice in the Criminal Legislation of Russia

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 25–29. DOI 10.17223/23088451/14/6

Andrey P. Titarenko, Altai Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tapavlovich@mail.ru

Keywords: administrative prejudice, decriminalisation, criminalisation.

The Russian criminal law is currently reviving the well-known institution of administrative prejudice. However, the lack of its legislative confirmation gives rise to disapproving assessment among penal law scholars. The legislators are blamed on the fact that, irrespective of the administrative prejudice, the subject is prosecuted for a number of identical offenses rather than for the crime committed. In general, the strive for the legal purity of the tasks of the criminal code (Article 2), the concept of crime (Article 14), the grounds for criminal liability (Article 8) makes these reproaches valid. However, the analysed behaviour of malicious offenders has demonstrated that the administrative law does not have the potential to prevent delict on part of such offenders. Therefore, administrative prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation is a necessary and appropriate measure, which is confirmed by the position of the Constitutional Court of the Russian Federation expressed in the Resolution “On constitutionality of provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I Dadin”. Yet, not all options of administrative prejudice application in the current Criminal Code of the Russian Federation should be recognized as justified. The author argues that it is inadvisable to use this legal institution as an instrument for eliminating difficulties in applying the norms of criminal law, as, for example, in the amendments introduced to Article 157 of the Criminal Code, when the legislator replaced the attribute “malicious” in the evasion of payment for the maintenance of children or disabled parents with the definition “repeated”, implying a person’s non-payment of funds subjected to administrative punishment for a similar act (Note 1 to Article 157 of the Criminal Code). In this case, we observe a deliberate understatement of the social danger of the act. The uniform implementation of the criminal law policy through the application of administrative prejudice requires the introduction of a number of amendments to the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation and the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation”.

References

1. President of the Russian Federation. (2009) Poslanie Prezidenta RF D.A. Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu RF ot 12 noyabrya 2009 g. [Address from the President of the Russian Federation D.A. Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation of November 12, 2009]. *Rossiyskaya gazeta*. 13th November.
2. Shemyakin, D.V. (2015) Controversial issues of the use of administrative prejudice in criminal law. *Rossiyskiy sledovatel’ – Russian Investigator*. 15. pp. 45–47. (In Russian).
3. Mamkhyagov, Z.Z. (2015) On admissibility of use of administrative prejudice in criminal legislation. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*. 8. pp. 72–74. (In Russian).
4. Korobeev, A.I. & Shirshov, A.A. (2017) Criminal offense through the prism of the institution of administrative prejudice: good or evil? *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 68–72. (In Russian).
5. Lopashenko, N.A. (2017) Decrease in repressiveness of the criminal law: proposed measures and their assessment. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 84–93. (In Russian).
6. Tretyak, M.I. (2017) Petty theft: administrative prejudice or criminal offense? *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 121–123. (In Russian).
7. Lapina, M.A., Karpukhin, D.V. & Truntsevsky, Yu.V. (2015) Administrativnaya preyuditsiya kak sposob dekriminalizatsii ugolovnykh prestupleniy i razgranicheniya ugolovnykh prestupleniy i administrativnykh pravonarusheniy v sovremenenny period [Administrative prejudice as a way to decriminalize criminal offenses and distinguish between criminal offenses and administrative offenses in the modern period]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. 11. pp. 1138–1148. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.11.15521
8. Markuntsov, S.A. & Odoev, O.S. (2016) Imposition of just punishment for crimes whose elements are constructed using administrative prejudice (based on the analysis of judicial practice under Article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 69–77. (In Russian).
9. Markuntsov, S.A. & Odoev, O.S. (2016) O perspektivakh primeneniya ugolovno-pravovykh zapretov, sformulirovannykh s ispol'zovaniem konstruktov administrativnoy preyuditsii [On the prospects of applying criminal law prohibitions formulated using the administrative prejudice construct]. *Sud'ya*. 6. pp. 28–31.

10. Sidorenko, E.L. (2016) Administrative Prejudgment in the Russian Criminal Law: Issues of Qualification. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 3. pp. 28–34. (In Russian).
11. Sidorenko, E.L. (2016) Administrative Prejudice in Criminal Law: Law Enforcement Problems. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 6. pp. 125–133. (In Russian).
12. Farafonova, M.V. (2016) Revisiting Application of Administrative Collateral Estoppel. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*. 9. pp. 76–78. (In Russian).
13. Kharlova, M.I. (2016) Features of the elements of an offence with administrative prejudicial effect. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 8. pp. 136–143. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2016.69.8.136-143
14. Antonovich, E.K. & Osipov, A.L. (2017) Aktual'nye voprosy primeneniya instituta administrativnoy preyuditsii v ugolovnom sude-proizvodstve [Topical issues of applying the institution of administrative prejudice in criminal proceedings]. *Advokat*. 1. pp. 26–34.
15. Ayupova, G.Sh. (2017) Extension of application of administrative prejudice in relation to Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 3. pp. 34–36. (In Russian).
16. Dvortsov, V.E. (2017) Administrative prejudice in case to the norm on criminal liability for committing a crime against the order of the cadastral activities. *Rossiyskaya yusitsiya – Russian Justitia*. 11. pp. 61–64. (In Russian).
17. Ivanchin, A.V. (2017) On the benefits of the prudent use of administrative prejudice in criminal law (in connection with the Decree No. 2-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 10, 2017). *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 50–53. (In Russian).
18. Konovalova, A.B. & Mosechkin, I.N. (2017) On application of administrative prejudice institution in struggle against economic crimes. *Bezopasnost' biznesa – Business Security*. 6. pp. 50–56. (In Russian).
19. Ergasheva, Z.E. (2018) Circumstances of importance for qualification of the cases on crimes with administrative prejudice. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 4. pp. 62–65. (In Russian).
20. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2017) Postanovlenie po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy stat'i 212.1 Ugolovnogo kodeksa Rossийskoy Federatsii v svyazi s zhaboloy grazhdanina I. I. Dadina ot 10 fevralya 2017 goda № 2-P [Resolution on Case No. 2-P on the verification of the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of Citizen I.I. Dadin of February 10, 2017]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 2. pp. 59–82.
21. The Dimitrovgrad City Court of Ulyanovsk Region. (2018) *Prigovor Dimitrovgradskogo gorodskogo suda Ul'yanovskoy oblasti ot 26 iyulya 2018 g. po delu № 1-166/2018* [Verdict of the Dimitrovgrad City Court of Ulyanovsk Region of July 26, 2018 in Case No. 1-166]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/sDpyi72YKJ6p/> (Accessed: 1st December 2019).
22. The Kotovsk City Court of Tambov Region. (2018) *Prigovor Kotovskogo gorodskogo suda Tambovskoy oblasti ot 25 iyulya 2018 g. po delu № 1-59/2018* [Verdict of the Kotovsk City Court of Tambov Region of July 25, 2018, in Case No. 1-59]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/Bj4wQj83DuLQ/> (Accessed: 1st December 2019).
23. The Aviastroitelny District Court of Kazan of the Republic of Tatarstan. (2018) *Prigovor Aviastroitel'nogo rayonnogo suda g. Kazani Respubliki Tatarstan ot 30 iyulya 2018 g. po delu № 1-208/2018* [Verdict of the Aviastroitelny District Court of Kazan of the Republic of Tatarstan of July 30, 2018, in Case No. 1-208/2018]. [Online] Available from: <https://www.sudact.ru/regular/doc/0sLwxOYF0dZ/> (Accessed: 1st December 2019).
24. Kurchenko, V.N. (2018) Paradigma administrativnoy preyuditsii v ugolovnom prave [The paradigm of administrative prejudice in criminal law]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka – Russian Law: Education, Practice, Researches*. 2. pp. 10–21.

И.О. Ткачев**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В СВЯЗИ С ВОЗМЕЩЕНИЕМ УЩЕРБА (ст. 76.1 УК РФ)**

Рассматриваются основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ст. 76.1 УК РФ в редакции Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ. Автор приходит к выводу, что название статьи не соответствует ее содержанию. Возмещение ущерба выступает обязательным условием освобождения только в одном из трех самостоятельных оснований освобождения от уголовной ответственности, содержащихся в указанной статье. При этом в качестве основного условия освобождения в соответствии с ч. 2 ст. 76.1 УК РФ выступает уплата денежного возмещения в размере трехкратного эквивалента соответствующего признака. В связи с этим предлагается сформулировать одно общее основание освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением денежной компенсации.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, возмещение ущерба, судебный штраф, гуманизация уголовного законодательства.

Одной из отличительных тенденций современного этапа развития уголовного законодательства Российской Федерации является его гуманизация, которая касается в первую очередь ответственности за преступления в сфере экономической деятельности.

Важным инструментом такой гуманизации являются поощрительные нормы, устанавливающие основания и определяющие условия освобождения от уголовной ответственности. Отечественный законодатель последовательно расширяет возможность применения таких норм.

Еще в 2011 г. Уголовный кодекс РФ был дополнен ст. 76.1, устанавливающей возможность освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности [1]. Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ указанная статья изложена в новой редакции [2]. При этом изменение сформулированных в норме условий освобождения привело в итоге и к изменению наименования соответствующего правового института. В настоящее время данное основание освобождения именуется «освобождение в связи с возмещением ущерба».

Название статьи в действующей редакции явно не соответствует ее содержанию, на что уже обращалось внимание в специальной литературе [3, с. 25]. Положения ст. 76.1 УК РФ устанавливают три самостоятельных основания освобождения от уголовной ответственности, каждое из которых сформулировано в соответствующей части рассматриваемой статьи.

В чистом виде о возмещении ущерба говорится только в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, в соответствии с которой условием освобождения от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст.ст. 198–199.1, 199.3, 199.4 УК РФ, является полное возмещение ущерба, причиненного соответствующим преступлением бюджетной системе Российской Федерации. В соответствии с п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» под таким ущербом понимается сумма недоимки, пеней и штрафов в размере, определяемом в соответствии

с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах [4, с. 7]. При этом, как верно отмечает Е.В. Благов, возмещение ущерба выступает также условием освобождения в случаях, предусмотренных ст.ст. 75, 75, 76.2 УК РФ, в связи с чем не отражает специфику освобождения, предусмотренного анализируемой нормой [5, с. 119].

Следует отметить, что положения ч. 1 ст. 76.1 УК РФ по своему содержанию дублируют специальные основания освобождения от уголовной ответственности, содержащиеся в примечаниях к ст.ст. 198, 199, 199.1, 199.3 и 199.4 УК РФ [6, с. 170; 7, с. 113], в связи с чем представляются излишними. Данные предписания должны быть перенесены в примечания к соответствующим статьям Особенной части УК РФ [5, с. 124].

В ч. 2 ст. 76.1 УК РФ освобождение от уголовной ответственности связано с уплатой виновным лицом определенной денежной суммы. При этом размер такой суммы, исходя из содержания анализируемой нормы, может быть связан с размером:

- причиненного преступлением ущерба;
- дохода, полученного виновным в результате совершения преступления;
- убытков, которые удалось избежать виновному в результате совершения преступления;
- деяния, описанного в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Вместе с тем только в первом из указанных выше случаев условием освобождения выступает возмещение ущерба потерпевшему. Во всех остальных случаях в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, по сути, речь идет только о перечислении в федеральный бюджет определенного денежного возмещения. Более того, в таких случаях ущерб не является признаком объективной стороны состава совершенного преступления, а потерпевший отсутствует как в уголовно-правовом, так и в уголовно-процессуальном смысле.

В отмеченных случаях сумма подлежащего уплате в федеральный бюджет денежного возмещения искусственно разрывается законодателем. Так, согласно соответствующей норме виновное лицо освобождается от уголовной ответственности «...если перечислило в фе-

деральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления...».

Очевидно, что в приведенном выше условии освобождения речь идет о перечислении в федеральный бюджет не именно тех денежных средств, которые были получены в результате совершения преступления, а их эквивалента. То есть, по сути, виновное лицо должно перечислить денежное возмещение в размере трехкратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления. Иными словами, если бы законодатель указал, что лицо освобождается от уголовной ответственности, если перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере трехкратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления, смысл уголовно-правового предписания остался бы неизменным.

Аналогичным образом построена анализируемая норма применительно к убыткам, которых удалось избежать в результате совершения преступления, и к размеру совершенного деяния. Здесь также речь идет об уплате трехкратного денежного эквивалента соответствующего юридически значимого признака.

Обращает на себя внимание также существенное расширение Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ перечня преступлений, за совершение которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности на основании ч. 2 ст. 76.1 УК РФ.

Первая попытка «реанимировать» указанную норму была предпринята путем принятия Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ [8], которым был существенно (с пятикратного до двукратного) снижен размер подлежащего уплате денежного возмещения. Однако к существенным изменениям в практике применения уголовного законодательства это не привело. Как следует из судебной статистики, опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, всего за 2018 г. по ст. 28.1 УПК РФ было прекращено 31 уголовное дело (при этом на налоговые преступления приходится 28 случаев). Для сравнения за тот же период по ст. 25.1 УПК РФ (в связи с назначением судебного штрафа) было прекращено 33 329 уголовных дел [9].

Первоначально норма ч. 2 ст. 76.1 УК РФ могла быть применена в отношении 25 составов преступлений (включая основные и квалифицированные составы). После вступления в силу Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ – в отношении 33 составов. В настоящее время законодатель предусмотрел возможность освобождения по данному основанию за 45 составов преступлений, преимущественно относящихся к категориям небольшой или средней тяжести (к тяжким преступлениям относятся только преступления, предусмотренные ч. 6, 7 ст. 159, ст.ст. 196, 197, ч. 2 ст. 199.2 УК РФ).

Именно расширение перечня преступлений, в отношении которых возможно освобождение по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, привело к изменению наименования всей статьи. Если раньше сформулированные в ней положения касались только освобождения от уголовной ответственности за пре-

ступления, предусмотренные гл. 22 УК РФ («Преступления в сфере экономической деятельности»), то в настоящее время в предусмотренный ч. 2 ст. 76.1 УК РФ перечень вошли также преступления гл. 19 УК РФ (ч. 1 ст. 146 и ч. 1 ст. 147 УК РФ) и гл. 21 УК РФ (ч. 5–7 ст. 159, ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.3, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6, ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 165 УК РФ).

При этом, согласно данным судебном статистики, в 2018 г. за преступления, которые были указаны в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ, всего в РФ было осуждено 699 человек, а за преступления, которые были включены в перечень Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ, – 5 545 человек [10]. Таким образом, правоприменительный потенциал соответствующей нормы возрос на 793%.

Следует особо отметить, что в предусмотренный ч. 2 ст. 76.1 УК РФ перечень преступных деяний были добавлены только те, которые преимущественно совершаются лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в качестве органа управления юридического лица или индивидуального предпринимателя. Об этом же свидетельствует пояснительная записка к законопроекту, согласно которой его целями обозначены формирование благоприятного делового климата, создание гарантий защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования [3, с. 25]. Законодатель сознательно не стал включать в перечень такие преступления, которые по характеру и степени общественной опасности схожи с содержащимися в нем преступлениями гл. 19 и 21 УК РФ, но совершаются лицами, имущественное положение которых в большинстве случаев не позволяет уплатить предусмотренную законом денежную компенсацию (например, кражу или мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию).

В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, отсутствуют принципиальные различия между основанием освобождения от уголовной ответственности, предусмотренным ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, и таким основанием, как освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ).

И в том и в другом случае условием освобождения от уголовной ответственности являются:

- 1) совершение соответствующего преступления впервые;
- 2) отнесение законодателем совершенного преступления к категории небольшой или средней тяжести (кроме случаев освобождения от уголовной ответственности на основании ч. 2 ст. 76.1 УК РФ за преступления, предусмотренные ч. 6 и 7 ст. 159, ст.ст. 196, 197, ч. 2 ст. 199.2 УК РФ);
- 3) возмещение ущерба (заглаживание вреда), причиненного совершенным преступлением;
- 4) уплата денежного возмещения (в ст. 76.2 УК РФ – судебного штрафа) в бюджет Российской Федерации.

Как верно отмечает А.М. Каримов, именно для двух указанных оснований освобождения от уголовной ответственности характерно карательное воздействие на виновного [11, с. 89]. В связи с этим денежное возмещение (как и судебный штраф) может рассматриваться

как мера уголовно-правового характера, хотя в литературе встречается и противоположный подход [12, с. 7]. При этом положения ч. 2 ст. 76.1, и ст. 76.2 УК РФ могут применяться в случаях, когда диспозиция соответствующей статьи Уголовного кодекса РФ не предусматривает причинение ущерба или иного вреда в качестве обязательного признака объективной стороны преступления (преступления с формальным составом) [13].

В свою очередь, различия между институтами судебного штрафа и денежного возмещения, предусмотренного ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, заключаются в следующем.

1. Основание освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа является диспозитивным, тогда как при соблюдении условий освобождения, предусмотренных ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, лицо императивно подлежит освобождению от уголовной ответственности судом или лицом, в чьем производстве находится соответствующее уголовное дело.

2. Судебный штраф уплачивается после освобождения лица от уголовной ответственности в установлен-

ный судебным актом срок, а денежное возмещение – до момента удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора [4, с. 7]. Собственно, освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ – единственное из предусмотренных гл. 11 УК РФ, которое сформулировано по модели условного, т.е. поставлено в зависимость от последующего поведения виновного. Уплатой судебного штрафа подлежащее освобождению лицо должно доказать свое исправление без применения к нему каких-либо иных мер уголовно-правового характера. Таким образом, указанная норма имеет ярко выраженный стимулирующий потенциал.

При этом обобщение статистических данных показывает, что расчет законодателя оказался оправданным. Доля добровольно уплаченных судебных штрафов, назначаемых в качестве иной меры уголовно-правового характера, значительно выше аналогичного показателя в отношении штрафов, назначаемых в качестве основного или дополнительного наказания (таблица) [14].

Соотношение добровольно уплаченных судебных штрафов, назначаемых в качестве иной меры уголовно-правового характера, и штрафов, назначаемых в качестве основного или дополнительного наказания

Показатель	Период		1-е полугодие 2017 г.		2-е полугодие 2017 г.		1-е полугодие 2018 г.		2-е полугодие 2018 г.	
	Штраф как иная мера	Штраф как наказание	Штраф как иная мера	Штраф как наказание	Штраф как иная мера	Штраф как наказание	Штраф как иная мера	Штраф как наказание	Штраф как иная мера	Штраф как наказание
Назначено, млн. руб.	108,4	4 222,89	171	4 927,07	226,1	5 204,96	294,1	6321,36		
Добровольно уплачено, млн. руб.	39,9	317,98	67,3	415,72	91	347,63	125,51	772,56		
Доля добровольно уплаченных средств, %	36,8	7,53	39,35	8,44	40,24	6,68	42,67	12,22		

Представляется, что отмеченный выше стимулирующий потенциал нормы, предусмотренной ст. 76.2 УК РФ, можно распространить и на случаи освобождения от уголовной ответственности, которые в настоящее время предусмотрены ч. 2 ст. 76.1 УК РФ.

3. Размер судебного штрафа зависит от того, предусмотрено ли санкцией статьи Особенной части УК РФ наказание в виде штрафа. В соответствии с п. 8 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г.) [13], размер судебного штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также с учетом возможности получения указанным лицом заработной платы или иного дохода.

В то же время применительно к ч. 2 ст. 76.1 УК РФ размер денежного возмещения определяется с учетом причиненного преступлением ущерба, дохода, полученного виновным в результате совершения преступления, убытков, которых удалось избежать виновному в результате совершения преступления, либо размера деяния, описанного в диспозиции уголовно-правовой нормы, что, по нашему мнению, больше соответствует принципу справедливости, согласно которому наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ).

4. Применительно к ч. 2 ст. 76.1 УК РФ лицо признается впервые совершившим преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное *той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается*. В то же время для целей применения ст. 76.2 УК РФ лицо считается совершившим преступление впервые, если не имеет неснятую или непогашенную судимость за любое из ранее совершенных преступлений [4, с. 6], что соответствует общему, а не специальному характеру освобождения от уголовной ответственности.

При этом столь значительное расширение перечня преступлений, за которые лицо может быть освобождено от уголовной ответственности на основании положений ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, заставляет задуматься о возможности отнесения соответствующего основания к числу специальных. На самом деле, по нашему мнению, отсутствуют достаточные социальные основания для освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего, например, мошенничество в сфере кредитования, если такое лицо имеет неснятую и непогашенную судимость за общий состав мошенничества. Положения, сужающие объем категории «лицо, впервые совершившее преступление» до категории «лицо, впервые совершившее преступление, от уголовной ответственности за которое лицо освобождается», должны содержаться только в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, устанавливающим специальные основания освобождения от уголовной ответственности.

Наконец, в ч. 3 ст. 76.1 УК РФ сформулировано еще одно самостоятельное основание освобождения от уго-

ловной ответственности. При этом в данном случае речь о каком-либо возмещении ущерба вообще не ведется. Согласно указанной норме, условием освобождения является подача самим виновным или в его отношении специальной декларации в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». При этом в названной норме специально указывается, что в случае подачи такой декларации не применяются положения ч. 1 и 2 ст. 76.1 УК РФ в части возмещения ущерба, перечисленная в федеральный бюджет денежного возмещения и полученного дохода. То есть сам законодатель не связывает освобождение от уголовной ответственности с каким-либо возмещением ущерба.

Более того, возмещение ущерба бюджетной системе не указано в качестве целей правового регулирования в ст. 1 Федерального закона от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Как следует из содержания названной статьи, соответствующий закон направлен на создание правового механизма добровольного декларирования активов и счетов (вкладов) в банках, обеспечение правовых гарантий сохранности капитала и имущества физических лиц, защиту их имущественных интересов, в том числе за пределами Российской Федерации, снижение рисков, связанных с возможными ограничениями использования российских капиталов, которые находятся в иностранных государствах, а также с переходом Российской Федерации к автоматическому обмену налоговой информацией с иностранными государствами [15].

Как отмечено в пояснительной записке к проекту указанного выше федерального закона, он предусматривает решение следующих задач:

- 1) снижение рисков, связанных с возможными ограничениями использования российских капиталов, которые находятся в иностранных государствах, а также с переходом Российской Федерации к автоматическому обмену налоговой информацией с иностранными государствами;

- 2) создание в законодательстве Российской Федерации правовых оснований для передачи имущества, принадлежащего на праве собственности лицам, которые владеют, пользуются и распоряжаются этим имуществом в чужом интересе, в пользу фактических владельцев этого имущества без возникновения обязанности по уплате налогов в связи с такой передачей;

- 3) создание стимулов для добросовестного исполнения физическими лицами обязанностей, установленных законодательством о налогах и сборах, законодательством о валютном регулировании и валютном контроле, таможенным законодательством;

- 4) определение гарантий правовой защиты имущественных интересов физических лиц, участвующих в

добровольном декларировании имущества и счетов (вкладов) в банках, конфиденциальности полученной информации, освобождения таких физических лиц от уголовной, административной ответственности и ответственности за налоговые правонарушения [16].

Таким образом, возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, не является ни условием освобождения от уголовной ответственности, сформулированным в ч. 3 ст. 76.1 УК РФ, ни целью или задачей института добровольного декларирования активов и счетов (вкладов) в банках.

В связи с этим следует признать, что в ч. 3 ст. 76.1 УК РФ сформулировано самостоятельное основание освобождения от уголовной ответственности, условием которого не является возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе РФ.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Название ст. 76.1 УК РФ не соответствует ее действительному содержанию, поскольку возмещение ущерба выступает в качестве обязательного условия освобождения от уголовной ответственности только в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ.

2. Положения ч. 1 ст. 76.1 УК РФ дублируют специальные основания освобождения от уголовной ответственности, содержащиеся в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, в связи с чем соответствующая норма подлежит исключению из уголовного закона.

3. Норма ч. 2 ст. 76.1 УК РФ с учетом значительно расширенного перечня преступлений, при совершении которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, должна рассматриваться в качестве общего, а не специального основания освобождения от уголовной ответственности.

4. С учетом наличия общих черт у оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных ч. 2 ст. 76.1 УК РФ и ст. 76.2 УК РФ, законодателю стоит задуматься об унификации соответствующих правовых предписаний и сформулировать одно общее основание освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением уголовно-правового возмещения. В качестве условий освобождения по указанному основанию должны выступать:

- 1) совершение преступления впервые;
- 2) отнесение преступления к категории небольшой или средней тяжести;
- 3) возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом;

- 4) уплата в установленный судом срок денежного возмещения в бюджет Российской Федерации в размере, который с учетом положений ст. 6 УК РФ зависит от размера причиненного преступлением ущерба, дохода, извлеченного в результате совершения преступления, убытков, которые удалось избежать в результате совершения преступления, размера (стоимости) предмета преступления или размера преступного деяния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание законодательства РФ. 2011. 12 дек. № 50. Ст. 7362.
2. Собрание законодательства РФ. 2018. 31 дек. № 53 (ч. I). Ст. 8459.

3. Власенко В.В. «Реинкарнация» ст. 76.1 УК РФ и другие новеллы института освобождения от уголовной ответственности: законодательные погрешности и перспективы применения // Российская юстиция. 2019. № 8. С. 25–27.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
5. Благов Е.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 118–127.
6. Качество уголовного закона: проблемы Общей части / отв. ред. А.И. Рарог. М. : Проспект, 2016. 288 с.
7. Макарова О.В. освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 111–118.
8. Собрание законодательства РФ. 2016. 4 июля. № 27 (ч. II). Ст. 4258.
9. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел : на основании формы № 10.2. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 03.11.2019).
10. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ : на основании формы № 10-а. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 03.11.2019).
11. Каримов А.М. Заглаживание вреда, причиненного совершением преступления, как основание освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3. С. 87–92.
12. Валеев М.Т. Денежное возмещение, предусмотренное ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, как элемент «квалифицированного права» // Уголовная юстиция. 2016. № 2. С. 5–10.
13. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) : (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019). URL: <http://www.supcourt.ru/documents/thematics/28088/> (дата обращения: 03.11.2019).
14. Отчет судов общей юрисдикции о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об оплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз : на основании формы № 4. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.11.2019).
15. Собрание законодательства РФ. 2015. 15 июня. № 24. Ст. 3367.
16. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О добровольном декларировании физическими лицами имущества и счетов (вкладов) в банках» // Комитет Государственной думы РФ по бюджету и налогам. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/754388-6> (дата обращения: 02.11.2019).

Exemption from Criminal Liability in Connection with Restitution for Damage (Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 30–35. DOI 10.17223/23088451/14/7

Igor O. Tkachev, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: tkachyov@mail.ru

Keywords: exemption from criminal liability, restitution, judicial fine, humanization of criminal law.

As far as Part 2 of Article 76.1 and Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation provide for similarities in the grounds for exemption from criminal liability, the legislator is to think about unifying the relevant legal requirements to state one general basis for exemption from criminal liability in connection with the restitution. The conditions for exemption on the indicated grounds should include: committing an offense for the first time; classifying a crime as minor or moderate; compensation for damage or a different type expiation; paying within the period established by the court of monetary compensation to the budget of the Russian Federation in the amount which, under provisions of Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation, depends on the extent of the damage caused by the crime, income derived from the commission of the crime, losses avoided as a result of the crime, the extent (cost) of the subject of the crime or the extent of the criminal act.

References

1. The Russian Federation. (2011) *Sobranie zakonodatel'stva RF* [The Legislative Bulletin of the Russian Federation]. 12th December 2011. Art. 7362.
2. The Russian Federation. (2018) *Sobranie zakonodatel'stva RF* [The Legislative Bulletin of the Russian Federation]. 31st December 2018. Art. 8459.
3. Vlasenko, V.V. (2019) “Reincarnation” of Article 76.1 of the Criminal Code and other novelties of the institute of exemption from criminal liability: legislative errors and prospects of application. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 8. pp. 25–27. (In Russian).
4. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2013) 8.
5. Blagov, E.V. (2019) Relief from criminal responsibility for damages. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 8. pp. 118–127. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.118-127
6. Rarog, A.I. (ed.) (2016) *Kachestvo ugolovnogo zakona: problemy Obshchey chasti* [The quality of the criminal law: problems of the General Part]. Moscow: Prospekt.
7. Makarova, O.V. (2015) Exemption from Criminal Responsibility in Cases over Crimes in the Field of Economic Activity. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 1. pp. 111–118. (In Russian).
8. The Russian Federation. (2016) *Sobranie zakonodatel'stva RF* [The Legislative Bulletin of the Russian Federation]. 4th July. Art. 4258.
9. The Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Otchet ob osobennostyakh rassmotreniya ugolovnykh del, primeneniya real'nykh vidov nakazaniya i osnovaniy prekrashcheniya ugolovnykh del* [Report on the peculiarities of considering criminal cases, applying real types of punishment and the grounds for terminating criminal cases]. [Online] Available form: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (Accessed: 3rd November 2019).
10. The Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy UK RF* [Report on the number of convicts for all offenses of the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available form: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (Accessed: 3rd November 2019).
11. Karimov, A.M. (2019) Compensation for harm caused by commission of a crime as the basis for exemption from criminal liability with the appointment of a judicial fine. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik – Altai Law Journal*. 3. pp. 87–92. (In Russian).

12. Valeev, M.T. (2016) Monetary reimbursement under Part 2 of Art. 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as an element of “quasi-criminal law”. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2. pp. 5–10. DOI: 10.17223/23088451/8/1
13. The Supreme Court of the Russian Federation. (2019) *Punkt 1 Obzora sudebnoy praktiki osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa (stat'ya 76.2 UK RF) (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 10.07.2019)* [Clause 1 of the Review of the judicial practice of exemption from criminal liability with a fine (Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 10, 2019)]. [Online] Available form: <http://www.supcourt.ru/documents/thematics/28088/> (Accessed: 3rd November 2019).
14. The Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Otchet sudov obshchey jurisdiktsii o summakh ushcherba ot prestupleniy, summakh material'nykh vzyskaniy v dokhod gosudarstva, kolichestve vynesennykh postanovleniy ob opлате protsessual'nykh izderzhek za schet sredstv federal'nogo byudzheta i naznachenii ekspertiz* [Report of courts of general jurisdiction on the amount of damage from crimes, the amount of pecuniary punishment in state revenue, the number of decisions on the payment of procedural costs from the federal budget and the appointment of examinations]. [Online] Available form: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Accessed: 1st November 2019).
15. The Russian Federation. (2011) *Sobranie zakonodatel'stva RF* [The Legislative Bulletin of the Russian Federation]. 15th June. Art. 3367.
16. The State Duma Committee on Budget and Taxes. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona “O dobrovols'nom deklarirovaniyu fizicheskimi litsami imushchestva i schetov (vkladov) v bankakh”* [Explanatory note to the draft federal law “On the voluntary declaration by individuals of property and accounts (deposits) in banks”]. [Online] Available form: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/754388-6> (Accessed: 2nd November 2019).

Е.А. Царева

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ НА ОСНОВЕ ОПЫТА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ

Исследуется опыт функционирования исправительных центров, а также социально-демографическая и уголовно-правовая характеристики осужденных к принудительным работам, на основе чего делается вывод о месте принудительных работ в системе уголовных наказаний.

Ключевые слова: система уголовных наказаний, принудительные работы, исправительные центры.

В действующей редакции ст. 44 УК РФ предусмотрено наказание в виде принудительных работ, основным содержанием которого является также ограничение трудовой правоспособности осужденного.

В настоящий момент в Российской Федерации функционирует 14 исправительных центров и 43 изолированных участка исправительных учреждений, действующих как исправительные центры, с лимитом наполнения 4 073 осужденных, в которых состоят на учете 1 814 осужденных к принудительным работам [1]. Четыре исправительных центра – в Приморском и Ставропольском краях, Тамбовской и Тюменской областях, а также 8 участков, функционирующих как исправительные центры, – в Смоленской, Архангельской, Кемеровской, Новосибирской и Самарской областях, республиках Башкортостан и Карелия, Забайкальском крае, предоставили информацию, которая легла в основу представленной работы.

Учитывая, что в России насчитывается 85 субъектов федерации, такого количества исправительных центров крайне недостаточно для сохранения социально полезных связей осужденных и соблюдения норм, закрепляющих приоритет направления осужденных для отбывания наказания в исправительные центры, расположенные в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены. Указанные положения закреплены нормами Уголовно-исполнительного кодекса РФ и Приказом министерства юстиции от 28 декабря 2016 г. № 321 «Об утверждении порядка направления осужденных к месту отбывания принудительных работ».

Лимит наполнения всех исправительных центров – 4 073 осужденных, в них состоят на учете 1 814 осужденных к принудительным работам. Таким образом, исправительные центры заполнены осужденными лишь на 45%.

Однако в то же время наблюдается положительная динамика заполнения исправительных центров как в целом по России, так и каждого исправительного центра в отдельности. Количество лиц, прибывших в исправительные центры в 2017 г., составило 544 человека, а прибывших в 2018 г. – уже 937. Схожая динамика наблюдается в каждом исправительном центре в отдельности: в Смоленской области – 28 и 69 соответственно, в Архангельской – 73 и 165, в Республике Башкортостан – 42 и 109, в Забайкальском крае – 26 и 61, в Республике Карелия – 31 и 59, в Кемерово – 0 и 0,

в Новосибирске – 33 и 30, в Приморском крае – 36 и 98, в Самарской области – 8 и 11, в Ставропольском крае – 146 и 101, в Тамбовской области – 73 и 131, в Тюменской области – 48 и 103. Количество лиц, прибывших для отбывания наказания в виде принудительных работ в 2018 г., почти в 2 раза превышает количество лиц, прибывших в 2017 г.

Социально-демографическая характеристика осужденных, отбывающих принудительные работы на начало 2019 г., по половозрастным признакам представлена следующими данными.

Количество осужденных женского пола в исправительных центрах 47 человек, что составляет 9% от общего количества осужденных принудительным работам, а осужденных мужчин – 486 человек (91%). Наибольшее количество женщин содержится в ИЦ Новосибирска – 14 человек, что составляет 30% от общего количества осужденных женщин, находящихся в ИЦ по состоянию на январь 2019 г.

Большая часть осужденных к принудительным работам, находящихся в исправительных центрах в январе 2019 г., в возрасте от 31 до 40 лет – 236 человек, что составляет 44% от общего количества осужденных.

Таким образом, основная масса осужденных, отбывающих принудительные работы на начало 2019 г., – лица мужского пола в возрасте от 31 до 40 лет.

Уголовно-правовая характеристика осужденных к принудительным работам, содержащихся в исправительных центрах, представлена количеством осужденных, отбывающих наказание за определенную категорию преступления, и количеством осужденных, из заработной платы которых исчисляется определенный процент в доход государства.

Большая часть осужденных, содержащихся в исправительных центрах на январь 2019 г., отбывает наказание за совершение тяжкого преступления – 243 человека, или 46% от общего числа осужденных. Это подтверждает необходимость и целесообразность существования уголовного наказания в виде принудительных работ, поскольку данной категории лиц закон не рекомендует назначать альтернативу лишения свободы, а личность этих осужденных не представляет такой общественной опасности, чтобы изолировать их от общества. Таким образом, принудительные работы представляют собой промежуточное звено между наказаниями, связанными с изоляцией от общества, и наказаниями, не связанными с изоляцией от общества.

Исходя из исследованной информации о составе осужденных, содержащихся в исправительных центрах, можно сделать вывод, что суд в обвинительном приговоре назначает большей части осужденных к принудительным работам минимальный процент удержания из заработной платы как карательное правоограничение, входящее в содержание уголовного наказания в виде принудительных работ.

Количество осужденных, из заработной платы которых удерживается в доход государства от 5 до 10% – 409 человек, что составляет 77% от общего количества осужденных, от 11 до 15% – 77 (14%), от 15 до 20% – 46 (9%). Таким образом, в большинстве случаев суд назначает минимальный процент удержаний, предусмотренных УК РФ.

Таким образом, основная масса осужденных к принудительным работам, содержащихся в исправительных центрах, отбывает наказание за совершение тяжкого преступления, и из их заработной платы удерживается от 5 до 10% в доход государства.

Осужденные, находящиеся к моменту вступления приговора в законную силу на свободе, а также осужденные, которым неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена принудительными работами, следуют за счет государства в исправительный центр самостоятельно в соответствии с ч. 2 ст. 60.2 УИК РФ. Оплата проезда, обеспечение продуктами питания или денежными средствами на время проезда осужденных, самостоятельно следующих к месту отбывания принудительных работ, производится в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 июля 2012 г. № 691 «Об утверждении Правил оплаты проезда, обеспечения продуктами питания или деньгами на время проезда осужденных, самостоятельно следующих к месту отбывания принудительных работ».

Исходя из существующий практики исполнения принудительных работ, количество осужденных, прибывших в исправительные центры самостоятельно, составляет 381 человек.

В соответствии с ч. 3 ст. 60.2 УИК РФ осужденные, находящиеся к моменту вступления приговора в законную силу под стражей, направляются к месту отбывания наказания в порядке, установленном для лиц, осужденных к лишению свободы (под конвоем). Эти лица подлежат освобождению из-под стражи по прибытии в исправительный центр.

Количество осужденных, прибывших в исправительные центры под конвоем, составляет 99 человек. При этом большую часть осужденных, прибывших под конвоем, составляют осужденные, направленные в УФИЦ ФКУ ИК-8 ГУФСИН России по Новосибирской области – 57 человек (57%).

В структуре осужденных к принудительным работам преобладают осужденные, которые прибыли для отбывания наказания самостоятельно – 79% от общего количества осужденных к принудительным работам, прибывших в исправительные центры.

В структуре осужденных по количеству назначенного им срока отбывания принудительных работ преобладают осужденные, которым данный вид наказания назначен от 1 года до 2 лет.

В соответствии со ст. 60.1 УИК РФ, а также с п. 2 Приказа Министерства юстиции РФ от 28 декабря 2016 г. № 321 «Об утверждении порядка направления осужденных к месту отбывания принудительных работ» осужденный должен быть направлен в тот исправительный центр, который находится в пределах субъекта РФ, в котором он проживал или был осужден.

Количество осужденных, проживавших до осуждения в том же субъекте РФ, где расположен исправительный центр – 329 человек; количество осужденных к принудительным работам, отбывающих наказание в том же субъекте, где были осуждены – 275 человек; количество осужденных, отбывающих наказание в исправительном центре, расположенному в субъекте РФ, отличном от места их проживания или осуждения, – 200 человек.

Представленные исправительными центрами статистические данные свидетельствуют о том, что в исправительные центры того или иного региона преимущественно направляются осужденные, которые проживали или были осуждены в этом регионе. В связи с этим можно сделать вывод, что не все осужденные находятся в равном положении, поскольку лицам, проживающим в том субъекте РФ, где отсутствует исправительный центр, вероятнее всего, будет назначен вид наказания, отличный от принудительных работ, что нарушает принцип справедливости.

При этом закон разрешает при отсутствии на территории субъекта Российской Федерации по месту жительства осужденного к принудительным работам или по месту его осуждения исправительного центра или невозможности размещения (привлечения к труду) осужденных в имеющихся исправительных центрах направлять осужденных по согласованию с соответствующими вышестоящими органами управления уголовно-исполнительной системы в исправительные центры, расположенные на территории другого субъекта Российской Федерации, в котором имеются условия для их размещения (привлечения к труду) (ч. 2 ст. 60.1 УИК РФ). Однако отбывание наказания в субъекте, отличном от места его проживания до осуждения, может повлечь разрыв социально полезных связей осужденного, что также является неблагоприятным последствием.

В связи с этим необходимо обозначить необходимость решения проблемы возможности отбывания наказания в виде принудительных работ в том субъекте РФ, где проживал осужденный до осуждения, на правовом и организационном уровнях.

На законодательном уровне заложены основы решения данной проблемы, которые заключаются в возможности создания изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, при исправительных учреждениях. Однако на сегодняшний день исправительные центры или участки, функционирующие как исправительные центры, созданы не во всех субъектах РФ.

Определенные аналогии следует проводить со сложившейся практикой исполнения наказания в виде лишения свободы в колониях-поселениях (ст. 128, 129 УИК РФ). Нормы УК РФ и УИК РФ указывают на то,

что данный вид исправительных учреждений предназначен для частичной изоляции личности – лишения свободы. Однако осужденные содержатся исключительно под надзором, но не под вооруженной охраной.

Содержание исполнения принудительных работ также обладает элементами наказаний, как связанных с лишением свободы (проживание под надзором в общежитиях исправительного центра и т.д.), так и не связанных с лишением свободы (возможность проживания, обучения, лечения, трудовой занятости осужденных за пределами исправительного центра и т.д.).

По мнению В.А. Уткина, потребность в учреждениях, занимающих промежуточную ступень между «свободой» и «несвободой», очевидна. И не только в аспекте сокращения реального лишения свободы, но и с учетом типовых свойств отдельных категорий преступников. Для этих целей представляется уместным разделить всех осужденных на три типовые категории: объективно нуждающиеся в отрыве от социальной среды и в изоляции от общества; нуждающиеся в отрыве от социальной среды, но не нуждающиеся в изоляции от общества; не нуждающиеся ни в отрыве от социальной среды, ни в изоляции от общества. До недавнего времени для второй категории осужденных адекватных мер уголовно-правового характера предусмотрено не было. Эту нишу должны занять принудительные работы, исполняемые в исправительных центрах [2, с. 223].

В теории уголовного права можно привести достаточное количество позиций, подтверждающих, что колонии-поселения вообще не стоит признавать местом

лишения свободы. В связи с этим ученые предлагали организовать исправительные центры на базе существующих в уголовно-исполнительской системе учреждений полузакрытого типа – колоний-поселений. Условия отбывания наказания в них на тот момент уже практически совпадали с правовой конструкцией режима исправительных центров, которая определялась УИК РФ.

Помимо этого, данная мера позволила бы сократить статистику осужденных к лишению свободы. По состоянию на 1 апреля 2019 г. в 123 колониях-поселениях отбывали наказание 32 978 человек, а в исправительных центрах состояли на учете 1 223 осужденных к принудительным работам [1].

Однако, по мнению В.А. Уткина, колонии-поселения как учреждения, не предполагающие изоляции от общества, – это и сейчас не места лишения свободы в полном смысле слова [2, с. 223].

В связи с тем, что содержание в колонии-поселении и исправительном центре при исполнении наказания в виде принудительных работ имеют значительное сходство, их целесообразнее объединить в один вид уголовного наказания. Эта мера может завершить оформление системы наказаний и быть переходным звеном от наказаний, не связанных с лишением свободы, к наказаниям, связанным с лишением свободы. К тому же это поможет решить материальный вопрос построения исправительных центров, появится возможность использовать действующие колонии-поселения для исполнения принудительных работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы : статистические данные. URL: <http://www.fsin.su> (дата обращения: 26.06.2019).
2. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2018. 240 с.

Compulsory Labour in the Penal System: A Case Study of Correctional Centres Functioning

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 36–38. DOI 10.17223/23088451/14/8

Elena A. Tsareva, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: kadaneva_elena@mail.ru

Keywords: criminal penal system, forced labor, correctional centers.

Drawing on the experience of correctional centres functioning, the author emphasises the need for legal and organizational regulation of the problem of the doing the compulsory labour sentence in the subject of the Russian Federation where the convict lived before the conviction. As the detention in the penal colony and that in the correctional centre have much in common for those sentenced to compulsory labour, the author suggests that they should be combined into one type of criminal punishment. This measure can complete the execution of the penal system and be a transitional link from non-custodial to custodial punishments. In addition, this will help to solve the material issue of building correctional centres, as it will be possible to use existing colony settlements for compulsory labour execution.

References

1. The Federal Penitentiary Service of Russia. (n.d.) *Statisticheskie dannye. Kratkaya kharakteristika ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Statistical data. Brief description of the penal system]. [Online] Available from: <http://www.fsin.su> (Accessed: 26th June 2019).
2. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugolovnykh nakazaniy* [Problems of the Theory of Criminal Punishments]. Tomsk: Tomsk State University.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13

DOI 10.17223/23088451/14/9

А.Б. Диваев

ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Рассматривается предмет уголовно-процессуального регулирования. Аргументируется вывод, что им является совокупность общественных отношений, регламентированных нормами уголовно-процессуального права, что в полной мере соответствует традиционному для теории права пониманию предмета правового отраслевого регулирования. В работе также разграничены понятия «уголовный процесс», «уголовно-процессуальное право» и «производство по уголовному делу»

Ключевые слова: *уголовный процесс, уголовно-процессуальное право, производство по уголовному делу, уголовно-процессуальные отношения.*

В классическом понимании уголовно-процессуальное право – это отрасль права, характеризуемая своим предметом и методом правового регулирования. Согласно тем же теоретическим положениям предмет отраслевого правового регулирования – некие общественные отношения определенной сферы, упорядочивающее воздействие на которые оказывают нормы данной отрасли. Учитывая это, напрашивается вывод: предмет уголовно-процессуального регулирования, т.е. содержание уголовного процесса, также должен составлять общественные отношения. Но как раз он для уголовно-процессуальной науки не очевиден.

Так, в спектре научных взглядов на предмет уголовно-процессуального регулирования присутствует мнение о том, что уголовного процесса «вообще» не существует. В «реальности... уголовный процесс имеет место лишь по конкретному уголовному делу, по которому осуществляется конкретная уголовно-процессуальная деятельность» [1, с. 161]. Сообразно этой точке зрения и уголовно-процессуальное право рассматривается как средство регулирования не общественных отношений, а уголовно-процессуальной деятельности, осуществляющейся в ходе производства по конкретному уголовному делу.

Несмотря на то, что эта позиция высказана в современной науке, по сути, она представляет собой осовременный вариант подхода к пониманию уголовного процесса, распространенного еще в дореволюционный период [2, с. 6].

Широко он был представлен и в советской науке. Так, один из ярчайших его сторонников М.А. Чельцов прямо писал: «Советский уголовный процесс есть направляемая законом деятельность органов прокуратуры, следствия и суда по раскрытию преступления, изобличению преступника, разбирательству дела об обвиняемом со всеми гарантиями его защиты и применению к нему, в случае признания его виновным, справедливого наказания в целях, установленных социалистическим уголовным правом» [3, с. 10]. При этом автор данной цитаты вовсе не отрицал существования уголовно-процессуальных отношений, однако считал их производными от уголовно-процессуальной деятельности [Там же, с. 11].

Несмотря на стилистические и терминологические различия, каждый из сторонников мнения о том, что предметом уголовно-процессуального права является деятельность, а не отношения, основывает свою позицию на едином методологическом постулате о первичности деятельности по отношению к общественным отношениям. И если его принять за истину, тогда действительно уголовного процесса «вообще» нет. «Вообще» существует только уголовно-процессуальное право как некая формализованная, установленная государством система нормативов, которую вполне можно отождествить с уголовным процессом. Уголовный процесс здесь «живет» только в нормах права. Что же есть в реальности? Уголовно-процессуальная деятельность, которую осуществляют соответствующие субъекты, посредством чего между ними возникают некие отношения, называемые в силу их производного от уголовно-процессуальной деятельности характера уголовно-процессуальными отношениями.

Уголовно-процессуальная деятельность при этом не может осуществляться сама по себе. Для сторонников данной концепции вполне очевидно, что она происходит в ходе производства по уголовному делу, что хотя и несколько неполно отражает деятельность, однако вполне логично. Будучи специальным видом правовой деятельности, регламентированной нормами уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальная деятельность не может рассматриваться как повседневная человеческая деятельность. Ее участниками являются исключительно субъекты уголовно-процессуального права – носители соответствующих прав и обязанностей, реализация которых возможна только в рамках деятельности по применению нормы уголовного права, т.е. в ходе производства по уголовному делу.

Казалось бы, представленная точка зрения методологически безупречна. Схема взаимодействия между людьми по принципу «деятельность–отношение» вполне привычна. В обычном понимании она выглядит так. Если у индивида возникает какая-то потребность, формирующая интерес, который может быть удовлетворен другим субъектом, он обращается к нему, т.е. осуществляет деятельность. Действуя, направляя свои устремления к противоположному субъекту, заинтересо-

сованный индивид устанавливает отношение – связь по поводу удовлетворения взаимных интересов. А раз этой связи не было до осуществления соответствующей деятельности, то именно она и стала причиной появления отношения.

Такая схема развития отношений между людьми вполне жизнеспособна. Однако, и это не учитывается сторонниками первичности уголовно-процессуальной деятельности перед уголовно-процессуальными отношениями, она демонстрирует закономерности развития личных, но не общественных отношений. В личных отношениях, где субъектами являются конкретные индивиды, действующие «сами по себе», не реализуя каких-либо социальных ролей, все происходит именно так. Однако уголовно-процессуальные отношения при всем желании вряд ли можно отнести к личным отношениям. Но тогда уместен вопрос: на каком основании закономерности возникновения и развития личных отношений распространяются на общественные по своей природе уголовно-процессуальные отношения? Закономерности развития общественных отношений абсолютно не соответствуют последовательности «деятельность–отношения».

В современном понимании в качестве общественных отношений принято рассматривать «относительно устойчивые связи между социальными группами, народами, государствами и другими объединениями людей, возникающие в производственно-экономической, социально-политической сферах человеческой деятельности, различных видах культуры и определяющие специфику данного конкретного общества, его качественные характеристики, его социальную структуру» [4, с. 389].

За столь громоздким философским определением общественных отношений одновременно кроется и очень глубокий смысл. В частности, из него следует, что общественные и личные отношения – это совершенно разные по модели развития отношения. Общественное отношение только внешне выглядят как отношение двух (или более) конкретных индивидов. На самом деле личность здесь не важна. Носителями общественных отношений являются не конкретные люди, а социальные группы, и с этой точки зрения эти отношения всегда объективны. Общественные отношения – отражение структуры общества, своего рода «сетка» связей, сложившихся вместе с развитием общества между субъектами, исполняющими те или иные социальные роли. Может меняться индивидуальный состав таких связей, однако определяющую роль здесь играет не личность субъекта этих отношений, а его социальная роль. Конкретный человек, желая реализовать свои или общественно значимые цели, как бы встраивается в эту «сетку», лично, по своей воле начиная выполнять соответствующую социальную роль, либо вовлекается в нее волей иного лица, имеющего возможность «включить» его в эти отношения [4, с. 389]. Общественные отношения оттого и носят такое название, что являются производными от общества, отражают степень сложности его устройства. Чем сложнее общественная структура, тем большее количество социальных ролей его характеризует и тем большее количество общественных связей возможно в таком обществе.

Объективность, «обезличенность» – очень важное свойство общественного отношения. Этим оно отличается от личного отношения, т.е. отношения, складывающегося между конкретными индивидами – личностями, выступающими в этих отношениях лично, а не в качестве представителя социальной группы. Эти отношения всегда индивидуальны, нетипичны, а поэтому не могут быть подвергнуты правовому нормативному (т.е. типичному) регулированию. Именно в этом кроется причина того, почему одни отношения «поддаются» регулированию, а другие – нет.

Соответственно, в отличие от личных, где деятельность – причина возникновения отношений, в общественных отношениях все происходит с «точностью до наоборот»: в их соотношении с деятельностью именно они должны рассматриваться в качестве первичного элемента. Деятельность здесь представляет собой лишь то, посредством чего конкретный индивид как представитель социальной группы (носитель социальной роли) может стать участником уже существующих отношений. Она производна от них. Деятельность здесь осуществляется постольку, поскольку соответствующий субъект желает или получает возможность стать участником общественных отношений, «встроиться» в их систему. При этом, став участником общественных отношений, он становится обязанным «играть» по уже существующим правилам, которыми в случае уголовно-процессуальных отношений являются нормы уголовно-процессуального права, регулирующие эти отношения. Таким образом, уголовно-процессуальное право если и регулирует уголовно-процессуальную деятельность, то опосредованно, через общественные уголовно-процессуальные отношения, но никак не в обратной последовательности.

Именно с этих позиций, по нашему мнению, следует рассматривать вопрос о том, чем же на самом деле является производство по уголовному делу. Оно как раз и есть та деятельность, осуществляя которую соответствующие субъекты «играют» определенные социальные роли, являющиеся в силу их правовой регламентации процессуальными статусами и, «встраиваясь» в систему уголовно-процессуальных отношений, реализуют соответствующие им статусам права и обязанности. Производство по уголовному делу – это «сумма деятельности» всех его участников, правовая регламентация деятельности каждого из которых происходит посредством правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, субъектами которых они становятся.

Сообразно сказанному, предмет уголовно-процессуального регулирования необходимо рассматривать как совокупность общественных отношений, регламентированных нормами уголовно-процессуального права. Именно такое его понимание представляется наиболее убедительным.

Нельзя сказать, что в теории уголовного процесса не задавались вопросом о месте общественных отношений в предмете уголовно-процессуального регулирования. Еще в советский период ее развития было высказано мнение о том, что общественные отношения необходимо выделять в его структуре наряду с деятельностью [5, с. 36; 6, с. 22–28 и др.].

Более определенно по этому поводу высказывался В.П. Божьев, по мнению которого предмет уголовно-процессуального регулирования составляют исключительно общественные отношения. Он писал: «Уголовно-процессуальные отношения, возникающие в процессе возбуждения, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, весьма разнообразны как по характеру, так и по субъективному составу. Тем не менее все эти разнообразные отношения образуют единый предмет правового регулирования...» [7, с. 8].

В настоящее время взгляд на предмет уголовно-процессуального регулирования как совокупность общественных отношений разделяют такие авторы, как А.С. Бахта [8], А.Д. Прошляков [9, с. 13].

При этом мы придерживаемся мнения, что уголовно-процессуальные отношения уже в силу своей природы являются правоотношениями, т.е. отношениями, регламентированными нормами права. Это, если так можно выразиться, «самые правовые» из всех отношений, так как они не могут существовать иначе как в виде правоотношений. Данная точка зрения получила достаточное теоретическое обоснование, поэтому мы не будем останавливаться на ее подробной аргументации, ограничившись лишь интересующими нас ее следствиями.

Учитывая, что уголовно-процессуальные отношения – это «природные» правоотношения, сразу обозначим главное: они жестко детерминированы уголовно-процессуальным правом. Ни одно общественное отношение вне процессуальной регламентации не является уголовно-процессуальным.

Конечно, это не означает, что уголовно-процессуальные отношения обязательно появляются как следствие закрепления уголовно-процессуальной нормы, хотя вполне может быть и так. Само по себе общественное отношение, объективно нуждающееся в уголовно-процессуальной регламентации, может сформироваться и вне ее. Факт появления такой общественной связи вовсе не говорит о том, что образовалось уголовно-процессуальное отношение. Уголовно-процессуальным оно станет только после его регулирования нормой уголовно-процессуального права.

Примеров тому в истории развития уголовного процесса множество. Взять хотя бы проверку заявлений и сообщений о преступлениях. До недавних пор эти отношения лишь фрагментарно регламентировались уголовно-процессуальным законом, в связи с чем очень ограниченный их круг можно было бы с полным основанием назвать уголовно-процессуальными. При этом совокупность общественных отношений, входящих в круг отношений по проверке сообщения о преступлении, но не урегулированных уголовно-процессуальным правом, была и остается весьма обширной.

Например, в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлении достаточно распространены отношения по поводу получения устных объяснений о случившемся. Никакой их процессуальной регламентации до последнего времени не было, а поэтому сотрудники правоохранительных органов (не только следователи и дознаватели, но и сотрудники оперативных подразделений), получая объяснения об обстоятельствах слу-

чившегося, «по инерции» старались максимально приблизить порядок получения объяснений к регламентированному законом порядку допроса. В частности, это касалось порядка установления личности дающего объяснения, исполнения «требований» о предупреждении его «об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний», порядка составления «протокола» получения объяснений, хотя такого документа законом не предусмотрено, и др. Со временем в органах внутренних дел даже появилась разработанная для внутреннего пользования форма такого «протокола».

Очевидно, что отношения по поводу получения устных объяснений о проверяемом событии возникли и существовали длительное время вне процессуальной регламентации. Их развитие по правилам допроса – это не более чем проявление привычной для правоохранителя формы поведения, а не какой-то «особой уголовно-процессуальной природы» этих отношений. По сути, сотрудники правоохранительных органов, преодолевая в данном случае пробел законодательства, действовали по аналогии закона. При этом, учитывая, что «пробел в уголовно-процессуальном праве есть полное или частичное отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве нормативных установлений, обусловленных потребностями развития уголовного процесса или реализации действующих нормативных предписаний в практике уголовного судопроизводства, а также неопределенность уголовно-процессуальных норм, которая затрудняет их применение» [10, с. 139], можно констатировать, что такое поведение правоприменителя является самым явным индикатором того, что данная группа общественных отношений нуждалась в процессуальной регламентации. Что и произошло после введения в УПК РФ ч. 1² ст. 144, согласно которой полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст.ст. 75 и 89 УПК РФ, т.е. условий их допустимости. Проще говоря, законодатель прямо указал, что объяснения могут быть получены в порядке производства допроса, и если следователь или дознаватель избрал такой способ их получения, они вступают не просто в общественные, а в уголовно-процессуальные отношения.

При этом необходимо обратить внимание на то, что для приобретения общественными отношениями статуса уголовно-процессуальных норм, направленная на их регламентацию, не обязательно должна быть выражена в положениях УПК РФ. Безусловно, этот нормативно-правовой акт представляет собой «становой хребет» системы источников уголовно-процессуального права. Однако нельзя забывать и о том, что уголовно-процессуальные нормы вполне могут содержаться и в Конституции РФ, федеральных конституционных и обычных законах, а учитывая современные реалии, еще и в решениях Конституционного Суда РФ, в частности его постановлениях, выражающих позицию Суда по вопросу конституционности тех или иных положений российского законодательства, а равно его соответствия международным нормам, признанным нашим государством.

В связи с этим в науке было высказано мнение о том, что предмет уголовно-процессуального регулирования не ограничивается исключительно отношениями, регламентированными уголовно-процессуальным правом. Такое видение содержания уголовного процесса было представлено в свое время известным процессуалистом В.Г. Даевым. Он писал: «В теории советского уголовного процесса широко распространено мнение, что общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства, существуют не иначе как в форме правоотношений... Это мнение справедливо для большинства указанных отношений... Однако это не означает отсутствия в сфере уголовного судопроизводства, как и в сфере правоприменительного процесса в целом, общественных отношений, не урегулированных правом, в силу ненужности или невозможности такого регулирования» [11, с. 11]. В качестве примера таких «уголовно-процессуальных» отношений В.Г. Даев приводил некие нравственные (например, те же брачно-семейные) отношения, связанные с судопроизводством, тактические, технические, методические аспекты расследования и др.

Как видим, автор к числу уголовно-процессуальных отношений отнес, по сути, любые общественные отношения, причем безотносительно того, регламентируются они вообще правом или нет. Для признания такого отношения уголовно-процессуальным достаточно лишь одного – чтобы оно так или иначе было «связано» с производством по уголовному делу. Причем характер этой связи автором не раскрывается. Что это за связь? Что она опосредует – событие преступления, личность обвиняемого, какое-либо процессуальное действие или решение? Непонятно.

Непонятна также позиция В.Г. Даева относительно того, могут ли считаться уголовно-процессуальными отношения, уже урегулированные нормами иных отраслей права, однако связанные с производством по уголовному делу. Допустим, те же оперативно-розыскные отношения, т.е. отношения, регламентированные нормами оперативно-розыскного законодательства. Не секрет, что оперативно-розыскная деятельность практически всегда сопутствует уголовно-процессуальной и, безусловно, связана с ней. Этот вывод следует хотя бы из положений ст. 3 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», к задачам которой отнесены в том числе: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; установление имущества, подлежащего конфискации. Связь этих задач оперативно-розыскной деятельности с производством по уголовному делу, думается, очевидна.

Так являются ли оперативно-розыскные отношения уголовно-процессуальными, а оперативно-розыскная деятельность, как следствие этого, – уголовно-процессуальной деятельностью? Несмотря на весьма парадоксальное звучание, в контексте рассмотренной позиции относительно уголовно-процессуальных отношений

этот вопрос вполне уместен. Действительно, если общественные отношения, вовсе не урегулированные правом, могут считаться уголовно-процессуальными по причине их связи с производством по уголовному делу, то почему в этой «способности» должно быть отказано общественным отношениям, уже регламентированным иными нормами права? Тем более что с фактической стороны общественное отношение и правоотношение ничем не отличаются. Их отличие находится исключительно в формальной плоскости, которой В.Г. Даев и сторонники «широкой» трактовки уголовно-процессуальных отношений как раз и не придают значения. Если следовать логике автора, то любое «непроцессуальное» правоотношение должно быть способным стать «уголовно-процессуальным» в результате того, что оно каким-то образом «связывается» с производством по уголовному делу, несмотря на то что оно регламентировано нормами иных отраслей права.

По нашему мнению, такой подход вряд ли отражает истинное положение вещей. Он полностью обесценивает главное качество уголовно-процессуальных отношений, отличающее их от любых других отношений – урегулированность нормами уголовно-процессуального права. А это автоматически нивелирует как отраслевые границы уголовно-процессуального права, так и саму грань, отделяющую правовое от неправового. По сути, в таком варианте разрушается система отрасли уголовно-процессуального права, происходит отказ от нее. Взамен же предлагается нечто с не очень приятными системными признаками – совокупность самых разнообразных по своему субъектному составу и содержанию общественных отношений, которые предлагается считать уголовно-процессуальными не по формально-му – урегулированность нормами соответствующей отрасли права, а по умозрительному критерию, позволяющему считать то или иное отношение связанным с производством по делу или не связанным с ним.

Наконец, мы категорически против включения в сферу уголовно-процессуальных отношений некоторых «технических вопросов» производства по уголовному делу, что также отнесено В.Г. Даевым к ней. «По общему правилу, законодатель не считает нужным регулировать вопросы тактики, методики и техники расследования, хотя с этими вопросами, несомненно, связаны определенные отношения людей, участвующих в расследовании», – писал он [Там же].

Во-первых, сомнительно, что, говоря о технических аспектах производства по уголовному делу, вообще есть возможность говорить о каких-либо общественных отношениях. В данном случае речь может идти об отношениях людей, возникших *по поводу* применения каких-либо технических средств в ходе производства по уголовному делу, но ни в коем случае не о самой технологии осуществления тех или иных мероприятий с использованием технических приспособлений. Однако эти отношения вполне урегулированы нормами уголовно-процессуального права. Так, если следователю или суду для проведения того или иного мероприятия необходимо использование технических средств, согласно ст. 58 УПК РФ он вправе привлечь к участию в производстве данного действия специалиста, вступив

тем самым с ним в отношение, регламентированное рядом норм уголовно-процессуального закона (ст.ст. 58, ч. 5, 6 ст. 164, ст.ст. 168, 251 и другие статьи УПК РФ), т.е. в уголовно-процессуальное отношение.

Во-вторых, что вполне естественно, уголовно-процессуальное право не может содержать в себе технических регламентов, нормативов, правил обращения с техническим средствами, равно как не имеет какого-либо воздействия на физические и химические процессы, лежащие в основе их применения. Да и отношениями все это не является. Что это за отношения? По сути, здесь мы имеем одностороннюю деятельность человека в отношении объектов материального мира, связь так называемого субъект-объектного типа. Правовой же регламентации в сфере уголовно-процессуальных отношений могут быть подвергнуты исключительно отношения субъект-субъектного характера, в которых одному лицу противостоит другое лицо, каждое из которых наделено взаимными правами и обязанностями.

Насколько неверно бесконечное расширение сферы уголовно-процессуальных отношений, настолько же не отвечает действительности и необоснованное сужение предмета уголовно-процессуального регулирования.

Предмет уголовно-процессуального регулирования нельзя ограничивать отношениями, складывающимися исключительно в ходе производства по уголовному делу, как на то указывают некоторые авторы [1, с. 161]. Это прямо следует из сказанного нами выше. Спора нет, производство по уголовному делу и отношения, составляющие его содержание, – это «сердцевина» предмета уголовно-процессуального регулирования. Именно эти отношения регламентированы нормами уголовно-процессуального права наиболее детально, что видно «невооруженным глазом».

Между тем исключение из предмета уголовно-процессуального регулирования отношений, предшествующих производству по уголовному делу, складывающихся при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела, а также отношений, связанных с исполнением приговора, и ряда иных сопутствующих

производству по уголовному делу отношений нельзя признать обоснованным. Можно оспаривать необходимость процессуальной регламентации этих отношений в принципе, однако пока нормы уголовно-процессуального права регулируют их, уголовно-процессуальная природа этих отношений представляется неоспоримой. Здесь следует согласиться с высказанной В.В. Николюком критикой содержания легального определения категории «уголовное судопроизводство», предложенного законодателем в п. 55 ст. 5 УПК РФ. По мнению исследователя, закрепленное в этой норме «...понятие уголовного судопроизводства как досудебного и судебного производства по уголовному делу подчеркивает его центральное, основное место в структуре уголовного процесса, однако выводит “в тень” регулируемую УПК РФ деятельность вне уголовного дела (проверка сообщения о преступлении, производство по вопросам исполнения приговора, возмещения вреда реабилитированному, выдача лица для исполнения приговора, передача осужденного для отбывания наказания, судебная проверка жалоб по правилам ст. 125 УПК РФ). Фактический объем этой части уголовного процесса сравним с уголовно-процессуальной деятельностью по уголовным делам, и уже поэтому приведенный пункт... не выдерживает критики в силу своей существенной неточности» [11, с. 266].

Итак, уголовно-процессуальное право и общественные отношения в сфере возбуждения, расследования, рассмотрения, разрешения уголовных дел и исполнения приговора – это явно нетождественные категории. В представленной конструкции они соотносятся как средство правового регулирования и его предмет. Общественные отношения становятся уголовно-процессуальными отношениями, образуя социальную сущность, которую называют уголовным процессом, исключительно в силу их регламентации нормами уголовно-процессуального права. С определенными оговорками эти традиционные положения вполне отражают сущность уголовного процесса и природу уголовно-процессуального права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макарова З.В. Цель, средства, результат уголовно-процессуальной деятельности // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. С. 160–166.
2. Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М. : Тип. А.П. Поплавского, 1902. 492 с.
3. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. 624 с.
4. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. 720 с.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1. 472 с.
6. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 172 с.
7. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные отношения. М. : Юрид. лит., 1975. 176 с.
8. Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 49 с.
9. Уголовный процесс : учебник / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. М. : Волтерс Кluver, 2011. 1056 с.
10. Подглесных С.Н. Проблемы в уголовно-процессуальном праве. М. : Юрлитинформ, 2013. 184 с.
11. Николюк В.В. Российский уголовный процесс как комплекс дифференцированных основных и особых производств // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. Т. 1. С. 266–273.

Subject of Criminal Procedure

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 39–44. DOI 10.17223/23088451/14/9

Aleksandr B. Divaev, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: divalex09@mail.ru

Keywords: criminal procedure, criminal procedure law, criminal proceedings, criminal procedure relations.

The theory of law traditionally understands the subject of sectoral legal regulation as a certain set of social relations regulated by the norms of this branch of law. Rare exceptions include criminal procedure that interprets the subject of criminal procedure regulation as the activity carried out by participants in criminal proceedings during specific criminal case proceedings. The relations arising out of it are secondary and derived from criminal procedural activity. This interpretation of the subject of criminal procedure regulation does not reflect its specificity, but results from misunderstanding of the nature of social relations and its identification with the nature of personal relations. The system of public relations is objective, with each participant only integrating into it through activity, without generating relations. Accordingly, the branch of law regulates relations rather than activity.

References

1. Makarova, Z.V. (2014) [Purpose, means, result of criminal procedural activities]. *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie sredstva obespecheniya effektivnosti ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal procedural and criminalistic means of ensuring the effectiveness of criminal proceedings]. Proc. of the International Conference. Irkutsk: BSUEL. pp. 160–166. (In Russian).
2. Dukhovsky, M.V. (1902) *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian Criminal Process]. Moscow: A.P. Poplavsky.
3. Cheltsov, M.A. (1948) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Process]. Moscow: The USSR Ministry of Justice.
4. Frolov, I.T. (2001) *Filosofskiy slovar* [Philosophical Dictionary]. 7th ed. Moscow: Respublika.
5. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The Soviet Criminal Process]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
6. Elkind, P.S. (1963) *Sushchnost' sovetskogo ugolovno-protsessual'nogo prava* [The essence of Soviet criminal procedure law]. Leningrad: Leningrad State University.
7. Bozhiev, V.P. (1975) *Ugolovno-protsessual'nye otnosheniya* [Criminal procedure relations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
8. Bakhta, A.S. (2011) *Mekhanizm ugolovno-protsessual'nogo regulirovaniya* [The mechanism of criminal procedure regulation]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
9. Proshlyakov, A.D., Balakshin, V.S. & Kozubenko, Yu.V. (eds) (2011) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Process]. Moscow: Wolters Kluwer.
10. Podlesnykh, S.N. (2013) *Probely v ugolovno-protsessual'nom prave* [Gaps in Criminal Procedure Law]. Moscow: Yurlitinform.
11. Nikolyuk, V.V. (2017) Rossiyskiy ugolovnyy protsess kak kompleks differentsirovannykh osnovnykh i osobykh proizvodstv [The Russian criminal process as a complex of differentiated primary and special proceedings]. In: Karnovich, S.A. & Kapustyuk, P.A. (eds) *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh* [Law Enforcement Bodies in Modern Conditions]. Vol.1 Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 266–273.

О.В. Желева

ОГЛАШЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СУДОМ ДИСКРЕЦИОННЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Рассматривается институт оглашения показаний потерпевшего, свидетеля с точки зрения достижения назначения уголовного судопроизводства, соблюдения принципов состязательности и равноправия сторон. На основе анализа Постановлений ЕСПЧ, а также российской судебной практики приводятся случаи, когда оглашение показаний становится способом злоупотребления судом дискреционными полномочиями. В результате исследования автором предложены критерии законности и обоснованности оглашения показаний.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, участники уголовного процесса, оглашение показаний, злоупотребление дискреционными полномочиями.

Одним из основных принципов осуществления правосудия является принцип состязательности, закрепленный в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации. Вслед за Конституцией РФ принцип состязательности нашел свое отражение и в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

М.С. Строгович определял состязательность следующим образом: «Это такое построение судебного разбирательства, при котором обвинение отделено от суда, обвинение и защита осуществляются равноправными сторонами, а функция суда состоит в разрешении дела» [1, с. 149]. Применительно к уголовному судопроизводству аналогичное определение принципа состязательности содержится и в ряде постановлений Конституционного Суда РФ. Например, в Постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений ст.ст. 7, 15, 107, 234 и 450 УПК Российской Федерации Конституционный Суд РФ указал, что функция разрешения уголовного дела отделена от функций обвинения и защиты, и осуществление каждой из них возлагается на различные субъекты уголовного судопроизводства, обладающие равными процессуальными правами. [2] Стороны обвинения и защиты в условиях состязательности должны действовать таким образом, чтобы использовать предоставленные им права и исполнить возложенные на них обязанности без нарушения закона, прав и законных интересов друг друга и лиц, обвиняемых в совершении преступления, не создавая при этом препятствий для процессуальной деятельности другой стороны.

Обеспечению конституционного принципа состязательности и равноправия сторон способствует положение о непосредственности судебного разбирательства, закрепленное в ч. 1 ст. 240 УПК РФ и означающее, что все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств.

Следует отметить, что оглашение показаний, данных при производстве предварительного расследования, рассматривается как исключение и допускается лишь в случаях, предусмотренных законом (ч. 2 ст. 240 УПК РФ).

Между тем относительно необходимости применения данного института в литературе существует несколько позиций. В соответствии с первой позицией процедура оглашения показаний нарушает принцип равноправия сторон перед судом. Так, по мнению О.В. Уреновой, «отступление от непосредственности исследования в части возможности оглашения показаний лиц, даже в указанных в законе случаях, а в последующем возможность использовать эти показания в качестве доказательств нарушает принцип состязательности сторон, том числе равноправие сторон перед судом, так как при этом главным образом нарушаются право лица, привлекаемого к уголовной ответственности» [3, с. 4]. Аналогичной позиции придерживается А. Клецкин, который указывает, что «если внимательно проанализировать положения УПК РФ, можно легко заметить, что они нарушают принципы равноправия и состязательности, согласно которым стороны наделены равными возможностями перед судом, в том числе правами по представлению доказательств, участию в их исследовании, заявлению ходатайств и отводов. При этом суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций. Исходя из указанных принципов возможность реализации стороной своих прав и обязанностей не может зависеть от волеизъявления другой стороны» [4, с. 2].

Однако есть и другая точка зрения относительно оглашения показаний отсутствующих участников судопроизводства. К примеру, И.В. Руднев считает, что «оглашение показаний в ряде случаев может способствовать разрешению противоречий, которые возникают в ходе судебного следствия. Причем суд должен очень тщательно подойти к оценке показаний допрошенных лиц, данных ими как в суде, так и в ходе предварительного расследования» [5, с. 3]. А. Гринев, Г. Тарасова придерживаются этой же позиции, подчеркивая, что «аргументом в пользу допустимости оглашения в суде показаний потерпевшего и свидетеля вне зависимости от согласия сторон является необходимость оценки действий отказавшегося от дачи показаний потерпевшего или свидетеля, существенно изменившего показания, или при отсутствии оснований, предусмотренных ст. 51 Конституции РФ. В этой ситуации может быть поставлен вопрос о даче потерпевшим или свиде-

телем заведомо ложных показаний суду или неправомерности его отказа от дачи показаний. Как известно, за такие действия предусмотрена уголовная ответственность. Поэтому должны быть, в том числе путем сопоставления показаний, выяснены причины противоречий, установлены причины отказа от дачи показаний. В результате возможен вывод о том, что существенное изменение показаний связано с добросовестным заблуждением потерпевшего или свидетеля. В других случаях может быть сделан вывод о заведомой ложности показаний или неправомерном отказе от их дачи» [6, с. 31].

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении от 7 декабря 2006 г. № 548-О «По запросу Абинского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности положений статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и по жалобам граждан Фомина Дмитрия Евгеньевича, Шулленкова Александра Николаевича и Щербинина Алексея Валерьевича на нарушение их конституционных прав положениями той же статьи» [7], исключение из принципа непосредственности в виде возможности оглашения показаний свидетеля, потерпевшего обусловлено как необходимостью устранения неравенства в процессуальных возможностях по исследованию доказательств между стороной защиты и стороной обвинения, производившей допросы потерпевших и свидетелей в ходе досудебного производства и составившей соответствующие протоколы, так и стремлением создать для суда условия, при которых ему обеспечиваются свободные от постороннего влияния восприятие и оценка показаний участников уголовного судопроизводства. В тех же целях ст. 272 УПК РФ предусматривается, что при неявке кого-либо из участников уголовного судопроизводства суд выслушивает мнения сторон о возможности судебного разбирательства в его отсутствие и выносит определение или постановление об отложении судебного разбирательства или о его продолжении, а также о вызове или приводе неявившегося участника.

Созданию сторонам защиты и обвинения равных процессуальных возможностей по исследованию доказательств служит и закрепленное в ч. 1 ст. 281 УПК РФ правило, в силу которого оглашение ранее полученных показаний потерпевшего или свидетеля, не явившегося в судебное заседание, допускается только с согласия сторон, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 281 УПК РФ, когда обеспечить участие потерпевшего или свидетеля в судебном заседании не представляется возможным.

Вместе с тем представляется, что при решении вопроса об оглашении показаний отсутствующих свидетеля, потерпевшего у суда имеется определенная степень дискреции.

Суд как единственный носитель судебной власти обладает рядом исключительных полномочий в уголовном процессе: по рассмотрению и разрешению уголовных дел (ч. 1 ст. 29 УПК РФ), а также по принятию процессуальных решений, затрагивающих конституционные права и свободы личности (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). При этом деятельность суда направлена на достижение назначения уголовного судопроизводства, закрепленного

в ст. 6 УПК РФ: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Для реализации перечисленных целей и задач законодатель закрепил особые возможности суда, некоторые из которых имеют дискреционный характер. Они позволяют суду «применять на основе собственного внутреннего убеждения один из нескольких легитимных вариантов решения правовых вопросов в целях наиболее эффективного осуществления уголовного судопроизводства» [8, с. 9]. Такая деятельность суда характеризуется волевым моментом, формирующимся под влиянием внутреннего убеждения, мировоззрения, профессионального опыта, что является субъективной составляющей дискреционных полномочий. В то же время это не позволяет раскрывать понятие дискреционных полномочий через категории «субъективное право», «свобода», поскольку в отличие от субъективного права дискреция предполагает совершение действия (бездействия) не в личных интересах, а в интересах третьих лиц, общества, государства. Кроме того, действия и решения, принятые судом на основе предоставленных ему дискреционных полномочий, должны наиболее точно отвечать замыслу законодателя, соответствовать назначению уголовного процесса. Отсюда следует, что, с одной стороны, суд обязан использовать свою дискрецию лишь в рамках тех вариантов поведения, которые уже сосредоточены в праве, руководствуясь общими нормативными положениями, требованиями уголовно-процессуальной формы, а с другой стороны, он может беспрепятственно пользоваться своими правовыми возможностями внутри установленных пределов. Как указывает К.М. Баева, уголовно-процессуальный закон изначально содержит «ряд норм, гипотезы которых направлены на ограничение допустимого усмотрения от злоупотребления правом при принятии прогностических, тактических решений в рамках производства по уголовному делу» [9, с. 96]. Помимо этого, деятельность властных субъектов находится под надзором и контролем вышестоящих государственных органов, т.е. они ответственны за свои действия (бездействие).

В целом наличие у суда дискреционных полномочий способствует обеспечению независимости, самостоятельности, беспристрастности судебной власти, а также позволяет восполнить пробелы в процессе правоприменительной деятельности в связи с невозможностью детально регламентировать все многообразие уголовно-процессуальных правоотношений [10, с. 395]. В то же время дискреция создает опасность чрезмерного усмотрения, злоупотреблений со стороны суда.

По своему содержанию злоупотребление дискреционными полномочиями представляет собой осуществление по своему усмотрению предоставленных законом возможностей в противоречии с их назначением, замыслом законодателя, результатом чего становится неоправданное ограничение или угроза нарушения конституционного права лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, либо такое ограничение прав и возможностей участника процесса, которое способно привести к нарушению права одного из субъектов на

судебную защиту (в том числе вследствие нарушения права на судебное разбирательство в разумный срок) [11, с. 71]. Исходя из указанного определения, можно выделить следующие признаки злоупотребления дискреционными полномочиями. Во-первых, осуществление государственными органами и должностными лицами предоставленных им полномочий в противоречии с их назначением. Во-вторых, соответствие поведения властных субъектов правовым предписаниям и отсутствие нарушений уголовно-процессуального законодательства. В-третьих, причинение вреда правам и законным интересам участников процесса.

Представляется, что в некоторых случаях вышеуперечисленные признаки наличествуют при оглашении судом показаний отсутствующих участников уголовного судопроизводства.

Если обратиться к судебной практике, то в Томской области при рассмотрении дел в суде первой инстанции довольно часто используется процедура оглашения показаний свидетеля, потерпевшего, подсудимого. Причинами этого являлись необходимость устранения противоречий в показаниях, неявка участника по уважительным причинам, его тяжелая болезнь или смерть.

Вместе с тем встречаются ситуации, в которых судья дал неверную оценку обстоятельствам, позволяющим огласить показания, чем нарушил права других субъектов уголовного судопроизводства.

Например, в ходе судебного разбирательства по делу № 10-11/2018 по ходатайству государственного обвинителя с согласия стороны защиты были оглашены показания свидетелей А. и Б., данные ими на предварительном следствии. При этом судьей при удовлетворении ходатайства не были уточнены основания для оглашения показаний, а также противоречия, которые государственный обвинитель посчитал существенными. После этого было удовлетворено ходатайство защитника об оглашении показаний свидетеля В., данных на предварительном следствии, без выяснения позиции по такому вопросу государственного обвинителя. А затем при отсутствии доказательств, свидетельствующих о принятых мерах по установлению места нахождения представителя потерпевшего и свидетелей и отрицательном результате таких мер, мировым судьей принимались решения об оглашении на основании п. 5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ данных на предварительном следствии показаний представителя потерпевшего Г., свидетелей Д., Е., Ж. по ходатайствам государственного обвинителя с согласия стороны защиты [12].

Видится, что в ходе разбирательства по данному уголовному делу судья ограничился согласием сторон на оглашение показаний отсутствующих участников уголовного судопроизводства без исследования соответствующих оснований. В таких действиях мирового судьи можно наблюдать злоупотребление дискреционными полномочиями, которое прямо не противоречит предписаниям уголовно-процессуального законодательства, однако не соответствует назначению уголовного судопроизводства, принципу состязательности и нарушает права и законные интересы участников процесса. К таким выводам пришел и Советский районный суд г. Томска при пересмотре дела в порядке апелляционного судопроизводства.

В качестве примера можно также привести обстоятельства, установленные в ходе производства по кассационной жалобе потерпевшего Н., в которой он выразил несогласие с состоявшимися по делу судебными решениями [13]. В судебном разбирательстве по делу № 44у-9/2017 потерпевший и его представитель не смогли принять участие, о чем предварительно уведомили суд и заявили ходатайство об отложении судебного разбирательства. Однако мировой судья отказал в удовлетворении данного ходатайства и рассмотрел уголовное дело в ранее назначенный день без их участия. В отсутствие потерпевшего по инициативе государственного обвинителя было принято решение об оглашении показаний свидетелей Ц., Э., Д., на основании которых суд пришел к выводу о том, что потерпевший совершил «противоправные и аморальные действия», послужившие поводом для посягательства на его здоровье. При рассмотрении уголовного дела судом не были предприняты меры к вызову отсутствующих участников, что свидетельствовало о злоупотребительском поведении мирового судьи и стало основанием для отмены приговора мирового судьи и передачи материалов дела на новое рассмотрение.

Следует отметить, что вопрос об оглашении показаний, процессуальном равноправии сторон и состязательности регламентирован и в международных актах. В соответствии с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах (подп. «е» п. 3 ст. 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подп. «д» п. 3 ст. 6) одним из обязательных условий справедливого судебного разбирательства является право обвиняемого «допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него» [14]. Исходя из этого, при отсутствии соответствующих гарантий оглашение показаний неявившихся участников судебного разбирательства нарушает не только принцип состязательности, но и общепризнанные права человека.

Для определения справедливости судебного разбирательства при оглашении показаний свидетеля, потерпевшего ЕСПЧ рассматривает дела на основе теста, выработанного в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перна против Италии» (Perna v. Italy; жалоба № 48898/99, § 29, ECHR 2003-V) [15]. Среди критериев законности и обоснованности оглашения показаний были выделены: а) обоснованность ходатайства подсудимого о возражении относительно оглашения показаний, его относимость к сути обвинения и способность привести к оправданию заявителя; б) наличие или отсутствие нарушений суда первой инстанции, который не обеспечил явку в суд конкретного свидетеля для дачи показаний в пользу подсудимого, его права, гарантированного подп. «д» п. 3 ст. 6 Конвенции; в) наличие иных доказательств по делу; г) возможность подсудимого прокомментировать оглашенные показания, так же как и другие доказательства.

Следует подчеркнуть, что ЕСПЧ расценивает отсутствие возражений подсудимого относительно оглашения показаний как отказ от права только в случае, если

он был заявлен недвусмысленно и сопровождался минимальными гарантиями, соразмерными с его значимостью. Отказ необязательно должен быть явным, но он должен быть добровольным и представлять собой осознанный и разумный отказ от права, включать в себя демонстрацию подсудимым того, что он мог разумно предвидеть последствия своего поведения. Кроме того, такой отказ не должен противоречить каким-либо важным общественным интересам.

В Постановлении по делу «Макеев (Makeyev) против России» (жалоба № 13769/04) [16] ЕСПЧ изучил: являлось ли отсутствие возражений огласить показания свидетелей отказом от права на их допрос в судебном заседании; были ли их показания решающими для дела и приняли ли власти достаточные меры для того, чтобы обеспечить явку свидетелей в суд. В результате исследования этих вопросов ЕСПЧ пришел к выводу об отсутствии адекватных мер для обеспечения явки свидетелей в судебное заседание, а также о невозможности подсудимого поучаствовать в допросе трех свидетелей, показания которых имели решающее значение по делу.

Необходимо обратить внимание, что в российской судебной практике встречаются положительные примеры полного, обоснованного исследования обстоятельств дела, позволяющих решить вопрос об оглашении показаний отсутствующих участников уголовного судопроизводства. Так, в судебном разбирательстве по уголовному делу № 22-2098/2018 [17] судья для оглашения показаний потерпевшей при наличии возражений со стороны подсудимого и его защитника предварительно установил невозможность потерпевшей явиться в су-

дебное заседание ввиду тяжелой болезни и нетранспортабельности, а также наличие возможности стороны защиты оспорить ее показания иными способами, которые не были использованы.

На основе вышеизложенного можно прийти к выводу, что в некоторых ситуациях оглашение показаний отсутствующих в судебном разбирательстве участников допустимо, но только в случаях, когда нет иного способа получить необходимую информацию по делу. К таким случаям можно отнести: необходимость разрешения некоторых противоречий, возникших в результате судопроизводства, установление правдивости данных показаний путем их сравнения и анализа. В то же время оглашение показаний противоречит принципам состязательности и непосредственности, что может привести к нарушению прав участников уголовного судопроизводства, постановлению незаконного и необоснованного приговора. Для предотвращения возникновения данной ситуации, предупреждения злоупотребительного поведения со стороны судьи при решении вопроса об оглашении показаний неявившихся участников уголовного судопроизводства, необходимо закрепить в УПК РФ механизм реализации института оглашения показаний при одновременном установлении гарантий для участников уголовного судопроизводства. К числу гарантий можно отнести: определение судом достоверности оснований для оглашения показаний; принятие мер для вызова отсутствующих участников уголовного процесса; обеспечение субъектам уголовного судопроизводства иных правовых возможностей для исследования доказательств и оспаривания оглашенных показаний.

ЛИТЕРАТУРА

- Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
- По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П // Рос. газ. 2004. 7 июля. № 143.
- Уренева О.В. Принцип состязательности сторон и оглашение в судебном заседании показаний лиц, данных при производстве предварительного расследования или ранее данных в судебном заседании // Российский судья. 2003. № 3. С. 3–6.
- Клецкин А. Оглашение показаний не явившихся в суд потерпевших и свидетелей // Законность. 2005. № 10. С. 38–39.
- Руднев В.И. Оглашение в суде показаний подсудимых, а также потерпевших и свидетелей, ранее данных ими при производстве предварительного расследования // Комментарий судебной практики. 2010. Вып. 15. С. 187–196.
- Гринев А., Тарасова Г. Возможность оглашения прежних показаний в суде // Законность. 2003. № 6. С. 30–31.
- По запросу Абинского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности положений статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и по жалобам граждан Фомина Дмитрия Евгеньевича, Шулenkova Александра Николаевича и Щербинина Алексея Валерьевича на нарушение их конституционных прав положениями той же статьи : определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2006 № 548-О // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 23.10.2019).
- Пронин К.В. Дискреционные полномочия суда в уголовном судопроизводстве : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 25 с.
- Баева К.М. Субъекты злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 94–99.
- Raimondo F.O. General Principles of Law as Applied by International Criminal Courts and Tribunals // The Law and Practice of International Courts and Tribunals. 2007. Vol. 6, is. 3. P. 393–407.
- Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 65–78.
- Уголовное дело № 10-11/2018 // Архив Советского районного суда г. Томска.
- Уголовное дело № 44у-9/2017 // Архив Томского областного суда.
- Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950; с изм. от 13.05.2004) // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 23.10.2019).
- Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перна против Италии» (Perna v. Italy; жалоба № 48898/99, § 29, ECHR 2003-V) // Гарант.ру : информационно-правовой портал (дата обращения: 24.10.2019).

16. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Макеев (Makeyev) против России» (жалоба № 13769/04) // Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 4.
17. Уголовное дело № 22-2098/2018 // Архив Томского областного суда.

Disclosure of Evidence as Possibility to Abuse Discretionary Powers by Courts

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 45–50. DOI 10.17223/23088451/14/10

Olga V. Zheleva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zheleva.olga@gmail.com

Keywords: criminal proceedings, participants in criminal proceedings, disclosure of evidence, abuse of discretionary powers.

The article focuses on the legal capabilities of participants in criminal proceedings and the powers of judges in resolving the issue of evidence disclosure. The disclosure of evidence of a witness, a victim, and a defendant is an exception to the principle of immediacy, so its incorrect application risks a violation of the rights and legitimate interests of participants in the process, as well as the adoption of an illegal and unreasonable decision on the case. The author argues that in some cases the disclosure of evidence is a way of abuse of discretion by the court. In this regard, the following tasks are solved: 1) definition of the evidence disclosure institution; 2) definition of the court discretionary powers; 3) determination of abuse of discretionary powers as a separate type of behaviour; 4) identification of cases of discretionary power abuse by courts in evidence disclosure; 5) definition of criteria for the legitimate and reasonable disclosure of evidence of absent participant in a process. The research employs general and specific scholarly methods of cognition: dialectical, formal logical, comparative legal, systemic, analysis and synthesis. The author analyses the procedure for evidence disclosure in case of absent participants in the process, as enshrined in the current criminal procedure legislation and indicates various positions regarding the need to disclose evidence. The disclosure of evidence can help resolve conflicts. However, this procedure contradicts the principles of adversarial and equal rights of the parties. The study of ECHR resolutions and decisions of Russian courts has revealed a number of cases when the courts incorrectly and insufficiently established the necessity of applying the disclosure of evidence. As a result, the operation of the court can be regarded as an abuse of discretionary powers, which led to an illegal sentence and violation of the rights of participants in criminal proceedings. The author defines the concept and signs of abuse of discretionary powers by courts when the evidence of absent participants is disclosed. The legality and validity of evidence disclosure can be guaranteed through determining reliable grounds for evidence disclosure; taking measures to call absent participants in the criminal process to court; ensuring the implementation of other legal possibilities for examining evidence and challenging the testimony.

References

1. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The Soviet Criminal Process]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
2. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2004) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 29.06.2004 № 13-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel’nykh polozheniy statey 7, 15, 107, 234 i 450 Ugolovno-protsessual’nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy” [Resolution No. 13-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2004, “On constitutionality of certain provisions of Articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma”]. *Rossiyskaya gazeta*. 7th July.
3. Ureneva, O.V. (2003) Printsip sostyazatel’nosti storon i oglashenie v sudebnom zasedanii pokazaniy lits, dannykh pri proizvodstve predvaritel’nogo rassledovaniya ili ranee dannykh v sudebnom zasedanii [The principle of adversariality of the parties and disclosure of evidence, given during the preliminary investigation or earlier, at the hearing]. *Rossiyskiy sud’ya – Russian Judge*. 3. pp. 3–6.
4. Kletskin, A. (2005) Oglashenie pokazaniy ne yavivshikhsya v sud poterpevshikh i svideteley [Disclosure of evidence of victims and witnesses who did not appear in court]. *Zakonnost’*. 10. pp. 38–39.
5. Rudnev, V.I. (2010) Oglashenie v sude pokazaniy podsudimykh, a takzhe poterpevshikh i svideteley, ranee dannykh imi pri proizvodstve predvaritel’nogo rassledovaniya [The disclosure in court of evidence of defendants, victims, and witnesses, given during the preliminary investigation]. *Kommentariy sudebnoy praktiki*. 15. pp. 187–196.
6. Grinev, A. & Tarasova, G. (n.d.) Vozmozhnost’ oglasheniya prezhnikh pokazaniy v sude [The possibility of disclosing previous evidence in court]. *Zakonnost’*. 6. pp. 30–31.
7. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2006) Decision No. 548-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 7, 2006, “At the request of the Abinsk District Court of Krasnodar Territory on the constitutionality of provisions of Article 281 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and on complaints from citizens Fomin Dmitry Evgenievich, Shulenkov Alexander Nikolaevich, and Shcherbinin Alexey Valerievich on violation of their constitutional rights by the provisions of the aforementioned article. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66501/. (Accessed: 23rd October 2019). (In Russian).
8. Pronin, K.V. (2010) *Diskretionnye polnomochiya suda v ugolovnom sudoproizvodstve* [Discretionary powers of the court in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
9. Baeva, K.M. (2017) Sub”ekty zloupotrebleniya pravom v ugolovnom sudoproizvodstve [Subjects of abuse of law in criminal proceedings]. *Sudebnaya vlast’ i ugolovnyy protsess – Judicial Authority and Criminal Process*. 3. pp. 94–99.
10. Raimondo, F. (2007) General Principles of Law as Applied by International Criminal Courts and Tribunals. *The Law and Practice of International Courts and Tribunals*. 6(3). pp. 393–407. DOI: 10.1163/156918507X262972
11. Trubnikova, T.V. (2015) Abuse of right in criminal proceeding: criteria and state interference limits. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 3(17). pp. 65–78. (In Russian).
12. The Archive of the Soviet District Court of Tomsk. (2018) Criminal Case No. 10-11 / 2018.
13. The Archive of the Tomsk Regional Court. (2017) Criminal case No. 44u-9/2017.
14. The European Union. (n.d.) *Konvensiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) (s izm. ot 13.05.2004)* [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (signed in Rome on April 4,

- 1950) (as amended on May 13, 2004)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/. (Accessed: 23rd October 2019).
15. The ECHR. (n.d.) *Postanovlenie Bol'shoy Palaty Evropeyskogo Suda po delu «Perna protiv Italii» (Perna v. Italy)* (zhaloba № 48898/99, § 29, ECHR 2003-V) [Resolution of the Grand Chamber in Perna v. Italy (Perna v. Italy) (Complaint No. 48898/99, § 29, ECHR 2003-V)]. [Online] Available from:Garant.ru. (Accessed: 24th October 2019).
16. The ECHR. (n.d.) Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka po delu “Makeev (Makeyev) protiv Rossii” (zhaloba № 13769/04) [Resolution of the European Court of Human Rights in Makeyev v. Russia (Complaint No. 13769/04)]. *Rossiyskaya khronika Evropeyskogo Suda.* 4.
17. The Archive of the Tomsk Regional Court. (2018) Criminal Case No. 22-2098 / 2018.

П.В. Кондрашин**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА «ЗАКОННЫЙ СУД» ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ**

В результате проведенного анализа соответствующей правовой и теоретической базы, а также на основе судебной практики автор поднимает ряд проблем, касающихся института территориальной подсудности уголовных дел, рассматриваемых мировыми судьями.

Ключевые слова: подсудность уголовных дел, мировая юстиция, категория преступлений, суд, множественность преступлений.

Современное уголовно-процессуальное законодательство призвано обеспечить баланс между необходимостью защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиты личности от незаконного уголовного преследования и реализацией эффективных мер противодействия преступности [1].

«В соответствии со ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах все равны перед законом и судом. Каждый при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, имеет право на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Указанные положения, относящиеся к общепризнанным принципам и нормам международного права, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, являются составной частью правовой системы Российской Федерации. По смыслу этих положений право каждого на судебную защиту, обеспечиваемое путем рассмотрения его дела законным, независимым и беспристрастным судом, означает, в частности, что рассмотрение дел должно осуществляться законно установленным, а не произвольно выбранным судом, признание же суда таковым требует, чтобы его компетенция по рассмотрению данного дела определялась законом. Поэтому ч. 1 ст. 47 Конституции РФ гарантирует, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Сформулированное как субъективное право каждого требование Конституции РФ об определении подсудности дел законом означает, что в таком законе должны быть закреплены критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) заранее, т.е. до возникновения спора или иного правового конфликта, предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело. Иначе это не позволяло бы суду, сторонам и другим участникам процесса избежать неопределенности в этом вопросе, приводило бы к необходимости устраниТЬ ее посредством правоприменительного решения, т.е. дискреционным полномочием право-применительного органа или должностного лица, и тем самым определять подсудность дела уже не на основании закона» [2].

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П подчеркивается, что в силу требований Конституции РФ, в том числе ее ст.ст. 46 и 47, подсудность дел определяется законом. В таком законе должны быть закреплены критерии, которые предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное гражданское либо уголовное дело, что позволило бы суду (судье), сторонам и другим участникам процесса избежать неопределенности в этом вопросе [3].

Как было указано выше, в соответствии с ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Данное положение закреплено и в ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В теории уголовного процесса указанный принцип называют еще и правом на «законный суд» либо правом на «своего судью».

Указанный принцип в процессуальном смысле реализуется через институт подсудности. В уголовном судопроизводстве выделяются три вида подсудности уголовных дел: родовой (предметный), территориальный и персональный. При этом основные проблемные вопросы при реализации права на «своего судью» возникают как раз при определении территориальности рассмотрения уголовных дел мировыми судьями.

Устанавливая правила территориальной подсудности в уголовном процессе, федеральный законодатель исходил не только из необходимости обеспечения сторонам, включая обвиняемого, доступности правосудия, но и из публичных интересов, с тем чтобы гарантировать всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела и, соответственно, способствовать повышению авторитета судебной власти, опирающейся на уголовный закон. Именно особым публично-правовым значением разрешения уголовно-правового конфликта посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, обусловлено в том числе общее правило определения территориальной подсудности уголовного дела по месту совершения преступления: поскольку, будучи общественно-опасным деянием, преступление вызывает в обществе соответствующую реакцию (резонанс), рассмотрение уголовного дела по месту его совершения способствует снижению вызванной им социальной напряженности, оказывает на граждан эффективное предупредительное воздействие, укрепляет их

доверие к судебной власти, упрощает доступ к суду потерпевших, не препятствует участию свидетелей и исследованию других источников доказательств в судебном процессе [4].

В ст. 32 УПК РФ закреплено, что уголовное дело должно рассматриваться судом по месту совершения преступления. Если преступления совершены в разных местах, то уголовное дело рассматривается судом, юрисдикция которого распространяется на то место, где совершено большинство расследованных по данному уголовному делу преступлений или совершено наиболее тяжкое из них. Согласно приведенной норме закона невозможно определить, по какому из указанных свойств (большинству эпизодов преступлений либо тяжести преступления) необходимо определить территориальную подсудность и по каким условиям.

По этому вопросу в теории уголовного процесса имеются разные мнения. Одни авторы полагают, что если по одному делу предъявлено обвинение по нескольким преступлениям, совершенными в различных местах, то решение вопроса об определении подсудности законодатель передает вышестоящему суду, который выносит по этому вопросу постановление о передаче дела суду, юрисдикция которого распространяется на то место, где совершено большинство рассматриваемых преступлений или наиболее тяжкое из них [5].

Другие же считают, что окончательное решение о том, какой суд будет рассматривать уголовное дело по первой инстанции – суд, на территории обслуживания которого совершено большинство расследованных по данному делу преступлений или на территории которого совершено наиболее тяжкое преступление, – принимает судья, разрешающий вопрос о назначении судебного заседания [6].

На наш взгляд, наиболее правильной является третья точка зрения по этому вопросу. Предварительный выбор суда в данном случае производит прокурор, направляющий дело в суд. Далее вопрос о подсудности решает судья, рассматривающий вопрос о назначении судебного заседания. Окончательное решение принимает вышестоящий суд в случае обжалования участниками процесса решения судьи первой инстанции. Если в суд поступило дело по признаку большинства расследованных на его территории дел или совершения наиболее тяжкого из них, судья не вправе изменить подсудность, поскольку дело должно считаться поступившим в суд с соблюдением правил о подсудности [7].

Однако в этом случае возникает еще один вопрос. Определение того, какое преступление является наиболее тяжким, имеет значение при установлении территориальной подсудности уголовного дела при совокупности нескольких преступлений на основании положений ч. 3 ст. 32 УПК РФ, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 47 Конституции РФ никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом [8].

Все преступления по уголовным делам, которые рассматриваются мировыми судьями, отнесены в силу ст. 15 УК РФ к категории преступлений небольшой тяжести. Как в таком случае определить, какое преступление по отношению к другому является более

тяжким: по санкции соответствующей статьи УК РФ или из понятия категории преступлений?

Правильной можно считать позицию, заключающуюся в том, что в этом случае в первую очередь необходимо руководствоваться категорией преступления в соответствии с положениями ст. 15 УК РФ, а затем уже исходить из строгости наказания, предусмотренного за совершение каждого из входящих в совокупность преступлений, относящихся к одной категории, в том числе и с учетом положений ст. 66 УК РФ. Такая позиция соответствует и практике Верховного Суда РФ [8].

Так, С. обвинялась в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 145.1 и ч. 2 ст. 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершенных в разных местах, относящихся к подсудности разных судебных участков, расположенных в различных районах Красноярского края. Оба преступления согласно ст. 15 УК РФ относятся к категории преступлений небольшой тяжести, но в то же время отличаются тяжестью наказания. Уголовное дело было основано на направлении мировому судье с учетом тяжести совершенного преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 145.1 УК РФ.

Еще один проблемный вопрос возникает при множественности преступлений, когда уголовное дело подсудно одновременно нескольким мировым судьям, например два одинаковых по тяжести преступления (и по категории тяжести, и по санкции статьи) совершены на различных территориях, подпадающих под юрисдикцию разных судебных участков. Как в этом случае определить подсудность уголовного дела?

В литературе также нет однозначного подхода к решению указанного вопроса о подсудности.

В ранее действовавшем УПК РСФСР (в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 августа 1983 г.) ч. 3 ст. 42 было предусмотрено условие о том, что дело, которое по тем или иным основаниям подсудно одновременно нескольким одноименным судам, рассматривается тем судом, в районе деятельности которого было закончено предварительное следствие или дознание по делу. В настоящее время некоторые ученые также считают, что подсудность уголовного дела при совершении нескольких преступлений одной тяжести должна определяться местом совершения последнего из них [9]. Данная позиция обоснована, поскольку данный принцип применяется законодателем и при определении подсудности уголовного дела при дляящемся преступлении в соответствии с ч. 2 ст. 32 УПК РФ, а именно по месту окончания преступления.

Исходя из вышесказанного, полагаем, что ч. 3 ст. 32 УПК РФ следует изложить в следующей редакции: «Если преступления совершены в разных местах, то уголовное дело рассматривается судом (мировым судьей), юрисдикция которого распространяется на то место, где совершено наиболее тяжкое преступление, а в случае если все совершенные преступления равнозначны по тяжести, – по месту совершения последнего преступления».

Предлагаемое решение вопроса реализации права на «законный суд» при определении территориальной подсудности уголовных дел со множественностью преступлений не только учитывает права и интересы сто-

рон процесса, но и создаст условия для объективного и скорого рассмотрения уголовного дела тем мировым судьей, к подсудности которого данное уголовное дело отнесено законом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова Е.И., Гармаев Ю.П. Использование в ходе предварительного расследования норм об особом порядке судебного разбирательства (кrimиналистический комментарий к нормам главы 40 УПК РФ). 2015 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 29.10.2019).
2. По делу о проверке конституционности пункта 10 статьи 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации // постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2004 № 4-П // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 29.10.2019).
3. По делу о проверки конституционности статьи 44 УПК РСФСР и статьи 123 ГПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 №9-П // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 29.10.2019).
4. По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Лушникова, А.С. Пушкирева и И.С. Пушкирева : постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 29.10.2019).
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.Я. Сухарева, М. : Норма, 2004 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 29.10.2019).
6. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) : (подг. для системы КонсультантПлюс). 2014 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 29.10.2019).
7. Производство по уголовным делам в суде первой инстанции : науч.-практ. пособие / под общ. ред. В.М. Лебедева // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 29.10.2019).
8. Сюбаев И.И. Определение наиболее тяжкого из совершенных преступлений // Уголовное право. 2017. № 1. С. 95–99.
9. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М. : Статут, 2016 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 29.10.2019).

Problems of Enforcing the Right to a “Competent Court” When Determining the Territorial Jurisdiction of Criminal Cases in the World Justice

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 51–53. DOI 10.17223/23088451/14/11

Pavel V. Kondrashin, Kirovsky District Court of Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kondrashina_05@mail.ru

Keywords: jurisdiction of criminal cases, world justice, category of crimes, court, multiple crime.

Article 32 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation stipulates that a criminal case should be considered by a court in the location where the crime was committed. If the crimes were committed in different locations, the criminal case is considered by the court, whose jurisdiction extends to the location where either the majority or the most serious of the crimes investigated in the criminal case were committed. This norm of the law makes it impossible to determine which of the indicated factors (most episodes of crimes or their gravity) should be referred to when determining the territorial jurisdiction.

References

1. Popova, E.I. & Garmaev, Yu.P. (2015) *Ispol'zovanie v khode predvaritel'nogo rassledovaniya norm ob osobom poryadke sudebnogo razbiratel'stva (kriminalisticheskiy kommentariy k normam glavy 40 UPK RF)* [The rules on the special procedure for the trial applied in the preliminary investigation (forensic commentary on the norms of Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)]. [Online] Available from: Konsul'tant Plyus. (Accessed: 29th October 2019).
2. The Constitutional Court of the Russian Federation. (n.d.) *Resolution No. 4-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 25, 2004, “On constitutionality of Clause 10 of Article 75 of the Federal Law ‘On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation’ and the first part of Article 259 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Supreme Court of the Russian Federation”*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46769/. (Accessed: 29th October 2019). (In Russian).
3. The Constitutional Court of the Russian Federation. (n.d.) *Resolution No. 9-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 1998, “On constitutionality of Article 44 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR and Article 123 of the Code of Civil Procedure of the RSFSR in connection with complaints of a number of citizens”*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18147/ (Accessed: 29th October 2019). (In Russian).
4. The Constitutional Court of the Russian Federation. (n.d.) *Resolution No. 39-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 9, 2018, “On constitutionality of Parts One and Three of Article 1, Parts One, Three and Four of Article 35 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with complaints by citizens A.V. Lushnikov, A.S. Pushkarev and I.S. Pushkarev”*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310692/ (Accessed: 29th October 2019). (In Russian).
5. Sukharev, A.Ya. (ed.) (2004) *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyny)* [Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (by articles)]. Moscow: Norma.
6. Ryzhakov, A.P. (ed.) (2014) *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyny)* [Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (by articles)]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/57571740/> (Accessed: 31st October 2019).
7. Lebedev, V.M. (ed.) (2011) *Proizvodstvo po ugolovnym delam v sude pervoy instantsii* [Criminal proceedings in the court of first instance]. Moscow: Norma.
8. Syubaev, I.I. (2017) Determination of the most serious of the crimes committed. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 95–99. (In Russian).
9. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugolovnogo protsessa* [Criminal Process]. Moscow: Statut.

Е.В. Марьина

ПРИНЦИП СОСТАЗАТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И АКТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Рассматривается принцип состязательности через соотношение его легального определения в российском уголовном процессе и в практике Европейского Суда по правам человека. Раскрывается содержание его элементов, проводится его сопоставление с более общим правовым принципом справедливого судебного разбирательства. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что принцип состязательности в российском уголовном процессе понимается шире, чем европейским сообществом.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, принцип состязательности, справедливость, Европейский Суд по правам человека, доказательства.*

В соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции РФ и нормами Федерального закона от 15 июля 1995 г. «О международных договорах в Российской Федерации» международные договоры, в установленном порядке ратифицированные Российской Федерацией, становятся составной частью ее правовой системы. В силу вхождения в 1996 г. в Совет Европы Российская Федерация взяла на себя обязательство признавать на своей территории юридические последствия индивидуальных правовых актов, вынесенных Европейским Судом по правам человека в рамках своей компетенции. Конституционный Суд РФ с 2015 г. в соответствии с внесенными изменениями в нормы Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» определяет вариативность обязательного значения данных индивидуальных правовых актов, критерием при этом выступает возможное противоречие вступившего в силу акта Европейского Суда по правам человека принципам уголовного судопроизводства, закрепленным в Конституции Российской Федерации

Вопрос об определении степени обязательности решений Европейского Суда по правам человека на территории России известным образом соотносится с положениями теории признания (recognition theory) Герберта Харта [1]: в этом смысле использование в рамках судопроизводства акта Европейского суда по правам человека либо указание на его обязательное исполнение фактически обозначает признание соответствующим органом публичной власти Российской Федерации или его должностным лицом правового (обязывающего) значения индивидуального акта Европейского Суда по правам человека, т.е. общеобязательность его реализации на территории Российской Федерации. Высокий процент такого рода использования либо указаний фактически наделяет любое решение Европейского Суда по правам человека, вынесенное в рамках его полномочий и в соответствии с международным договором Российской Федерации, обязательным характером в рамках российской правовой системы.

В этой связи очень важно, чтобы основные начала, определяющие российское уголовное судопроизводство, соответствовали основным принципам, признанным мировым сообществом.

В ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод закреплено право на справедливое судебное разбирательство.

Категория справедливости, присутствующая в российском уголовно-процессуальном законодательстве применительно к оценке свойств приговора тем не менее не закреплена в качестве принципа уголовного судопроизводства. Ее отсутствие одни ученые предлагают восполнить внесением изменений в гл. 2 УПК и включением в нее ст. 6.2 «Принцип справедливости» [2, с. 11, 21–22], однако, раскрывая содержание этого принципа, указывают на то, что в уголовно-процессуальном законе точная дефиниция не нужна, тем самым отказываются от предоставления определения справедливости. При этом принцип справедливости предлагается рассматривать как ориентир для всех остальных принципов, соблюдение которых, собственно, и приводит к справедливости. Другие предлагают рассматривать справедливость в качестве критерия оценки «доброчестенности» доказывания, увязывая справедливое уголовное судопроизводство с его эффективностью и понимая под справедливостью, с одной стороны, равенство перед законом, с другой стороны, наличие баланса публичных и частных начал (интересов) [3, с. 9]. Третьи исследователи предлагают рассматривать справедливость, скорее, не как принцип, а как характеристику всего уголовного процесса в целом, как «необходимое условие осуществления правосудия», «конструктивную цель современного уголовного судопроизводства» [4]. Несмотря на разные подходы к определению справедливости, в целом она понимается больше как морально-нравственная, нежели правовая категория. Юридическими же являются те правила судопроизводства, соблюдение которых приводит к ее достижению.

Европейский Суд по правам человека придает справедливости рациональный характер, раскрывая ее содержание через следующие гарантии: (1) наличие публичного судебного разбирательства; (2) разумный срок судопроизводства; (3) независимый и беспристрастный суд, который создает условия для реализации прав сторон; (4) презумпция невиновности; (5) лицо должно знать о предъявленном ему обвинении; (6) право на защитника; (7) право на переводчика; (8) возможность подготовиться к судебному разбирательству; (9) право вызова свидетелей и участие в их допросе.

Как следует из приведенного определения, принцип состязательности напрямую не выражен в Конвенции, при этом его можно рассматривать как часть более об-

шего принципа – права (правомочия) на справедливое судебное разбирательство.

Обратившись к Руководству Европейского Суда по правам человека «Право на справедливый суд в рамках Конвенции о защите прав человека (ст. 6)» [5], можно увидеть указание на то, что судебное слушание будет справедливым, если процесс в нем будет состязательным. Состязательный уголовный процесс подразумевает наличие у сторон двух типов индивидуального права:

- 1) стороны защиты и обвинения должны иметь право на получение информации;
- 2) стороны защиты и обвинения должны иметь возможность обсуждать доказательства, представленные противоположной стороной.

Т.В. Трубникова также выделяет третье индивидуальное право – право быть услышанным [6, с. 120]. Сторонам должна быть предоставлена возможность лично представить доказательства в зале судебного заседания, поэтому лицам должна быть обеспечена явка в суд.

Интересным представляется анализ решений Европейского Суда по правам человека, которые были приняты в отношении Российской Федерации и в которых дается оценка соблюдения национальными судами принципа состязательности и равенства сторон. Проанализировав эти решения, можно сделать вывод о том, соответствует ли российская правоприменительная практика требованиям справедливости процедуры.

Первое индивидуальное право предполагает, что все доказательства должны быть представлены суду в присутствии обвиняемого, а второе право presupponирует, что данные доказательства могут быть оспорены в ходе судебного разбирательства обеими сторонами. Более того, второе индивидуальное право указывает на возможность сторон допрашивать свидетелей с противоположной стороны и комментировать их показания.

Европейский Суд по правам человека сформировал позицию, согласно которой каждая сторона должна иметь реальную возможность представить свою позицию по делу на равных условиях с противоположной стороной [7].

1. Индивидуальное право сторон на получение информации реализуется через возможность получения доказательств по делу, а также участие в собирании доказательств.

Страна защиты это право может реализовать, например, через заявление ходатайств о проведении следственных действий. А в тех случаях, когда национальный суд отклоняет подобного рода ходатайства (о вызове свидетелей в суд и их допросе), он должен свой отказ мотивировать.

Условия проведения экспертизы также относятся к праву на получение информации. Европейский Суд по правам человека указывает, что стороны должны находиться в таких условиях, особенно сторона защиты, чтобы у них не было существенно неблагоприятного положения по сравнению с противоположной стороной [8]. Причем данное положение Европейский Суд трактует достаточно широко: так, в Руководствах по Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» можно увидеть пример акта Европейского Суда, когда под нарушением принципа состязательно-

сти понималось непредставление свидетелю-эксперту, назначенному стороной защиты, технических условий, аналогичных тем, которые были у свидетеля-эксперта со стороны обвинения или эксперта, назначенного судом [9, с. 76–77].

Кроме того, состязательность предполагает, что стороны вправе иметь доступ к материалам дела, а также достаточное время для ознакомления с имеющимися доказательствами. Сторона обвинения должна представить все имеющиеся у нее доказательства противоположной стороне, исключение могут составлять сведения, касающиеся национальной безопасности или защиты свидетеля. При этом национальный суд при проверке такого решения должен проверять не столько его обоснованность, сколько процедуру его принятия и то, были ли учтены интересы обвиняемого. Право на информацию реализуется тогда, когда обеим сторонам обеспечен равный доступ к материалам дела. Между тем Европейский Суд по правам человека сформулировал следующую позицию в отношении соблюдения этого права в уголовно-процессуальном законодательстве: он указал, что в целом сложившаяся российская судебная практика ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования не противоречит Конвенции.

2. Индивидуальное право сторон защиты и обвинения иметь возможность обсуждать доказательства, представленные противоположной стороной, реализуется в первую очередь в праве на перекрестный допрос свидетелей со стороны защиты и со стороны обвинения в судебном заседании. Европейский Суд по правам человека указывает, что подсудимый имеет право допрашивать лиц, свидетельствующих против него, а также имеет право на вызов свидетелей, дающих показания в его пользу [10], причем условия допроса всех свидетелей должны быть равными. А.С. Александров подчеркивает, что право на перекрестный допрос – важнейшее право подсудимого, которое он должен иметь возможность использовать даже в тех случаях, когда у него нет защитника. В тех же случаях, когда в силу закона подсудимый не имеет право сам допрашивать свидетеля, судом ему должен быть предоставлен защитник [11, с. 88]. При этом Европейский Суд по правам человека не гарантирует сторонам вызов и допрос любого свидетеля, а только лишь тех, которые могут дать показания, способные укрепить позиции стороны или привести к оправданию. Более того, обращается внимание на то, что стороны должны пояснить, в чем значение показаний свидетелей, вызываемых в суд, при данных обстоятельствах дела [12].

Обеспечение процессуальной безопасности лиц, сопровождающих осуществлению правосудия, может вступать в противоречие с правом сторон на допрос свидетелей. При этом Европейский Суд по правам человека неоднократно заявлял, что право на состязательный процесс не является абсолютным, и его объем может варьироваться в зависимости от конкретных особенностей дела. Применительно к вышеуказанному принципиальному правомочию можно говорить об ограничениях, касающихся, в частности, нераскрытия имени субъекта или особенностей ведения следствия, в том

числе для обеспечения национальной безопасности. Ключевым в допросе «засекреченного» свидетеля является возможность сторон непосредственно допросить его в зале судебного заседания.

Здесь же необходимо указать и на проблему допроса лица, с которым было ранее заключено досудебное соглашение о сотрудничестве и в отношении которого уже имеется приговор, когда он дает показания в отношении соучастников, но в рамках уже другого уголовного дела. Европейский Суд по правам человека неоднократно указывал, что подобного рода сотрудничество с органами предварительного расследования отвечает европейским традициям уголовной юстиции. Вместе с тем, когда такое лицо дает показания как обвиняемый, оно не предупреждается об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Позже вынесенный в отношении него приговор уже имеет преюдициальную силу, и данные им показания могут быть использованы при рассмотрении дела в отношении его соучастников, но в этот момент это лицо уже является свидетелем, а значит несет уголовную ответственность за дачу ложных показаний. Особую актуальность эта проблема приобрела в связи с появлением в конце 2018 г. в уголовно-процессуальном законе нового участника: лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, которое отнесено к иным участникам уголовного судопроизводства и которое не предупреждается об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

Оценка упрощенной процедуры судопроизводства в части существования параллельных производств по делу нашла отражение в решениях Европейского Суда по правам человека. Европейским Судом по правам человека сформированы следующие правовые позиции: (1) если оценка действий третьей стороны, в отношении которой дело выделено в отдельное производство, является неизбежной для производства по другому делу, разделение дел является препятствием для справедливого судебного разбирательства; (2) если же выделение дела все же произошло, никакие доказательства не могут иметь заранее установленной силы, и все доказательства должны быть непосредственно исследованы в суде [13]. Таким образом, состязательность обеспечивается проверкой достоверности и допустимости доказательств, в том числе полученных по другому производству.

Право на непосредственное участие в рассмотрении жалобы в суде также можно рассматривать в качестве элемента состязательности. Европейский Суд по правам человека указывал, что невызов в суд сторон нарушает право на «публичный и справедливый суд», однако обращается внимание на то, что если интересы заявителя были представлены доверителем и доводы заявителя были доведены до суда, то нарушения ст. 6 Конвенции не допущено [14]. При этом, если сторона не извещается своевременно о проведении судебного заседания, даже если до этого в письменной форме в поданной жалобе она изложила свои доводы, но возникает невозможность присутствовать при рассмотрении жалобы, то происходит нарушение права на публичное,

устное и справедливое судебное разбирательство [15]. Следовательно, в основу положена не просто возможность представить суду свою позицию, например через доверителя, но необходимость непосредственного участия в слушании, чтобы быть лично или через доверителя услышанным в суде. Более того, Европейский Суд по правам человека указывает, что личное присутствие в судебном разбирательстве в суде первой инстанции имеет более важное значение, чем непосредственное нахождение в зале судебного заседания при пересмотре судом ранее вынесенного решения. При этом в ряде случаев при апелляционном пересмотре личное присутствие может иметь решающее значение для реализации права на справедливое судебное разбирательство [16]. Поэтому только непосредственность, как отмечают специалисты, способна обеспечить справедливое судебное разбирательство [17, с. 13]. Действительно, своевременное уведомление сторон о судебном заседании и предоставление реальной возможности участия в нем является важной гарантией реализации принципа состязательности.

Наконец, состязательность предполагает возможность сторон подвергнуть проверке материалы следствия. Здесь следует иметь в виду такой институт уголовного процесса, который на сегодняшний день отсутствует в России, – следственный судья. Концепция формирования доказательств согласно российскому уголовно-процессуальному законодательству не соответствует данному элементу состязательности. Собранныя в ходе предварительного расследования информация должна быть представлена для изучения стороне защиты. Поэтому придание ей формы доказательства должно происходить судом, именно следственный судья может выровнять возможности обеих сторон. Следственный судья, как верно указывает А.В. Смирнов, не должен вести следствие, его задачей должно являться проведение следственных действий по требованию сторон [18, с. 30]. Тем самым информация, имеющаяся у сторон, получит форму доказательства, а сторона защиты получит возможность ходатайствовать о проведении судебных следственных действий.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что принцип состязательности согласно позициям Европейского Суда сводится к тому, что должны быть выслушаны аргументы обеих сторон (*audiatur et altera pars*). При этом состязательность в первую очередь необходима не самим сторонам, а судье для вынесения независимого и справедливого решения. В российском законодательстве присутствует еще один элемент принципа состязательности – беспристрастный суд, который создает условия для реализации рассмотренных выше индивидуальных прав сторон. Между тем наличие независимого суда действительно является одной из важнейших гарантий, но не состязательности, а справедливого судебного разбирательства в целом. В российском уголовно-процессуальном законодательстве принцип состязательности формулируется шире, чем просто возможность сторон представлять доказательства: в законе говорится еще и о том, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты, при этом он

создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Получается, что суд должен быть одновременно и неактивным, и беспристрастным, но при этом еще и объективным, а также (активно) создавать условия для справедливого судебного разбирательства. В этой формуле можно увидеть очевидные логические противоречия.

Подводя итог сказанному, хочется вспомнить идеи классика отечественного уголовного процесса. И.Я. Фойницкий в свое время писал, что построение уголовного процесса тесно связано с положением личности в государстве [19, с. 10]. От того, какие базовые установки мы будем рассматривать в качестве принци-

пов уголовно-процессуальной деятельности и как мы будем реализовывать их на практике, зависит степень защищенности человека как от необоснованного обвинения, так и от нарушений его индивидуальных прав в рамках защиты в ходе справедливого и независимого судебного разбирательства. В этом вопросе нам может помочь корректировка внутреннего содержания принципа состязательности судопроизводства в соответствии с известными правовыми позициями Европейского Суда по правам человека, что также позволит упредить появление индивидуальных актов Европейского Суда по правам человека, противоречащих нормам действующего законодательства Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2007. 302 с.
2. Васильев О.Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 45 с.
3. Рудич В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 34 с
4. Гладышева О.В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. 46 с.
5. Право на справедливый суд в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (статья 6) // Европейский Суд по правам человека. URL: http://www.echr.eu/documents/manuals/Article06/Interights-Art6-manual_RUS.pdf (дата обращения: 31.08.2010).
6. Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 296 с.
7. Дело Бацанина против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 26.05.2009 (жалоба № 3932/02) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.10.2019).
8. Дело Мухутдинов против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 10.06.2010 (жалоба № 13173/02) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.10.2019).
9. Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство : прецеденты и комментарии. М. : Изд-во РАП, 2011. 143 с.
10. Дело Полуфакин и Чернышёв против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 25.09.2008 (жалоба № 30997/02) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 09.10.2019).
11. Александров А., Дикинов А. Некоторые аспекты участия подсудимого в судебном следствии // Уголовный процесс. 2006. № 5. С. 87–89.
12. Дело Хужин и другие против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 23.10.2008 (жалоба № 13470/02) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.10.2019).
13. Дело Навальный и Офицеров против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 23.02.2016 (жалоба № 46632/13 и 28671/14) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 28.10.2019).
14. Дело Ковалёв против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 10.05.2007 (жалоба № 78145/01) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.10.2019).
15. Дело Яковлев против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 15.03.2005 (жалоба № 72701/01) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.10.2019).
16. Дело Сергей Тимофеев против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 02.09.2010 (жалоба № 12111/04) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.10.2019).
17. Виницкий Л.В., Бурносова Ю.Л. Правило непосредственности в справедливом уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2019. Т. 19, № 3. С. 10–15.
18. Смирнов А.В. О независимости, беспристрастности и справедливости судебной власти // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 1 (18). С. 25–31.
19. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. 4-е. СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1912. Т. 1. 566 с.

The Adversarial Principle in the Russian Criminal Procedure and Acts of the European Court of Human Rights

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 54–58. DOI 10.17223/23088451/14/12

Evgeniya V. Marina, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: ssau@ssau.ru

Keywords: criminal proceedings, adversarial principle, justice, European Court of Human Rights, evidence.

The research focuses on the adversarial principle from the perspective of the Russian legislator and the practice of the European Court of Human Rights. The article aims at analyzing adversarial elements to providing a rationale of adversariality as a guarantee of the right to a trial. The author has examined the case-law of the European Court of Human Rights in terms of violations of Article 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms to conclude that the understanding of adversarial principle by the European Court of Human Rights is narrower than in Russia and includes two basic individual rights: the right to receive information and the right to discuss evidence provided by the other party. Moreover, an independent and impartial trial is a general guarantee of justice.

References

1. Hart, G.L.A. (2007) *Ponyatie prava* [The Concept of Law]. Translated from English. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Vasiliev, O.L. (2018) *Teoreticheskie aspekty deystviya printsipa spravedlivosti na dosudebnykh stadiyakh rossiyskogo ugovolovnogo protsesssa* [Theoretical aspects of the principle of justice in the pre-trial stages of the Russian criminal process]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
3. Rudich, V.V. (2013) *Spravedlivost' v ugovolnom sudoproizvodstve: teoreticheskiy i prikladnoy aspekty* [Justice in criminal proceedings: theoretical and applied aspects]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
4. Gladysheva, O.V. (2009) *Spravedlivost' i zakonnost' v ugovolnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Justice and legality in criminal proceedings of the Russian Federation]. Abstract of Law Dr. Diss. Krasnodar.
5. Official Website of the European Court of Human Rights. [Online] Available from: http://www.echr.cu/documents/manuals/Article06/Interights-Art6-manual_RUS.pdf (Accessed: 31st August 2010).
6. Trubnikova, T.V. (2011) *Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: pravovye pozitsii Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka i ikh realizatsiya v ugovolnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [The right to a fair trial: legal positions of the European Court of Human Rights and their implementation in the criminal process of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University.
7. The European Court of Human Rights. (2009) *Postanovlenie ESPCh ot 26.05.2009 g. "Delo Batsanina protiv Rossiyskoy Federatsii"* (zhaloba № 3932/02) [ECHR Decision of May 26, 2009, in Batsanin v. Russia (Complaint No. 3932/02)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=45815#02190261172497212> (Accessed: 29th October 2019).
8. The European Court of Human Rights. (2010) *Postanovlenie ESPCh ot 10.06.2010 "Delo Mukhutdinov protiv Rossiyskoy Federatsii"* (zhaloba № 13173/02) [ECHR Decision of June 10, 2010. In Mukhutdinov vs Russia (Complaint No. 13173/02)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=201310#006437560469911241> (Accessed: 29th October 2019).
9. Mole, N., Harby, K. & Alekseeva, L.B. (2011) *Evropeyskaya konvensiya o zashchite praw cheloveka i osnovnykh svobod. Stat'ya 6 Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: pretsedenty i kommentarii* [European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Article 6 Right to a fair trial: precedents and comments]. Moscow: Russian Academy of Politics.
10. The European Court of Human Rights. (2008) *Postanovlenie ESPCh ot 25.09.2008 "Delo Polufakin i Chernyshev protiv Rossiyskoy Federatsii"* (zhaloba № 30997/02) [ECHR Decision of September 25, 2008, in Polufakin and Chernyshev v. Russia (Complaint No. 30997/02)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=109243#05341156616822302> (Accessed: 9th October 2019).
11. Aleksandrov, A. & Dikinov, A. (2006) Nekotorye aspekty uchastiya podsudimogo v sudebnom sledstvii [Some aspects of the defendant participation in the judicial investigation]. *Ugovolnyy protsess – Criminal Procedure*. 5. pp. 87–89.
12. The European Court of Human Rights. (2010) *Postanovlenie ESPCh ot 23.10.2008 "Delo Khuzhin i drugie protiv Rossiyskoy Federatsii"* (zhaloba № 13470/02) [ECHR Decision of October 23, 2008, in Khuzhin and Others vs Russia (Complaint No. 13470/02)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=87853#05511679839837944> (Accessed: 29th October 2019).
13. The European Court of Human Rights. (2016) *Postanovlenie ESPCh ot 23.02.2016 "Delo Naval'nyy i Ofitserov protiv Rossiyskoy Federatsii"* (zhaloba № 46632/13 i 28671/14) [ECHR Decision of February 23, 2016, in Navalny and Officers vs Russia (Complaints No. 46632/13 and 28671/14)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=58829#009904875955493497> (Accessed: 28th October 2019).
14. The European Court of Human Rights. (2007) *Postanovlenie ESPCh ot 10.05.2007 "Delo Kovalev protiv Rossiyskoy Federatsii"* (zhaloba № 78145/01) [ECHR Decision of May 10, 2007, in Kovalev vs Russia (Complaint No. 78145/01)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=39102#0366118938358738> (Accessed: 29th October 2019).
15. The European Court of Human Rights. (2005) *Postanovlenie ESPCh ot 15.03.2005 "Delo Yakovlev protiv Rossiyskoy Federatsii"* (zhaloba № 72701/01) [ECHR Decision of March 15, 2005, in Yakovlev vs Russia (Complaint No. 72701/01)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=21630#09168151259942543> (Accessed: 29th October 2019).
16. The European Court of Human Rights. (2010) *Postanovlenie ESPCh ot 02.09.2010 g. "Delo Sergey Timofeyev protiv Rossiyskoy Federatsii"* (zhaloba № 12111/04) [ECHR Decision of September 2, 2010, in Sergey Timofeyev vs Russia (Complaint No. 12111/04)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=49745#046832960743469143> (Accessed: 30th October 2019).
17. Vinitsky, L.V. & Burnosova, Yu.L. (2019) The rule of immediacy in fair criminal proceedings. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the South Ural State University*. 19(3). pp. 10–15. (In Russian). DOI: 10.14529/law190302
18. Smirnov, A.V. (2019) On Independence, Impartiality and Justification of Judicial Power. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovanii – Russian Journal of Legal Studies*. 6. № 1 (18). pp. 25–31. (In Russian).
19. Foynitsky, I.Ya. (1912) *Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva* [Criminal Proceedings]. Vol. 1. 4th ed. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

М.К. Свиридов, М.Е. Нехороших**ИТОГОВЫЕ РЕШЕНИЯ СУДОВ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ**

Исследуется система итоговых решений судов кассационной инстанции и основания их вынесения. В результате анализа научной литературы, положений УПК РФ и правоприменительной практики выявлены недостатки правового регулирования полномочий судов кассационной инстанции по разрешению кассационной жалобы и сформулированы предложения по изменению действующего уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: *кассационное производство, решения суда кассационной инстанции, отмена приговора, изменение приговора.*

Итогом кассационного производства является принимаемое судом кассационной инстанции процессуальное решение. В этом решении суд кассационной инстанции констатирует наличие или отсутствие фундаментальных нарушений закона, которые являются основанием отмены или изменения приговора, и, соответственно, принимает решение об отмене, изменении приговора или оставлении его без изменения либо прекращает кассационное производство.

В процессуальной литературе обычно не приводится классификация решений судов кассационной инстанции, а лишь указываются их полномочия при разрешении кассационной жалобы. Но А.С. Омарова в своем исследовании предприняла попытку их разделения на самостоятельные группы. Так, она выделяет два вида решений судов кассационной инстанции: итоговые (к ним относятся решения об изменении приговора и прекращении уголовного дела) и промежуточные (все остальные). Кроме того, в зависимости от того, имеются ли основания для отмены или изменения приговора, А.С. Омарова выделяет позитивные (решения об оставлении кассационной жалобы без удовлетворения) и негативные решения (все остальные) [1, с. 174–175].

Однако с приведенной классификацией нельзя согласиться по крайней мере по двум причинам. Во-первых, данное деление решений судов кассационной инстанции построено на разных логических основаниях, что не позволяет вести речь о единой классификации таких решений. Во-вторых, достаточно спорно относить отдельные решения судов кассационной инстанции к промежуточным. Ведь даже решениями об отмене приговора и передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой или апелляционной инстанции кассационное производство завершается. Более того, вынесение таких решений препятствует принесению повторной кассационной жалобы в тот же суд кассационной инстанции (ст. 401.17 УПК РФ). К промежуточным, по аналогии с решениями суда первой инстанции (п. 53.3 ст. 5 УПК РФ), было бы логично относить решения об отложении судебного заседания суда кассационной инстанции, о порядке выступления заинтересованных лиц в судебном заседании и другие подобные решения.

В связи с этим, как представляется, классификация решений судов кассационной инстанции должна строиться на основе нормативно определенных в ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ полномочий по пересмотру уголов-

ного дела. В соответствии с этой статьей можно выделить три группы решений: 1) решения об оставлении кассационной жалобы без удовлетворения; 2) решения об отмене обжалованного судебного постановления; 3) решения об изменении приговора. Каждую из этих групп следует рассмотреть подробно.

В случае, если суд кассационной инстанции в результате проверки материалов уголовного дела не установит наличия таких нарушений закона, которые, согласно ст. 401.15 УПК РФ, являются основаниями для отмены или изменения приговора, или выявит нарушения, которые не отвечают признакам кассационных оснований, он должен вынести определение об оставлении кассационной жалобы без удовлетворения. Основанием вынесения кассационного определения об оставлении кассационной жалобы без удовлетворения должно являться установление следующей совокупности юридических фактов:

1) доводы кассационной жалобы о допущенном нарушении материального или процессуального закона не нашли своего подтверждения при проверке материалов уголовного дела;

2) в ревизионном порядке судом кассационной инстанции не были выявлены такие нарушения уголовного или уголовно-процессуального закона, которые являются кассационными основаниями отмены или изменения приговора.

При вынесении определения об оставлении кассационной жалобы без удовлетворения судами кассационной инстанции решается задача по обеспечению стабильности приговора, поскольку в случае неустановления фундаментальных нарушений закона отсутствуют основания для преодоления законной силы приговора.

Вместе с тем возможны ситуации, когда суд кассационной инстанции установит в судебном заседании нарушения уголовно-процессуального закона, которые не являются существенными и не влияют на исход уголовного дела. О.Р. Идрисов считает необходимым в таких случаях выносить частные определения в адрес нижестоящих судов и обращать внимание судей на допущенные ими нарушения закона [2, с. 160–161]. Однако с таким предложением нельзя согласиться, поскольку выявление несущественных нарушений уголовно-процессуального закона не отвечает стоящим перед кассационным производством задачам. Более того, как справедливо отмечает И.С. Дикарев, указание на допущенные нарушения уголовно-процессуального зако-

на без исправления этих нарушений судами кассационной инстанции будет дискредитировать законную силу приговора и подрывать убежденность участников уголовного судопроизводства в его правосудности [3, с. 415].

Однако следует признать необходимым вынесение частных определений при отмене приговора с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство или возвращением уголовного дела прокурору. Фундаментальные нарушения закона, допущенные нижестоящими судебными инстанциями и послужившие основаниями отмены приговора, не должны оставаться без внимания судей, их допустивших, и в частных определениях нужно обращать их внимание на недопустимость подобных нарушений закона в дальнейшем. В связи с этим, как представляется, необходимо закрепить обязанность по их вынесению. Такая обязанность будет способствовать снижению количества фундаментальных нарушений закона в дальнейшем, т.е. выполнять превентивную функцию, а также станет частью определенно осуществляемой в кассационном производстве деятельности по обеспечению единства судебной практики.

Следующая группа решений суда кассационной инстанции связана с отменой обжалованного судебного акта при выявлении кассационных оснований. Данное полномочие является традиционным для судов кассационной инстанции и определяется сущностью кассационного производства. Как представляется, именно этим вызвано его широкое распространение в практике судов кассационной инстанции.

Однако последствия отмены обжалованного судебного акта могут быть различны. Согласно пп. 2 и 3 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ суд кассационной инстанции после отмены обжалованного судебного акта может как вернуть уголовное дело на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции, в суд апелляционной инстанции или в суд кассационной инстанции, так и вернуть уголовное дело прокурору или прекратить уголовное дело.

Вместе с тем анализ кассационной практики позволил выявить случаи, когда суды кассационной инстанции после отмены обжалованного приговора в определенной части (части разрешения отдельного процессуального или материально-правового вопроса) передавали уголовное дело не в суд первой (или апелляционной) инстанции для нового судебного разбирательства, а в суд, рассматривающий и разрешающий вопросы, связанные с исполнением приговора. Основаниями такой отмены послужили следующие нарушения закона:

- 1) суд неверно определил вид исправительного учреждения для отбывания наказания;
- 2) суд незаконно и / или необоснованно разрешил вопрос о распределении судебных издержек;
- 3) суд неверно разрешил вопросы о судьбе вещественных доказательств.

Однако не все перечисленные судебные ошибки могут быть исправлены лишь в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Такая ошибка, как неправильное определение вида исправительного учреждения, вполне может быть исправлена и самим судом кассационной инстан-

ции, поскольку для ее исправления не требуется исследовать доказательства, а следует лишь правильно применить уголовный закон. Тем более что в ходе изучения кассационной практики были выявлены материалы кассационных производств, в которых суды кассационной инстанции самостоятельно определяли вид исправительного учреждения без передачи уголовного дела на новое рассмотрение. Что же касается вопросов, связанных с судьбой вещественных доказательств и распределением процессуальных издержек, то для их разрешения необходимо устанавливать предусмотренные законом фактические обстоятельства, чего лишен суд кассационной инстанции, а значит, он не может самостоятельно их разрешить и вынужден передавать материалы уголовного дела на новое рассмотрение.

Вместе с тем следует отметить, что указанные нарушения закона, связанные с неправильным разрешением вопросов о судьбе вещественных доказательств и распределением судебных издержек, не относятся к фундаментальным, поскольку в этом случае не затрагиваются основные вопросы уголовного дела: вопросы о виновности и наказании. Однако ошибки, связанные с неправильным определением вида исправительного учреждения, можно считать фундаментальными, поскольку они влияют на назначенное осужденному наказание и режим его отбывания. Таким образом, следует признать не соответствующей задаче кассационного производства по обеспечению стабильности приговора судебную практику по отмене приговора в связи с нарушениями закона при определении судьбы вещественных доказательств и распределении судебных издержек. Подобные нарушения закона должны устраняться судами в порядке ст.ст. 397, 399 УПК РФ, о чем целесообразно разъяснить лицам, подавшим кассационные жалобы, при оставлении обжалованных судебных решений без изменения.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о таком полномочии, как отмена решения суда кассационной инстанции и направление уголовного дела на новое кассационное рассмотрение. УПК РФ предусматривает данное решение в едином перечне возможных актов судов кассационной инстанции. Однако очевидно, что принять такое решение может лишь Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Ведь кассационный суд общей юрисдикции не проверяет акты нижестоящих судов кассационной инстанции (таковых просто нет в современной судебной системе) и не может отменить свой собственный акт или акт, принятый другим кассационным судом общей юрисдикции (это противоречит началу инстанционности).

Анализ кассационной практики Верховного Суда Российской Федерации демонстрирует, что основаниями отмены постановлений судов кассационной инстанции выступали допущенные нарушения норм уголовно-процессуального закона, регулирующих кассационное производство:

- 1) незаконный состав суда кассационной инстанции;
- 2) осужденный и его защитник не были уведомлены о дате судебного заседания суда кассационной инстанции;
- 3) судом кассационной инстанции не был назначен защитник осужденному;

4) в решении суда кассационной инстанции нет ответа на все доводы кассационной жалобы;

5) в судебном заседании суда кассационной инстанции принимал участие адвокат осужденного, подлежащий отводу;

6) не было обеспечено участие осужденного в судебном заседании суда кассационной инстанции при заявлении им ходатайства об этом;

7) потерпевший не был уведомлен о дате и времени судебного заседания суда кассационной инстанции и др.

Кроме того, анализ судебной практики позволил выявить примеры, когда Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, признав допущенные нарушения уголовно-процессуального закона существенными и отменив решение нижестоящего суда кассационной инстанции, сама рассматривает поданную в нижестоящий суд кассационную жалобу по существу и выносит по ней решение. Такое полномочие прямо не предусмотрено в действующем уголовно-процессуальном законе, в связи с чем нуждается в оценке с точки зрения своей правильности и достижения поставленных перед кассационным производством задач.

В связи с тем что задачи кассационного производства в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации и кассационном суде общей юрисдикции являются одинаковыми и реализуются в полном объеме в этих судах, Верховный Суд Российской Федерации может рассматривать кассационные жалобы, которые были первоначально поданы в нижестоящий суд кассационной инстанции.

Следование букве закона (иными словами, отмена решения нижестоящего суда кассационной инстанции и передача уголовного дела на новое рассмотрение) в случае выявления кассационных оснований только отдало бы во времени возможность выявления и устранения допущенных судами первой и апелляционной инстанций нарушений закона, поскольку перекладывало бы эту обязанность с Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации на кассационный суд общей юрисдикции. В связи с этим, как представляется, такое полномочие, как отмена решения суда кассационной инстанции и направление уголовного дела на новое кассационное рассмотрение, должно быть устраниено из УПК РФ, поскольку оно только затягивает общий срок кассационного производства, а значит, противоречит задаче по обеспечению стабильности приговора.

Последнее нормативно определенное полномочие суда кассационной инстанции – это изменение приговора. Несмотря на то, что полномочие по изменению приговора не является классическим для кассационного производства, думается, следует согласиться с аргументами М.Л. Позднякова о необходимости наделения судов кассационной инстанции полномочием изменять приговор без его отмены, следствием чего будут: 1) сокращение времени рассмотрения каждого вопроса; 2) разгрузка судов первой инстанции; 3) стабилизация судебной практики, поскольку суды кассационной инстанции будут принимать более активное участие в вынесении судебных решений [4, с. 30]. Этот перечень

аргументов следует дополнить тем, что самостоятельное изменение приговора судами кассационной инстанции позволит им более оперативно выполнять задачу по исправлению допущенных фундаментальных нарушений закона.

Изменение приговора прежде всего возможно при неправильном применении нижестоящими судами норм уголовного закона. В этом случае оно принимает следующие формы: 1) изменение квалификации преступления; 2) изменение назначенного наказания.

Вместе с тем противоречивым является вопрос о возможности суда кассационной инстанции изменить приговор путем исключения из него доказательств. Противоречивость разрешения этого вопроса в судебной практике можно проследить при анализе тех решений, в которых суды констатируют обоснование судом первой инстанции приговора недопустимыми доказательствами или доказательствами, которые не были непосредственно исследованы судом первой инстанции.

Так, в одних случаях при выявлении таких нарушений уголовно-процессуального закона суд кассационной инстанции принимает решение об отмене приговора и передаче дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции. В качестве примера можно привести следующее постановление президиума Томского областного суда: «Между тем суд не учел положения уголовно-процессуального закона, регламентирующие необходимость обоснования приговора допустимыми доказательствами, что повлияло на правильность принятого решения. Принимая во внимание допущенные существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, президиум полагает, что состоявшиеся судебные решения в части осуждения Колугановой О.С. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ за покушение на незаконный сбыт наркотического средства – смеси (препарата), содержащей диацетилморфин (героин), общей массой 0,10 грамм 12 августа 2013 года подлежат отмене, а уголовное дело в этой части – передаче в суд первой инстанции на новое судебное рассмотрение, в ходе которого суду следует вынести судебное решение, отвечающее требованиям уголовного и уголовно-процессуального закона, с учетом доводов кассационной жалобы осужденной Колугановой О.С.»¹.

В других же уголовных делах при выявлении подобных судебных ошибок суды кассационной инстанции принимают решение об изменении приговора. Причем такое изменение выражается в исключении из описательно-мотивированной части приговора тех доказательств, которые были признаны судом недопустимыми или не были непосредственно исследованы в суде первой инстанции. В качестве примера можно привести следующее постановление президиума Новосибирского областного суда: «По смыслу данного закона приговор должен быть основан лишь на тех доказательствах, которые в соответствии с ч. 3 ст. 240 УПК РФ были непосредственно исследованы в судебном заседании. Как на доказательства виновности Н.В. Зу-

¹ Кассационное производство № 44у-8/2015 // Архив Томского областного суда.

барева в приговоре суд сослался на протоколы очной ставки Ч. с сотрудниками полиции В. (т. 2 л. д. 128–131), Ф. (т. 2 л. д. 183–187), Я. (т. 2 л. д. 132–135) и Д. (т. 2 л. д. 178–181), которые в судебном заседании не оглашались и не исследовались. Следовательно, они подлежат исключению из приговора. На выводы суда о виновности Н.В. Зубарева это не повлияло, поскольку приведенные в приговоре и исследованные в суде иные доказательства в совокупности были достаточны для постановления обвинительного приговора, а потому данное нарушение уголовно-процессуального закона нет оснований признавать существенным, повлиявшим на исход дела»¹.

Представляется, что первый вариант решения означенного вопроса (отмена приговора в случае выявления нарушений уголовно-процессуального закона, выражающихся в обосновании судом первой инстанции приговора недопустимыми доказательствами или доказательствами, которые не были непосредственно исследованы судом первой инстанции) является единственным возможным.

Если же вставать на позицию возможности изменения приговора при установлении подобных нарушений уголовно-процессуального закона, то суд кассационной инстанции будет вынужден переоценить всю совокупность исследованных судом первой инстанции доказательств (за исключением тех, которые были признаны недопустимыми или непосредственно не исследованы в судебном заседании) в значительно худших условиях, чем это сделал бы суд первой инстанции. Значит, вместо возможной процессуальной экономии, связанной с отсутствием повторного судебного разбирательства, заинтересованные участники уголовного судопроизводства могут быть поставлены в более худшие, чем в суде первой инстанции, условия для обоснования своей позиции по существу дела. Таким образом, при изменении приговора в подобных случаях суд кассационной инстанции не будет способен самостоятельно исправить допущенные фундаментальные нарушения закона, а может лишь сам допустить новые нарушения.

Последним полномочием суда кассационной инстанции является прекращение кассационного производства. Следует отметить, что о таком самостоятельном решении суда кассационной инстанции не упоминается в ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ. Это является по меньшей мере странным, поскольку в перечне решений суда надзорной инстанции такое полномочие содержится (п. 8 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ – правда, оно называется оставлением надзорной жалобы без рассмотрения по существу). Однако о таком решении упоминается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 9.

Поскольку прекращение кассационного производства не препятствует заинтересованным лицам повторно обратиться в суд кассационной инстанции, в целях процессуальной экономии следует согласиться с предложением М.Л. Позднякова, что выявление оснований для прекращения производства должно осуществляться до начала рассмотрения кассационной жалобы по су-

ществу [5, с. 49]. Это позволит суду кассационной инстанции не тратить время на рассмотрение тех жалоб, которые не могут повлечь никаких процессуальных последствий, а значит обеспечит стабильность приговоров, которые пересматриваются в таком случае.

Прекращение кассационного производства возможно в связи как с волеизъявлением заинтересованных лиц, так и с установлением в ходе судебного заседания суда кассационной инстанции обстоятельств, препятствующих дальнейшему производству.

Перечень обстоятельств, препятствующих продолжению кассационного производства, является исчерпывающим и не различается в зависимости от уровня суда. К таким обстоятельствам относятся следующие:

1) кассационная жалоба была подана в нарушение правил о подсудности;

2) уголовное дело уже рассматривалось ранее в данном суде кассационной инстанции в отношении того же участника уголовного судопроизводства – иными словами, жалоба является повторной;

3) кассационная жалоба была подана неуполномоченным на то лицом.

Прекращение кассационного производства в связи с волеизъявлением заинтересованного лица связывается уголовно-процессуальным законом с отзывом заинтересованным лицом поданной им кассационной жалобы в промежуток времени между назначением судебного заседания и началом судебного заседания суда кассационной инстанции. Именно в этом случае суды кассационной инстанции принимают решение о прекращении кассационного производства, о чем свидетельствует изученная кассационная практика. Вместе с тем Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что «суд кассационной инстанции вправе не согласиться с просьбой об отзыве жалобы, представления, поступивших после назначения судебного заседания в порядке сплошной кассации либо принятия судьей решения об их передаче с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании в порядке выборочной кассации, продолжить судебное разбирательство и проверить законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу, при наличии оснований для отмены или изменения судебного решения, влекущих улучшение положения обвиняемого, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, или иного лица, в отношении которого ведется кассационное производство по делу». Как представляется, наделение кассационного суда таким полномочием связано с ревизионным характером проверки материалов уголовного дела для выявления всех допущенных фундаментальных нарушений закона.

В ходе изучения кассационной практики также были выявлены материалы одного кассационного производства, прекращенного по такому основанию, как смерть осужденного². В данном случае основанием для возбуждения кассационного производства послужило кассационное представление прокурора, в котором был поставлен вопрос о необходимости изменения приговора (назначенного наказания) в пользу осужденного.

¹ Кассационное производство № 44y-11/2015 // Архив Новосибирского областного суда.

² Кассационное производство № 44y-158/2014 // Архив Новосибирского областного суда.

Как представляется, смерть осужденного может выступать основанием для прекращения кассационного производства, но только в том случае, если допущенные нарушения закона невозможно устраниить. В частности, при смерти осужденного смягчение назначенного ему наказания не может восстановить его нарушенного права на назначение ему справедливого наказания, а значит, и допущенное фундаментальное нарушение закона не может быть исправлено. Вместе с тем, если кассационная жалоба была передана на рассмотрение суда кассационной инстанции в связи с необходимостью прекращения уголовного дела и реабилитации осужденного, то прекращать кассационное производство в связи с его смертью недопустимо, поскольку положительное решение вопроса о реабилитации восстановит нарушенные права его родственников, т.е. исправление судебной ошибки положительно скажется на осуществлении назначения кассационного производства.

Отдельно следует рассмотреть такое возможное основание для прекращения кассационного производства,

как пропуск срока для отмены приговора в связи с поворотом к худшему (ст. 401.6 УПК РФ). Следует отметить, что в изученной кассационной практике пропуск срока не являлся самостоятельным основанием для прекращения кассационного производства, он служил лишь поводом для заявления прокурором об отзыве внесенного кассационного представления. Однако такая ситуация может возникнуть в ходе дальнейшей кассационной практики, когда прокурор своевременно не заявит об отказе от внесенного представления, а срок для отмены поворота к худшему окажется пропущенным. В этом случае, как представляется, суд кассационной инстанции не должен принимать решение о прекращении кассационного производства, а должен проверить материалы уголовного дела в ревизионном порядке. Именно такое решение вопроса будет соответствовать задаче по выявлению и исправлению всех допущенных фундаментальных нарушений закона, в том числе таких, о которых не было указано в кассационной жалобе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Омарова А.С. Кассационное производство как форма юридической проверки законности судебных актов : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 242 с.
2. Идрисов О.Р. Полномочия кассационной инстанции по выявлению и устранению судебных ошибок в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. 232 с.
3. Дикарев И.С. Проблемы теории и практики производства в суде надзорной инстанции по уголовным делам. М. : Юрлитин-форм, 2011. 432 с.
4. Поздняков М.Л. Принятие решения по существу в суде кассационной инстанции // Уголовный процесс. 2007. № 3. С. 27–30.
5. Поздняков М.Л. Вид, форма и содержания кассационного определения // Уголовный процесс. 2006. № 10. С. 45–49.

Final Decisions of the Courts of Cassation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 59–63. DOI 10.17223/23088451/14/13

Mikhail K. Sviridov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Mikhail E. Nekhoroshikh, Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mihaneh_92@mail.ru

Keywords: cassation proceedings, decisions of the cassation court, revocation of sentence, change of sentence.

The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation should enshrine the obligation of cassation courts to issue private rulings upon cancellation of a sentence. This authority will allow the cassation courts to draw the attention of lower courts to the fundamental violations of the law that they have committed, which will contribute to the indirect implementation of activities to ensure the unity of judicial practice. Violations of law related to the incorrect resolution of questions about the material evidence and distribution of legal costs are not fundamental, since they do not address the main issues of the criminal case – guilt and punishment. Therefore, it is necessary to recognize the judicial practice of canceling sentence in connection with violations of the law in determining the issue of material evidence and distribution of legal costs as not meeting the requirements of the cassation proceedings. Since the aims of the cassation proceedings in cassation courts are identical and fully implemented in these courts, the Judicial Chamber on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation can replace the lower court of cassation in the cassation proceedings. Therefore, such the power to cancel the decision of the cassation court and the subsequent referral of the criminal case to a new cassation hearing in the cassation court of general jurisdiction should be removed from the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, since it only prolongs the general term of the cassation proceedings. The list of cassation court decisions shall be supplemented by a decision to terminate the cassation proceedings. The following shall be considered as grounds for termination: a cassation appeal lodged in violation of the rules on jurisdiction; a repeated cassation appeal; a recall of the submitted cassation appeal (unless fundamental violations of law are revealed by the cassation court in the audit procedure); death of the convict, in case the elimination of the violations of law does not affect the rights and legitimate interests of their successors.

References

1. Omarova, A.S. (2015) *Kassatsionnoe proizvodstvo kak forma yuridicheskoy proverki zakonnosti sudebnykh aktov* [Cassation proceedings as a form of legal verification of the legality of judicial acts]. Law Cand. Diss. Volgograd.
2. Idrisov, O.R. (2012) *Polnomochiya kassatsionnoy instantsii po vyyavleniyu i ustraneniyu sudebnykh oshibok v ugolovnom protsesse Rossii* [The authority of the cassation instance to identify and eliminate judicial errors in the criminal process of Russia]. Law Cand. Diss. Tomsk.
3. Dikarev, I.S. (2011) *Problemy teorii i praktiki proizvodstva v sude nadzornoy instantsii po ugolovnym delam* [Problems of the theory and practice of supervisory authority in criminal cases during court proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
4. Pozdnyakov, M.L. (2007) *Prinyatie resheniya po sushchestvu v sude kassatsionnoy instantsii* [Adoption of a decision on the merits in a cassation court]. *Ugolovnyy protsess – Criminal Procedure*. 3. pp. 27–30.
5. Pozdnyakov, M.L. (2006) *Vid, forma i soderzhaniya kassatsionnogo opredeleniya* [Type, form and content of the cassation definition]. *Ugolovnyy protsess – Criminal Procedure*. 10. pp. 45–49.

М.С. Спиридовов

НАСЛЕДИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ КАССАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Исследуется отечественное уголовно-процессуальное законодательство второй половины XIX – начала XX в., регулирующее процедуру кассационной проверки, а также анализируется касающаяся данной темы юридическая литература того периода. Проводится сравнение классической русской кассации с положениями действующего уголовно-процессуального закона. Высказываются предложения о возможности применения наследия классической русской кассации в современных условиях.

Ключевые слова: приговор, кассационное обжалование, суд кассационной инстанции, кассационные основания для отмены приговора.

Судебная реформа 60-х гг. XIX в. высоко оценивалась современниками [1, с. 393–395]. И не без оснований, ведь изменения носили коренной, системный характер, они комплексно повлияли на общественную жизнь, повысили уровень юридической грамотности и правосознания населения.

Авторы реформы считали, что невозможно признавать решения по уголовным делам безошибочными [2, с. 47], а потому своей целью они ставили создание механизма проверки судебных решений по уголовным делам, который не нарушал бы принципа *res judicata* и при этом позволял эффективно устранять судебные ошибки.

Таким механизмом стал институт кассации по уголовным делам, который был заимствован из континентальной Европы (преимущественно Франции) и с существенными доработками приспособлен к особенностям национальной правовой системы [3, с. 606, 628–629].

Стоит отметить, что реформа не была одномоментной, она заняла длительное время и фактически продолжалась вплоть до Февральской революции 1917 г. Это было вызвано многими объективными причинами: огромной территорией страны и неравномерным развитием ее регионов, неготовностью общества к новым формам судопроизводства, отсутствием опыта применения европейских форм судопроизводства [1, с. 365–395].

В этом можно увидеть сходство с теми преобразованиями, которые с 1992 г. происходят в современной российской судебной системе. Их очередной ступенью являются создание кассационных судов общей юрисдикции и передача им полномочий по рассмотрению уголовных дел в качестве первой кассационной инстанции.

Современная кассация по уголовным делам в большей степени, нежели советская, является продолжением классической русской кассации. Некоторые законодательные наработки и опыт работы кассационных судов дореволюционного периода не утратили своего значения и в настоящее время. Сравнительно-правовое исследование позволяет выявить тот ценный опыт, который может быть использован в работе новой кассационной судебной инстанции.

Как писал А. Чебышев-Дмитриев, цель кассации состоит в том, чтобы посредством обращения заинтересо-

вованных лиц с жалобами проверять правильность постановленных нижестоящими судами приговоров. Но законодатель отнюдь не желал дать сторонам возможность исправлять свои ошибки или проигранное в нижестоящем суде дело переносить в вышестоящий суд в надежде на более благоприятное решение [4, с. 704–705]. Согласно М.В. Духовскому, цели кассационного разбирательства состоят в ограждении интересов участников в деле лиц от незаконного решения и для установления однообразия в применении закона всеми судами государства [5, с. 437].

Можно заметить, что такое определение целей кассационного проверочного производства вполне современно. Так, И.С. Дикарев считает, что назначение суда кассационной инстанции состоит в исправлении судебных ошибок и восстановлении личности в нарушенных правах, что достигается посредством решения задач по обеспечению личности конституционного права на судебную защиту и единства судебной практики на всей территории страны [6, с. 19].

По Уставу уголовного судопроизводства (далее – УУС) предметом кассационной проверки являлись окончательные приговоры, которые не вступили в законную силу [3, с. 609].

Как указывал И.Я. Фойницкий, понятие окончательности или неокончательности приговора определяется существом дела, тяжестью наказания и судом, постановившим решение [7, с. 614]. Так, окончательными признавались приговоры: 1) мировых судей, определяющие взыскание, замечание или выговор, денежное взыскание не свыше 15 руб. с одного лица или арест не свыше трех дней, когда притом иск о вознаграждении за вред или убытки не превышает 30 рублей; 2) мировых судей; 3) окружных судов с участием присяжных заседателей; 4) судебных палат, постановленные во второй степени суда, как в общем порядке по делам печати и по преступлениям должностных лиц; 5) особого присутствия, составляемого в Правительствующем Сенате с участием сословных представителей для суждения государственных преступлений [8, с. 17].

Под неокончательными приговорами понимались те, которые еще могут быть обжалованы в апелляционном порядке. Отсюда вытекало правило о том, что лицо, которое не воспользовалось правом апелляционного

обжалования неокончательного приговора, не вправе ходатайствовать о его отмене в кассационном порядке [5, с. 443–444].

Помимо приговоров, в кассационном порядке допускалось обжалование иных судебных решений, которым дело разрешается по существу и устраниется возможность дальнейшего производства. К их числу относятся: определения о подсудности, когда предрешается само дело и устраниется возможность его дальнейшего производства; определения об отказе в жалобе на не-принятие или оставление без рассмотрения апелляционной или кассационной жалобы в связи с пропуском срока обжалования; определения апелляционного суда о возвращении уголовного дела в суд первой инстанции для постановления нового, с С. 685–686].

По утверждению В. Случевского, кассационный порядок обжалования основывается на возможности раздельной установки фактических и юридических признаков преступления [3, с. 628]. После рассмотрения в апелляционной инстанции дело признавалось разрешенным по вопросам факта окончательно – отсюда понятие окончательного приговора. Уже после апелляции вопросы права могли быть оспорены сторонами в кассационном порядке. Для этого был предусмотрен срок на кассационное обжалование, по истечении которого приговор вступал в законную силу и уже не подвергался ревизии, за исключением возобновления дела.

В буквальном смысле понятие окончательных и неокончательных приговоров в действующем УПК РФ отсутствует. При этом непосредственно исследовать доказательства и установить по делу фактические обстоятельства возможно только в суде первой инстанции и на стадии апелляционного обжалования. В кассации такое невозможно. Поэтому можно говорить о том, что по истечении срока апелляционного обжалования либо по результатам апелляции все судебные решения становятся окончательными по вопросам факта.

Нужно ли действующему УПК РФ понятие окончательных и неокончательных приговоров? Думается, что в этом есть определенный смысл для определения предмета и сущности кассационной проверки. Действующее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 2 (п. 10) именно так толкует УПК РФ: кассация занимается вопросами права, но не факта [9].

Закрепление на законодательном уровне понятий неокончательного и окончательного приговоров позволит повысить стабильность судебных решений по уголовным делам, поскольку очертит строгие рамки обжалования для сторон и пределы прав для суда кассационной инстанции.

Как указано выше, вторым признаком судебного решения, которое по УУС могло быть обжаловано в кассацию, было то, что оно еще не вступило в законную силу. Жалобы и протесты на окончательные приговоры могли быть поданы в тот же срок и по тем же правилам, какие установлены для подачи отзывов и протестов на приговоры неокончательные [5, с. 447].

Приговор, подлежащий кассационному обжалованию, вступал в законную силу: 1) в случае пропуска срока на обжалование; 2) когда кассационная жалоба

оставлена кассационным судом без рассмотрения или без последствий; 3) если приговор обжалован в части, то в необжалованной части он вступал в законную силу по истечении срока на обжалование; 4) если приговор в отношении нескольких лиц обжалован в кассационном порядке только в отношении нескольких из них, то для всех остальных он признавался вступившим в законную силу по истечении срока на обжалование или срока на присоединение к кассационной жалобе [4, с. 686–687].

Такой порядок вступления приговоров в законную силу был возможен только потому, что для любого приговора существовала единственная кассационная инстанция: для мировых судей – мировой съезд, для остальных судов – Сенат [Там же, с. 689].

Положения гл. 47.1 УПК РФ, которые действуют сейчас и будут действовать на момент начала работы кассационных судов общей юрисдикции, предусматривают две кассационные инстанции для любого приговора. Поэтому применение модели классической русской кассации здесь вряд ли возможно. Установление срока кассационного обжалования для каждой из кассационных инстанций приведет к отсрочке исполнения приговора на слишком большой срок, что, безусловно, неприемлемо.

Опыт ограничения срока кассационного обжалования (ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ) был неудачным именно потому, что, как указано в пояснительной записке к проекту Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ, ограничение права на обжалование определенных решений соответствующим лицом не может способствовать укреплению режима законности, исправлению допущенных ошибок. Для обжалования необоснованных и незаконных решений в целях улучшения положения осужденного никаких сроков в принципе не может быть [10].

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении № 430-О от 5 февраля 2015 г., возможность обжалования вступившего в законную силу приговора без ограничения срока и в нескольких судебных инстанциях предоставляет дополнительные гарантии выявления и устранения судебных ошибок, предопределивших исход дела в судах первой и апелляционной инстанций [11].

Поэтому вопрос об установлении срока на кассационное обжалование может быть решен только изменением понятия о моменте вступления приговора в законную силу и исключением множественности кассационных инстанций. Возможен следующий порядок: решение суда апелляционной инстанции подлежит обжалованию в установленный срок в кассационном порядке; после обжалования в кассационном порядке или при истечении срока на кассационное обжалование приговор вступает в законную силу и может быть пересмотрен только в надзорном порядке Верховным Судом Российской Федерации или посредством возобновления производства по делу.

Поводами для обращения с кассационной жалобой по УУС являлись: 1) явное нарушение прямого смысла закона и неправильное толкование его при определении преступления и рода наказания; 2) нарушение обрядов и форм, столь существенных, что без соблюдения

их невозможно признать приговор в силе судебного решения; 3) нарушение пределов ведомства или власти, законом предоставленной судебному установлению [5, с. 444].

О полномочиях кассационной инстанции Н. Буцковский писал: «Юридическая оценка признанных фактов – вот единственная задача кассационного суда» [12, с. 30]. При этом другими авторами справедливо отмечалось, что провести точную демаркационную линию между фактом и правом не только трудно, но подчас и невозможно; вопросы «существа» и «нарушения закона» зачастую переплетаются между собой; примеры кассации приговоров по существу встречаются все более и чаще [13, с. 602].

В целом такое понимание полномочий кассационной инстанции и пределов кассационного обжалования соответствует и современной доктрине. Так, М.Е. Нехороших, обосновывая необходимость расширения предмета проверки в кассационном производстве, приходит к выводу, что проверка обоснованности приговора в части соответствия выводов суда первой инстанции исследованным им доказательствам может входить в предмет кассационной проверки в той мере, в которой она служит средством решения вопроса о законности или незаконности приговора и насколько метод проверки (исследование письменных материалов уголовного дела) позволяет ее осуществить [14, с. 145]. По мнению И.С. Дикарева, поскольку без проверки обоснованности судебного решения вышестоящий суд не в состоянии оценить законность обжалованного судебного акта, исключать проверку обоснованности приговоров, определений и постановлений суда из предмета разбирательства в суде кассационной инстанции недопустимо [6, с. 41].

Примеры такого подхода можно увидеть и в судебной практике Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Например, из Определения от 24 июня 2015 г. № 69-УД15-10 видно, что в целях исправления допущенной судами нижестоящих инстанций судебной ошибки суд кассационной инстанции произвел оценку доказательств и проверил соответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела [15].

Сенат не имел права самостоятельно выявлять кассационные поводы, так как это считалось равнозначным рассмотрению приговора без жалобы сторон. В кассационной жалобе можно было лишь доказывать неправильное применение закона к фактам, признанным судом, но предметом кассационной жалобы не могло быть неправильное признание какого-либо факта судом. Объяснение подсудимого, представляющего факты не в том виде, в каком они признаны окончательным приговором, не принимались во внимание в кассационной жалобе [16, с. 631–632].

В настоящее время, исходя из положений ч. 1 ст. 401.16 УПК РФ, пределы прав суда кассационной инстанции не настолько сильно связаны доводами заявителя. Это вызвано целью обеспечения законности приговоров.

Что касается оснований для отмены приговора, то здесь можно отметить следующие особенности. Так, не

всякая ошибка в применении закона влекла за собой отмену приговора. Например, ошибка в ссылке на закон при определении преступления или проступка и назначении наказания не могла служить поводом к отмене приговора, если наказание было назначено в предусмотренных законом пределах. Также при совокупности преступлений неправильное применение закона к менее важному преступному деянию, когда это обстоятельство не повлияло на назначение наказания за более важное преступление, не являлось поводом к отмене приговора [8, с. 43].

В современной науке превалирует подход, согласно которому неправильное применение любой нормы уголовного закона так или иначе сказывается на законной квалификации преступления, правильном определении пределов назначаемого наказания, порядка его отбывания. Даже неверная квалификация отдельных обстоятельств как смягчающих или отягчающих наказание, вида рецидива преступления влияет на окончательное определение вида и размера наказания. Следовательно, подобное нарушение должно быть устраниено судом кассационной инстанции, что соответствует его задаче по выявлению и устранению фундаментальных нарушений закона [14, с. 179–180].

Ошибка в ссылке на закон, согласно судебной практике Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, не во всех случаях является достаточным поводом к изменению приговора в кассации. Например, в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 августа 2018 г. № 46-УД18-36 указано, что оснований для смягчения наказания, назначенного К. по ч. 2 ст. 167 УК РФ, не имеется, поскольку при его назначении судом учтены все обстоятельства, влияющие на его размер; правила назначения наказания, установленные ч. 1 и 5 ст. 62 УК РФ, судом фактически соблюdenы, отсутствие в приговоре лишь ссылки на ч. 1 ст. 62 УК РФ не повлекло существенного нарушения закона, влекущего изменение приговора [17].

С.М. Щегловитов отмечал, что «поводом к отмене решения не могут быть такие нарушения: а) которые не могли иметь существенного влияния на решение присяжных заседателей или приговор суда, например касающиеся предварительного следствия, или таких действий суда, которые происходили после постановления приговора; б) которые исправлены последующими действиями суда; в) оставленные сторонами без возражения в такое время, когда они могли быть исправлены» [16, с. 631–632].

Н. Буцковский для установления существенности допущенных по делу процессуальных нарушений предлагал учитывать следующие факторы: а) ограждал ли нарушенный закон право жалующейся или противной стороны; б) возражала ли жалующаяся сторона против нарушения, когда оно могло быть исправлено судом⁴; в) не произошло ли нарушение от неправильных действий или упущений самой жалующейся стороны; г) не утратило ли нарушение своего значения от последовавших за ним судебных действий или от перемен в обвинении или защите; д) допущено ли одно или не-

сколько нарушений в одном или разных моментах судопроизводства, в главных или второстепенных формах и обрядах [8, С. 58].

Представляется, что такой подход актуален и сегодня. Требование о существенности допущенных по делу нарушений как оснований для отмены приговора в кассационном порядке сохранилось в действующем уголовно-процессуальном законе. Целый ряд нарушений УПК РФ на стадии предварительного следствия не признается существенным, если они были устраниены в ходе судебного производства (например, невручение копии обвинительного заключения или неознакомление с заключениями экспертизы). Несвоевременное заявление участником процесса возражений относительно действий следователя или отсутствие таковых в основном оцениваются судами в пользу законности проведенного следственного действия.

Это в полной мере соответствует позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной, в частности, в Постановлении от 25 марта 2014 г. № 8-П, согласно которой процедура кассационного производства по уголовным делам направлена на выявление фундаментальных нарушений закона, влекущих пересмотр вступивших в законную силу судебных решений, а потому не должна допускать передачу в суд кассационной инстанции явно необоснованных обращений, должна исключать возможность злоупотребления процессуальными правами и превращения кассационной процедуры в ординарную судебную инстанцию [18]. Европейский Суд по правам человека также неоднократно указывал, что существенные недостатки судопроизводства, оправдывающие отмену окончательного и обязательного судебного решения, могут включать в себя судебные ошибки или серьезные нарушения судебной процедуры, злоупотребления полномочиями, явные ошибки в применении материального права или иные веские причины, вытекающие из интересов правосудия (например, Постановление от 24 мая 2007 г. «Радчиков против Российской Федерации») [19].

Следует заметить, что УУС было предусмотрено правило, что стороны были не вправе просить об отмене окончательного приговора суда второй инстанции по поводу тех нарушений, допущенных при производстве

в суде первой инстанции, которые не были ими обжалованы в апелляционном порядке [13, с. 590]. Согласно ст. 907 УУС лицо, которое не обжаловало неокончательный приговор окружного суда, не вправе просить об отмене окончательного решения судебной палаты, которым этот приговор утвержден. Данная норма основана на следующем принципе: лицо, которое не воспользовалось правом апелляционного обжалования неокончательного приговора окружного суда, тем самым уже признало правильность этого приговора, а потому не имеет права опровергать его после утверждения судом апелляционной инстанции. Считалось, что это ограничение необходимо для устранения поводов к подаче кассационных жалоб такими лицами, чьи права не подвергались никакому нарушению или ограничению [20, с. 329].

Указанное правило подлежало применению не только в случае, когда лицо вообще не обращалось с апелляционной жалобой, но также и в случае, если в апелляционном порядке не обжаловалась определенная часть приговора: «То, о чем не было упомянуто апеллятором в апелляционной жалобе, не может быть предметом кассационной жалобы» [21, с. 204]. Если же, как указано в ст. 908 УУС, приговор был изменен в апелляционном порядке, то об отмене судом кассационной инстанции принятого в апелляции решения вправе были просить и те участвующие в деле лица, которые не обжаловали в апелляционном порядке приговор суда первой инстанции [16, с. 628].

На наш взгляд, такое правовое регулирование соответствует принципу широкой свободы обжалования, на котором основано современное кассационное производство по уголовным делам [22, с. 38]. В апелляционном порядке возможно рассмотреть уголовное дело по правилам суда первой инстанции и тем самым устранить большинство допущенных в предыдущей судебной инстанции нарушений закона. Поэтому полагаем возможным введение в действующий УПК РФ ограничения на обращение с кассационной жалобой в зависимости от того, обращался ли заявитель ранее с апелляционной жалобой. Такое регулирование может положительно сказаться на нагрузке кассационных судов общей юрисдикции и, соответственно, на качестве рассмотрения ими уголовных дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джанишев Г.А. Из эпохи великих реформ : исторические справки. 5-е изд., доп. М. : Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1894. 716 с.
2. Будзинский С. О силе судебных решений в гражданском и уголовном процессах и о взаимном влиянии этих процессов : Примущественно по законам Царства Польского. СПб. : В тип. Николая Тиблена и К°, 1861. 103 с.
3. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – Судопроизводство. 4-е изд. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 669 с.
4. Чебышев-Дмитриев А. Русское уголовное судопроизводство : по судебным уставам 20 ноября 1964 г. СПб., 1875. 756 с.
5. Духовской М.В. Русский Уголовный процесс. М. : Тип. А.П. Поплавского, 1902. 492 с.
6. Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. 400 с.
7. Курс русского уголовного судопроизводства, составленный по лекциям профессора С.П.-бургского университета И.Я. Фойницкого и изданный в руководство слушателям 1884–1885 года. СПб. : Я. Кудрицкий и Д. Богословский, 1884–1885. Т. 2. 785 с.
8. Буцковский Н. Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 года. СПб. : Тип. Скарятиня, 1874. 614 с.
9. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 4, апрель.
10. Пояснительная записка к Федеральному закону от 31.12.2014 № 518-ФЗ. URL: <http://poyasnite.ru/federalnyj-zakon-518-fz-31-12-2014/> (дата обращения: 07.04.2019).

11. *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Арабаджи Сергея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 № 430-О.* URL: <http://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutcionnogo-suda-rf-ot-05022015-n-430-o-ob/#100018> (дата обращения: 07.04.2019).
12. Буцковский Н. Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным (предсудимым). СПб. : Тип. Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1872. 59 с.
13. Тимановский А. Сборник толкований русских юристов к судебным уставам императора Александра второго. За двадцать пять лет (1866–1891). Варшава, 1892. 651 с.
14. Нехороших М.Е. Кассационное производство: сущность, задачи и направления совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2018. 288 с.
15. *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.06.2015 № 69-УД15-10 // СПС КонсультантПлюс* (дата обращения: 01.12.2019).
16. Щегловитов С.Г. Судебные уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1913. 948 с.
17. *Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.08.2018 № 46-УД18-36 // СПС КонсультантПлюс* (дата обращения: 01.12.2019).
18. Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 3.
19. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 10.
20. Судебные уставы 20 ноября 1964 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. СПб., 1867. Ч. 2. 522 с.
21. Попов А.Н. Кассационные решения в выписках и извлечениях, относящихся к статьям Учреждения Судебных Установлений, Устава Уголовного судопроизводства, Уложения о наказаниях, и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. М., 1870. 332 с.
22. Ивасенко К.В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 265 с.

The Legacy of Classical Russian Cassation in Criminal Cases and Its Contemporary Meaning

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 64–69. DOI 10.17223/23088451/14/14

Mikhail S. Spiridonov, Stavropol Regional Court (Stavropol, Russian Federation). E-mail: mishok84@mail.ru

Keywords: sentence, cassation appeal, court of cassation, cassation grounds for cancellation of sentence.

Modern criminal cassation continues the traditions of the classic Russian cassation, since some pre-revolutionary legislative ideas and cassation court experiences have not lost their significance nowadays. A comparative study reveals the valuable experience that can be used by new courts of cassation. This research focuses on criminal procedural relations in the process of implementing the norms of criminal procedural law governing the cassation proceedings in the criminal process. The research draws on provisions of the pre-revolutionary criminal procedural legislation, pre-revolutionary legal literature, and the current criminal procedural legislation. The purpose of the research is to investigate the specificity of the classical Russian cassation in terms of cassation check, court cassation powers, and reasons for decision cancellation to determine whether they are applicable in modern times. The author uses historical and comparative legal analysis to study Russian historical forms of cassation proceedings. The formal legal method is used to analyse the texts of the normative legal acts regulating cassation proceedings. The use of cassation check for the final court decision will increase the stability of court decisions in criminal cases, since it will outline a strict framework of appeal for the parties and the limits of rights for a cassation court. A term for cassation can be specified only if the concept of the effective date of the court decision is modified and multiple cassation instances is excluded. The restriction on the cassation depending on whether the applicant has previously appealed is consistent with the principle of broad freedom of appeal and will help relieve cassation courts of general jurisdiction from obviously unfounded complaints.

References

1. Dzhanshiev, G.A. (1894) *Iz epokhi velikikh reform. Istoricheskie spravki* [From the era of the great reforms. Historical background]. 5th ed. Moscow: B.M. Wolf.
2. Budzinsky, S. (1861) *O sile sudebnykh resheniy v grazhdanskem i ugolovnom protsessakh i o vzaimnom vliyanii etikh protsessov. Preimushchestvenno po zakonom Tsarskogo Pol'skogo* [On the strength of judicial decisions in civil and criminal trials and on the mutual influence of these processes. Mostly according to the laws of the Kingdom of Poland]. St. Petersburg: Nikolay Tiblen i K.
3. Sluchevsky, V. (1913) *Uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa. Sudoustroystvo – Sudoproizvodstvo* [Russian Criminal Process. Judicial System – Judicial Proceedings]. 4th ed. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
4. Chebyshev-Dmitriev, A. (1875) *Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo. Po sudebnym ustavam 20 noyabrya 1864 g.* [Russian criminal proceedings. According to the judicial statutes of November 20, 1864]. St. Petersburg: [s.n.].
5. Dukhovskoy, M.V. (1902) *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian Criminal Procedure]. Moscow: A.P. Poplavsky.
6. Dikarev, I.S. (2016) *Nadzorno-kassatsionnaya forma peresmotra sudebnykh resheniy v ugolovnom protsesse* [Supervisory-cassation form for reviewing court decisions in criminal proceedings]. Volgograd: Volgograd State University.
7. Foynitsky, I.Ya. (1884–1885) *Kurs russkogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Russian Criminal Proceedings]. Vol. 2. St. Petersburg: Ya. Kudritsky i D. Bogoslovsky.
8. Butkovsky, N. (1874) *Ocherki sudebnykh poryadkov po Ustavam 20 noyabrya 1864 goda* [Essays on the judiciary under the Statutes of November 20, 1864]. St. Petersburg: Tip. Skaryatina.
9. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF.* (2014) 4.
10. The Russian Federation. (2014) *Poyasnitel'naya zapiska k Federal'nому zakonu 518-FZ 31.12.2014* [Explanatory note to Federal Law 518-FZ of December 12, 2014]. [Online] Available from: <http://poyasnite.ru/federalnyj-zakon-518-fz-31-12-2014/> (Accessed: 7th April 2019).

11. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2015) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 05.02.2015 N 430-O "Ob otkaze v prinyati k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Arabadzhi Sergeya Evgen'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'ey 401.17 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Decision N 430-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 5, 2015, “On the refusal to accept the complaint of citizen Arabadzhi Sergey Evgenievich about the violation of his constitutional rights by Article 401.17 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation”]. [Online] Available from: <http://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05022015-n-430-o-ob/#100018>. (Accessed: 7th April 2019).
12. Butskovsky, N. (1872) *Osnovaniya cassatsionnoy praktiki po voprosam preyuditsial'nym (predsudimym)* [Grounds for cassation practice on prejudicial issues]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
13. Timanovsky, A. (1892) *Sbornik tolkovaniy russkikh yuristov k sudebnym ustavam imperatora Aleksandra vtorogo. Za dvadtsat' pyat' let (1866–1891)* [A collection of interpretations by Russian lawyers of the judicial statutes of Emperor Alexander II. For twenty-five years (1866–1891)]. Warsaw: [s.n.].
14. Nekhoroshikh, M.E. (2018) *Kassatsionnoe proizvodstvo: sushchnost', zadachi i napravleniya sovershenstvovaniya* [Cassation proceedings: essence, objectives, and areas of improvement]. Law Cand. Diss. Tomsk.
15. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Opredelenie Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 24.06.2015 № 69-UD15-10* [Decision No. 69-UD15-10 of the Judicial Chamber for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 24, 2015]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=430655#08176419541213125> (Accessed: 1st December 2019).
16. Shcheglovitov, S.G. (1913) *Sudebnye ustavy Imperatora Aleksandra II s zakonodatel'nymi motivami i raz"yasneniyami. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva* [Judicial statutes of Emperor Alexander II with legislative motives and explanations. The Statute of Criminal Proceedings]. St. Petersburg: [s.n.].
17. The Supreme Court of the Russian Federation. (2018) *Kassatsionnoe opredelenie Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 28.08.2018 № 46-UD18-36* [Cassation Ruling No. 46-UD18-36 of the Judicial Chamber for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of August 28, 2018]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=551086#08421953941390943> (Accessed: 1st December 2019).
18. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. (2014). 3.
19. *Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka*. (2007). 10.
20. The State Chancellery. (1867) *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany, izdannye gosudarstvennoy kantselyariy* [The judicial statutes of November 20, 1964, outlining the reasoning on which they are based, published by the State Chancellery]. Part 2. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
21. Popov, A.N. (1870) *Kassatsionnye resheniya v vypiskakh i izvlecheniyakh, otnosyashchikhsya k stat'yam Uchrezhdeniya Sudebnykh Ustanovleniy, Ustava Ugolovnogo sudoproizvodstva, Ulozheniya o nakazaniyakh, i Ustava o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami* [Cassation decisions in extracts relating to the articles of Establishment of Judicial Institutions, Penal Code, Regulations of Criminal Proceedings, and Regulations of Punishments Imposed by Justices of the Peace]. Moscow: [s.n.].
22. Ivasenko, K.V. (2014) *Predely prav vyshestoyashchikh instansiy pri proverke sudebnykh resheniy v apellyatsionnom, kassatsionnom i nadzornom proizvodstvakh* [The limits of the rights of higher instances when checking court decisions in appeal, cassation and supervisory proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

DOI 10.17223/23088451/14/15

А.Л. Агабекян

О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА *COMMUNITY SANCTIONS AND MEASURES* В МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТАХ ОБ АЛЬТЕРНАТИВАХ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Рассматривается проблема отсутствия официального перевода с английского языка на русский положений международных стандартов альтернативных наказаний. Обращается внимание на необходимость реализовать данное требование соответствующими уполномоченными органами и распространить как можно шире и более точно не только среди органов власти, но и среди представителей средств массовой информации и общественности. Анализируются существующие неофициальные переводы документов Совета Европы, касающихся мер, не связанных с изоляцией преступника от общества. Предложен наиболее корректный, по мнению автора, перевод на русский язык выражения *community sanctions and measures*.

Ключевые слова: международные стандарты альтернативных наказаний, община, общинные санкции и меры.

Уголовно-исполнительное законодательство РФ и практика его применения основаны на Конституции, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах России, являющихся составной частью российского законодательства.

Действующий Уголовно-исполнительный кодекс РФ в ч. 4 ст. 3 отмечает, что лишь при наличии необходимых экономических и социальных возможностей рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний могут быть реализованы в уголовно-исполнительном законодательстве. Отметим, что, несмотря на отсутствие обязательности, специализированные международные стандарты не следует недооценивать [1, с. 46–47]. Во-первых, в документах содержатся положения, которые отражают признанные многими государствами нормы и принципы. Во-вторых, степень осуществления положений документов расценивается как критерий «цивилизованности» уголовно-исполнительной системы [2, с. 89–96].

В Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) 1990 г. (далее – Токийские правила 1990 г.) содержится рекомендация по применению и соблюдению их положений на национальном уровне с учетом политических, экономических, социальных и культурных условий и традиций каждой страны [3, с. 100–113].

Учитывая, что большая часть положений международных стандартов об альтернативных наказаниях не имеет официального перевода с английского языка на русский, возникают серьезные препятствия к их применению. Примечательно, что Рекомендация Комитета Министров о Правилах Совета Европы о пробации 2010 г. (далее – Правила о пробации 2010 г.) и Рекомендация о Европейских правилах в отношении общинных санкций и мер 2017 г. (далее – Рекомендации 2017 г.) содержат положения о необходимости обеспечения перевода указанных документов на национальный язык.

Так, Комитет Министров Совета Европы в Правилах о пробации 2010 г. рекомендует правительствам государств-членов обеспечить перевод и широкое рас-

пространение этой рекомендации и комментария к ней, особенно среди судей, сотрудников службы probation и тюремного ведомства, а также представителей средств массовой информации и общественности [4, р. 86–102].

Рекомендация 2017 г., пришедшая на смену Рекомендации о Европейских правилах в отношении альтернативных санкций и мер 1992 г. (далее – Рекомендация 1992 г.), практически повторяет аналогичное положение Правил Совета Европы о пробации 2010 г. с дополнением о том, что необходимо обеспечить перевод на национальный язык (языки) и распространить как можно шире и более точно не только среди судебных органов, службы probation, администраций тюрем, но и социальных служб [5].

В п. 4 Преамбулы Токийских правил предлагается государствам-членам довести до сведения определенного круга субъектов, имеющих отношение к применению мер, не связанных с тюремным заключением, положений данного документа, а в п. 11 содержится просьба «принять надлежащие меры для обеспечения как можно более широкого распространения Токийских правил, включая их передачу правительствам, заинтересованным межправительственным и неправительственным организациям и другим соответствующим сторонам». Указанные положения, хоть прямо и не говорят о необходимости обеспечить перевод документа, но включают рекомендацию официального перевода уполномоченными органами государства [3, с. 100–113].

Отталкиваясь как от накопленного опыта, так и от общего видения обстановки в государствах-членах, в Приложении к Рекомендации 1992 г. Совет Европы отмечает, что эти Правила выступают в качестве руководящего и направляющего пособия для всех кто отвечает за разработку национального законодательства и его применение [3, с. 114–132].

Несмотря на то, что различными учеными-правоведами в России вышеперечисленные документы переведены с английского языка на русский, все же на официальном уровне данное требование не реализовано. Это, в свою очередь, создает определенные проблемы единообразного понимания содержания актов.

Говоря о международно-правовом значении терминологии, А.П. Мовчан пишет, что «терминология в международном праве, являющаяся результатом согласования воль различных государств, достигнутого зачастую в результате многолетней и упорной борьбы, взаимных уступок и воздействия различных общественно-политических сил, является чаще всего итогом значительных усилий и поисков компромиссов со стороны официальных представителей государства. Поэтому терминология в международно-правовых актах – декларациях, договорах, конвенциях, уставах, регламентах и т.п. – не может быть отнесена только к области юридической техники» [6, с. 61]. Соглашаясь с этой позицией, отметим, что в связи с многозначностью юридической терминологии представляется важным четко и по возможности единообразно определить значение тех или иных выражений и терминов для унифицированного их понимания.

Особого внимания заслуживает выражение *community sanctions and measures*, закрепленное впервые в Рекомендации 1992 г., ведь данный термин является ключевым в определении содержания документов ООН и Совета Европы, касающихся мер, не связанных с изоляцией правонарушителя от общества.

Представляется интересным определить количество упоминаний в текстах документов слова *community*: в Токийских правилах – 12 раз, в Правилах о probation – 37 раз, в Рекомендации 1992 г. – 96 раз, в Рекомендации 2017 г. данное слово использовано 105 раз. Слово *sanctions* в Токийских правилах употребляется лишь трижды, в Правилах о probation – 33 раза, в Рекомендации 1992 г. упоминается почти в 3 раза больше – 103 раза, но больше всех используется в Рекомендации 2017 г. – 110 раз. В Токийских правилах слово *measures* используется, как ни странно, чаще слова *sanctions* – 54 раза, в Правилах о probation – 31 раз, а в Рекомендациях 1992 и 2017 гг. – 100 и 112 раз соответственно.

Вместе с тем в Токийских правилах 1990 г. не используется как таковой термин *community sanctions and measures*, вместо этого применяется выражение *non-custodial measures*, который обозначает меры, не связанные с тюремным заключением [3, с. 100–113], вероятно, этим и объясняется данная статистика. Большое количество упоминаний выявлено именно в специальных актах Совета Европы, касающихся альтернативных санкций. Это объясняется тем, что в них подробнее раскрывается содержание положений Токийских правил 1990 г. Однако перевод с английского на русский язык выражения *community sanctions and measures* различными авторами существенно отличается.

В Сборнике документов Совета Европы под редакцией В.Б. Первозванского и Н.Б. Хуторской используется термин «альтернативные санкции и меры» [7, с. 117–118]. Принимая во внимание, что прилагательное «альтернативный» с русского языка на английский можно перевести дословно как *alternative*, а в названии данного документа нет указанного английского слова, думается, что такой перевод не совсем точен. Хотя он имеет право на существование, ведь санкции и меры, рассматриваемые в Европейских правилах, выступают в них как альтернативы лишению свободы.

Вместе с тем в системе наказаний российского уголовного законодательства предусмотрена смертная казнь, которая хоть и не реализуется на сегодняшний день, но тоже является своеобразной альтернативой лишению свободы. Однако международные стандарты альтернативных санкций применяются с тем, чтобы преступник все же оставался в социуме, поддерживал устойчивые связи с теми группами, которые позволяют ему продолжить достойное существование в нем (насколько это возможно). Подчеркнем, что указанные документы касаются лишь тех санкций и мер, которые не связаны с изоляцией от общества, а смертная казнь уж тем более не включается в их число. Поэтому термин «альтернативный» в данном контексте не совсем удачен.

Часто утверждают, что следует избегать термина «альтернативы тюремному заключению», поскольку он предполагает, будто тюремное заключение – это нормальное наказание за преступление, а другие наказания являются в той или иной мере менее адекватными. Генеральный секретарь PRI Вивьен Стерн в своей работе «Альтернативы тюремному заключению в развивающихся странах» использует указанный термин, поскольку рассматривает проблему частого применения тюремного заключения и возможность ее снижения. Она не затрагивает санкции, не связанные с лишением свободы в целом, а лишь в той мере, в которой они могли бы чаще использоваться вместо наказания в виде тюремного заключения или досудебного содержания под стражей, с тем чтобы сократить уровень неоправданного применения тюремного заключения и ввести наказания, которые выгодны с точки зрения социальной политики [8, с. 6].

Составители сборника документов Совета Европы по предотвращению перенаселенности тюрем название Рекомендаций 1992 г. перевели как «Европейские правила исполнения наказаний и иных мер без изоляции правонарушителей от общества» [9, с. 5–33]. Представляется, что хотя данный перевод более точен, он имеет определенные недостатки, в частности в документе идет речь не только об исполнении, но и о назначении санкций и мер, т.е. об их применении в целом, а также о законодательном их оформлении.

Есть и другие варианты перевода на русский язык выражения *community sanctions and measures*. Так, информационная система по документам по правам человека и тематическим публикациям [10], а также электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [11], сверив перевод со Сборником документов Совета Европы, составителями которого являются Л.И. Брычева, М.В. Виноградов, Д.В. Юзиков [12], предоставляют доступ на своих официальных сайтах в сети Интернет к переведенной Рекомендации 1992 г., где данное выражение звучит как «общие санкции и меры». Считаем, что этот перевод вовсе не является корректным, ведь он не передает сути этих правил. Тем более что слово «общий» с русского на английский язык переводится как *common* [13], а не *community*.

Однако самая распространенная версия перевода указанной фразы – это «общественные санкции и меры» [3, с. 114–132]. Представляется, что этот вариант наиболее удачен, хотя и он не в полной мере соответ-

ствует сущности Европейских правил. Для обстоятельного анализа обратимся к словарям.

Кембриджский словарь *community* переводит с английского языка на русский как «населенный пункт» (the people living in a particular area) и «община» (group of people with the same interests, nationality, job, etc), т.е. имеется в виду группа людей с похожими интересами, национальностью, работой и т.д. [14]. Оксфордский словарь этот термин толкует как «группа людей, которая живет в определенной области, стране и т.д.» (all the people who live in a particular area, country, etc. when talked about as a group), а также указывает на «принадлежность к обществу» (belonging to society) [15].

Согласно Большому толковому словарю русского языка, «общество» – это совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями жизни, объединение людей, ставящих себе какие-либо общие задачи. Поэтому под «обществом» нередко понимается организованная сила, во многих случаях противостоящая государству (например, гражданское общество), имеющая определенные рычаги воздействия на правонарушителя. А «община», напротив, – это такая организация людей, которая не предполагает изоляции. В древности и в средние века под «общиной» понималась самоуправляющаяся организация жителей какой-либо территориальной единицы [16]. В нее входят те, кто будет рядом и окажет необходимую поддержку и посильную помощь.

Обращаясь к истории, отметим, что на первобытной стадии общественного развития «община» являлась универсальным институтом, выступающим носителем совокупности общественных функций, определяющих всю систему отношений: это и производственный, и семейно-бытовой, и культовый коллектив. Гарантией сохранения античной общины служило равенство входивших в нее свободных граждан, самостоятельно обеспечивавших свое существование. На развитие и конкретные формы общинных организаций накладывали отпечаток естественно-географическая и историческая среда, в которой находились общинные организации, характер хозяйственной деятельности, а также этнические компоненты. Одним из вариантов соседской общины являлась русская средневековая община. Особенностью русской общины были ее стабилизация и укрепление в период позднего феодализма. При самодержавно-крепостническом режиме община представляла собой «...союз по владению надельной землей», оставалась объединением крестьянских хозяйств, удовлетворяющим их нужды как совладельцев земли, связанным с обычным способом расселения (село и деревня), являющимся в то же время демократической организацией местного самоуправления. В.И. Ленин видел в общине товарищеский союз крестьян, нуждающийся в защите от самодержавного «попечительства», и поэтому заявлял, что «...общину, как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз, мы, безусловно, будем защищать от всякого посягательства бюрократов...» [17].

«Общинный дух», как отмечает Л.Б. Алаев, не был совершенно неведом другим народам, однако наиболь-

шее развитие он получил и наиболее крепкие корни пустил именно в России [18, с. 45–72].

В.А. Уткин считает, что для Российской действительности более удачным будет использование термина «общинные санкции и меры», поскольку «в отличие от лишения свободы осужденный остается в “общине”, т.е. не изымается из привычного социума» [19, с. 151]. Это необходимо для поддержания устойчивых связей с теми группами, которые будут способствовать его исправлению. А термин «общественные» менее адекватен для использования, ведь он противопоставляется другому понятию – «государственный».

С данным утверждением согласен руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги А.В. Колесников, который в статье «Три фронта “общества граждан”: усиление конфликтности» ввел новый термин «общество граждан». Под ним он предлагает понимать тот «тип гражданской активности, который противостоит давлению власти и основан на либеральных и демократических ценностях». Как отмечает автор, «гражданское общество в России – своего рода зонтичное понятие, которое покрывает как одобряемую государством активность, так и не одобряемую» [20].

В этой связи представляется интересным анализ уровней социума. Как отмечает И.С. Кон, чем более замкнутой является группа, чем беднее ролевая структура его членов, тем больше единобразия в ее поведении. Напротив, разрушение иерархической системы, выводящее личность за рамки особенной группы, вовлекающее ее в системы опосредованных отношений с большим числом индивидов, делает ее индивидуальное существование все более и более всеобщим [21, с. 96]. Поэтому под «общиной» в контексте Токийских и Европейских правил следует понимать такой уровень социума, который заключен в малых социальных группах, приближенных к личности. Вследствие уравновешивания чувств различных личностей внутри социальной группы последняя обретает определенный единый облик. Единство членов одного и того же общественного круга обусловлено схожестью душевных состояний его членов, являющихся носителями единого общественного духа [22, с. 129].

Принимая это во внимание, отметим, что для целей Европейских правил оптимальным, корректным и адекватным будет употребление именно термина «общинные санкции и меры», сутью которого является сохранение и поддержание устойчивых социально полезных связей правонарушителя с общиной.

Ценность общинных санкций и мер, как отмечают известные нидерландские ученые-правоведы А.М. ван Кальмхout (Anton M. van Kalmthout) и Дж.Т.М. Деркс (Jack T.M. Derkx), должна заключаться не только в том, что правонарушитель может оставаться в общине в течение всего периода применения санкций. Реальная ценность и смысл общинных санкций и мер заключается в том, что они способствуют реинтеграции правонарушителей в общество. Это достигается путем стимулирования и улучшения чувства ответственности правонарушителей и их социальных навыков путем выявления последствий их противоправного поведения и обраще-

ния к ним с просьбой о проведении ресоциализационной деятельности. Поскольку в общинных санкциях и мерах акцент делается на вовлечении правонарушителя в жизнь общества, а не на исключении из него, это означает, что участие и приверженность общины, в частности местной общине, являются необходимыми. Многие из этих новых санкций и мер (в частности, общественные работы, курсы социальной подготовки) нуждаются в участии общества; в конце концов именно поэтому они называются общинными санкциями, или санкциями, основанными на общинах [23, р. 14–15].

Если сравнить нынешние системы санкций с теми, которые были тридцать или сорок лет назад, приходится констатировать, что во всех странах простая система санкций с лишением свободы, штрафом и тому подобным перестала существовать. Перечень наказаний и мер был расширен с добавлением таких, не связанных с тюремным заключением, как пробация, общественные работы, компенсации и реституции, посредничество между жертвой и правонарушителем, программы лечения (особенно для наркоманов и насильников), домашний арест и электронное наблюдение, отсрочка приговора с надзором и др., а также сочетание этих мер (комбинации двух или более таких санкций). Особенность этой новой категории санкций заключается в том, что они имеют смысл только в случае, если правонарушитель готов сотрудничать. В этом смысле они существенно отличаются от традиционных наказаний, поскольку требуют сотрудничества со стороны правонарушителя [Там же, с. 14].

В приложении к Рекомендации 2017 г. «общинные санкции и меры» определяются как «санкции и меры, при которых подозреваемые или правонарушители остаются в общине с некоторыми ограничениями их свободы посредством установления условий и / или обязанностей». Этот термин обозначает любую санкцию, назначенную судебным или административным органом, и любую меру, которая применяется до или вместо решения о назначении санкций, а также способы исполнения приговора к тюремному заключению за пределами тюремного учреждения.

Отметим, что санкция с точки зрения теории права представляет собой часть правовой нормы, в которой определяются последствия ее нарушения или неисполнения, предусматриваются меры государственного воздействия в отношении ее нарушителей. Санкция всегда выражает реакцию государства в лице его органов на противоправное поведение граждан. Именно санкция придает юридическим нормам и всему праву общеобязательный характер [24, с. 619].

Используемое в национальном и международном праве понятие «санкция» включает в себя наказания, но не исчерпывается ими, охватывая все возможные формы государственно-принудительного воздействия на правонарушителя. Таким образом, термин «санкция» в международном праве борьбы с преступностью шире термина «наказание», поэтому не все рекомендуемые Токийскими правилами «санкции» являются наказанием [19, с. 56, 61].

Несмотря на то, что санкция, являясь лишь частью правовой нормы, сама по себе ответственностью не

является, но исходя из анализа содержания международных актов альтернативных санкций, представляется корректным определить санкцию как юридическую ответственность, которая является одним из средств борьбы с правонарушениями, обеспечения правомерного поведения [25, с. 425].

Определенную ясность вносит комментарий к п. 1 Рекомендации 2017 г., который указывает на то, что «общинные санкции» предполагают определенное ограничение свободы, как и большинство видов уголовных наказаний, но позволяют людям продолжать жить в общине и выполнять вытекающие из этого обязанности, в то время как они подвергаются надлежащему наказанию за свои правонарушения. Поэтому общинные санкции могут использоваться для поощрения социальной интеграции, позволяя людям сохранить большую часть своих прав и развивать образ жизни, в котором нет места преступлениям. Такая социальная интеграция способствует укреплению социальной справедливости и справедливых возможностей, особенно шансов найти работу, отыскать жилье и наладить личные отношения, – все эти факторы, как известно, связаны с воздержанием от совершения правонарушений [5, р. 4].

«Общинные меры», как указано в комментариях, могут включать меры по недопущению предварительного заключения под стражу: могут быть разработаны меры по обеспечению достаточных гарантий от совершения правонарушений, побега или вмешательства в отправление правосудия без возвращения людей под стражу без ущерба для прав и интересов жертв. Во многих странах большое число заключенных содержится в ожидании суда зачастую в наихудших условиях. Некоторые из них впоследствии оправдываются и освобождаются после неизбежного причинения им вреда; некоторые осуждаются, но приговариваются к общинным санкциям. Так что их предварительного заключения, как представляется, можно избежать; даже если за осуждением следует тюремное заключение, необходимо по возможности избегать предварительного заключения, поскольку страдания от тюремного заключения в принципе не должны наступить до вынесения приговора [1].

Рекомендация 2017 г. в п. 2 отмечает, что национальное законодательство должно предусматривать широкий круг соответствующих общинных санкций и мер, которые должны быть доступны для применения на практике.

В комментариях к этому пункту приведен примерный перечень общинных санкций и мер, который не является исчерпывающим: альтернативы предварительного заключения под стражу, такие как требование о проживании подозреваемого по указанному адресу и / или о надзоре и помощи со стороны учреждения, указанного судебным органом; пробация / общинный надзор как независимая санкция, назначаемая без вынесения приговора к тюремному заключению; приостановление (отсрочка) исполнения приговора к тюремному заключению на определенных условиях; общественные работы (т.е. неоплачиваемая работа на благо общины); компенсация / возмещение ущерба потерпевшим; медиа-

ция между потерпевшим и правонарушителем; принудительное лечение правонарушителей, злоупотребляющих наркотиками или алкоголем, и лиц, страдающих психическими расстройствами, связанными с их преступным поведением; ограничение свободы передвижения; электронный мониторинг; условное освобождение из тюремы с последующим надзором после освобождения [5, р. 4–5]. Следует ожидать, что со временем будут разработаны новые виды общих санкций и мер, которые также будут охватываться этими Правилами.

Общинные санкции и меры часто вводятся для того, чтобы предоставить судам ряд возможностей избежать тюремного заключения и в надежде на то, что они сократят общее число заключенных. Фактически взаимосвязь между показателями тюремного заключения и применением общих санкций и мер является сложной и спорной. Тем не менее, если общинные санкции и меры применяются разумно и соразмерно, они могут способствовать сокращению числа тюрем. В любом случае их следует ценить не только за их потенциал по сокращению численности заключенных, но и за позитивный вклад в обеспечение справедливости и социальной интеграции [Ibid., с. 4].

Конечную цель системы уголовного правосудия ООН видит в возвращении правонарушителя к жизни в обществе, ввиду этого лишь альтернативы тюремному заключению могут быть эффективными средствами обращения с правонарушителями в общине в интересах как правонарушителей, так и общества. Европейские правила 2017 г. отмечают значительный прогресс, который произошел в государствах-членах в применении санкций и мер, исполнение которых происходит в общине.

Важным является установление общих принципов в отношении уголовной политики среди государств – членов Совета Европы в целях укрепления международного сотрудничества. Ввиду изменяющейся практики в области санкций и мер, исполняемых в общине, и проблем, выявленных государствами-членами, требуется регулярно обновлять положения, содержащиеся в Европейских правилах.

С течением времени появляются новые возможности для более эффективного применения общинных санкций и мер, поэтому тюремное заключение, согласно Рекомендации 2017 г., должно применяться только в качестве крайней меры. Примечательно, что данное положение впервые нашло отражение в Преамбуле именно этого документа, так как в преамбулах иных вышеуказанных актов ранее отсутствовало прямое указание на эту непоколебимую истину, она раскрывалась лишь в Приложениях к ним.

Подводя итог исследованию, отметим, что терминология международных актов об альтернативных санкциях имеет важное значение в связи отсутствием в теории международного права борьбы с преступностью единого понимания, несмотря на то что международные акты являются результатом согласования воль государств.

Исходя из отсутствия официального перевода таких документов с английского языка на русский, в исследовании предпринята попытка четкого и единообразного определения значения такого ключевого выражения, касающегося альтернативных санкций, как *community sanctions and measures* («общинные санкции и меры»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Уткин В.А. Международные стандарты обращения с осужденными и проблемы их реализации : учеб. пособие. Томск : Изд-во НТЛ. 1998. 88 с.
2. Уткин В.А. Международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности и стереотипы их восприятия // Уголовная юстиция. 2016. № 2. С. 89–96.
3. Организационно-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций : сб. нормативно-правовых актов / под ред. О.В. Филимонова. М. : PRI. 2002. 332 с.
4. Recommendation CM/Rec (2010) 1 on the Council of Europe Probation Rules. Compendium of conventions, recommendations and resolutions relating to prisons and community sanctions and measures. Strasburg, 2017. 248 с.
5. Recommendation CM/Rec (2017) 3 on the European Rules on community sanctions and measures (accompanied by its commentary) // The Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/168070c09b> (accessed: 10.12.2018).
6. Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. М. : Юрид. лит., 1972. 214 с.
7. Сборник документов Совета Европы, касающихся исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, обращения с правонарушителями и содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении / сост. и пер.: В.Б. Первозванский, Н.Б. Хуторская. М. : PRI. 2011. 143 с.
8. Стерн В. Альтернативы тюремному заключению в развивающихся странах. М. : PRI, 1999. 40 с.
9. Сборник документов Совета Европы по предотвращению перенаселенности тюрем. Страсбург, 2015. 170 с.
10. Рекомендация № R (92) 16 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о Европейских правилах по общим санкциям и мерам // Официальный сайт информационной системы по документам по правам человека и тематическим публикациям. URL: http://echr-base.ru/rec92_16.jsp (дата обращения: 19.04.2019).
11. Рекомендация № R (92) 16 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о Европейских правилах по общим санкциям и мерам // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/90199574> (дата обращения: 19.04.2019).
12. Совет Европы и Россия : сб. документов / сост.: Л.И. Брычева, М.В. Виноградов, Д.В. Юзиков. М. : Юрид. лит., 2004. 925 с.
13. Common // Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/английский/common> (дата обращения 20.04.2019).
14. Community // Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/англо-русский/community> (дата обращения: 20.04.2019).
15. Community : Definition of noun from the Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/community?q=community> (accessed: 20.04.2019).

16. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов ; РАН, Ин-т лингвистических исслед. СПб. : Норинт, 2008. 1534 с.
17. Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1974. Т. 18: Никко—Отолиты. 631 с.
18. Алаев Л.Б. Чем была «русская община» и что такое «русская общинность» // История и современность. 2014. № 2 (20). С. 45–72.
19. Уткин В.А. Международное право борьбы с преступностью : учеб. пособие. Томск : Изд-во НТЛ, 2017. 216 с.
20. Колесников А.В. Три фронта «общества граждан»: усиление конфликтности // Московский Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2019/02/27/ru-pub-78453> (дата обращения: 10.05.2019).
21. Кон И.С. Социология личности. М. : Политиздат, 1967. 383 с.
22. Кистяковский Б.А. Общество и индивид / пер. с нем. и предисл. Е. Довгань. М. : Дом интеллектуальной книги, 2002. 160 с.
23. Probation and probation services : a European perspective / ed. by A.M. van Kalmthout, J.T.M. Derk. Nijmegen : Wolf Legal Pub., 2000. 576 p.
24. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права : учебник. М. : Проспект, 2011. 768 с.
25. Лазарев В.В., Ливень С.В. Теория государства и права : учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2016. 561 с.

On the Term “Community Sanctions and Measures” in International Acts on Alternatives to Deprivation of Liberty

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 70–76. DOI 10.17223/23088451/14/15

Alla L. Agabekyan, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

Keywords: international standards for alternative sentences, community, community sanctions and measures.

The article analyses the provisions of the United Nations Standard Minimum Rules for Non-Custodial Measures (Tokyo Rules) of 1990, Recommendations on the European Rules for Public Sanctions and Measures of 1992, Recommendations of the Committee of Ministers on the Council of Europe Probation Rules 2010 as well as the provisions of the new Recommendation on the European Rules for Community Sanctions and Measures and comments thereon. Some of the specified documents require the provision of translation into the national language. The lack of an official translation from English into Russian in the most of the international standards on alternative punishments causes serious obstacles for their application. Due to the ambiguity of legal terminology, it is important to clearly and, if possible, uniformly define the meaning of certain expressions and terms for their unified understanding. The author pays special attention to the term “community sanctions and measures” and analyses its unofficial translations. While some translate it as “al’ternativnye sanktsii i mery”, although this translation is not equivalent, since death penalty is also an alternative to imprisonment, others translate it as “obshchii”, although this translation is not equivalent either, because it does not convey the essence of these rules. Moreover, the word “obshchii” is translated from Russian into English as ‘common’, not ‘community’. However, the most common translation of this expression is “obshchestvennye sanktsii i mery”, which seems to be the most adequate, although it does not fully comply with the essence of the European rules. The author argues that the most adequate translation of the expression “community sanctions measures” into Russian is “obshchinnye sanktsii i mery”, which imply the preservation and maintenance of sustainable socially useful relations of the offender with the community to reintegrate them into society.

References

1. Utkin, V.A. (1998) *Mezhdunarodnye standarty obrashcheniya s osuzhdennymi i problemy ikh realizatsii* [International standards for the treatment of convicts and the problems of their implementation]. Tomsk: NTL.
2. Utkin, V.A. (2016) International standards of penal activities and stereotypes of their perception. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2. pp. 89–96. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/8/14
3. Filimonov, O.V. (ed.) (2002) *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel’nosti ugolovno-ispolnitel’nykh inspeksiy* [Organizational and legal foundations of penitentiary inspections]. Moscow: PRI.
4. The Council of Europe. (2017) *Recommendation CM/Rec (2010) 1 on the Council of Europe Probation Rules/ Compendium of conventions, recommendations and resolutions relating to prisons and community sanctions and measures*. Strasburg: [s.n.]
5. The Council of Europe. (2017) *Recommendation CM/Rec (2017) 3 on the European Rules on community sanctions and measures (accompanied by its commentary)*. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/168070c09b> (Accessed: 10th December 2018).
6. Movchan, A.P. (1972) *Kodifikatsiya i progressivnoe razvitiye mezhdunarodnogo prava* [Codification and progressive development of international law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
7. Pervozvansky, V.B. & Khutorskaya, N.B. (eds) (2011) *Sbornik dokumentov Soveta Evropy, kasayushchiesya ispolneniya nakazaniy i inykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera, obrashcheniya s pravonarushitelyami i soderzhaniyu pod strazhey podozrevaemykh i obvinyaemykh v sovershenii prestupleniy* [A collection of documents of the Council of Europe regarding the execution of sentences and other measures of a criminal law, the treatment of offenders and the detention of suspects and accused of committing a crime]. Translated from English by V.B. Pervozvansky, N.B. Khutorskaya. Moscow: PRI.
8. Stern, V. (1999) *Al’ternativnye zaklyucheniya v razvivayushchikhsya stranakh* [Alternatives to imprisonment in developing countries]. Translated from English. Moscow: PRI.
9. The Council of Europe. (2015) *Sbornik dokumentov Soveta Evropy po predotvratleniu perenаселennosti tyurem* [Collection of documents of the Council of Europe on the prevention of overcrowding in prisons]. Strasburg: The Council of Europe.
10. The Council of Europe. (n.d.) *Rekomendatsiya № R (92) 16 Komiteta Ministrov Soveta Evropy gosudarstvam-chlenam o Evropeyskikh pravilakh po obshchim sanktsiyam i meram* [Recommendation No. R (92) 16 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member states on the European rules on general sanctions and measures]. [Online] Available from: http://echr-base.ru/rec92_16.jsp (Accessed: 19th April 2019).
11. The Council of Europe. (n.d.) *Rekomendatsiya № R (92) 16 Komiteta Ministrov Soveta Evropy gosudarstvam-chlenam o Evropeyskikh pravilakh po obshchim sanktsiyam i meram* [Recommendation No. R (92) 16 of the Committee of Ministers of the Council of

- Europe to member states on the European rules on general sanctions and measures]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/90199574> (Accessed: 19th April 2019).
12. Brycheva, L.I., Vinogradov, M.V. & Yuzvikov, D.V. (eds) (2004) *Sovet Evropy i Rossiya* [The Council of Europe and Russia]. Moscow: Juridicheskaya literatura.
13. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. (n.d.) *Definitions of "common"*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/angliyskiy/common> (Accessed: 20th April 2019).
14. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. (n.d.) *Definition of "community"*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/anglo-russkiy/community> (Accessed: 20th April 2019).
15. Oxford Advanced Learner's Dictionary. (n.d.) *Definition of "community"*. [Online] Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/community?q=community> (Accessed: 20th April 2019).
16. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2008) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.
17. Prokhorov, A.M. (ed.) (1974) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 18. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
18. Alaev, L.B. (2014) What was “Russian rural community” and what is “the Russian communality”. *Istoriya i sovremennost’ – History and Modernity*. 2(20). pp. 45–72. (In Russian).
19. Utkin, V.A. (2017) *Mezhdunarodnoe pravo bor'by s prestupnost'yu* [International Law Against Crime]. Tomsk: NTL.
20. Kolesnikov, A.V. (2019) *Tri fronta “obshchestva grazhdan”: usilennie konfliktnosti* [Three fronts of the “society of citizens”: a growing conflict]. [Online] Available form: <https://carnegie.ru/2019/02/27/ru-pub-78453> (Accessed: 10th May 2019).
21. Kon, I.S. (1967) *Sotsiologiya lichnosti* [Sociology of Personality]. Moscow: Politizdat..
22. Kistyakovsky, B.A. (2002) *Obshchestvo i individ* [Society and the Individual]. Translated from German by E. Dovgan. Mosocw: Dom intellektual'noy knigi.
23. Kalmthout, A.M. van & Derkx, J.T.M. (eds) (2000) *Probation and probation services: a European perspective*. Nijmegen, Netherlands: Wolf Legal.
24. Marchenko, M.N. (2011) *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]. Moscow: Prospekt.
25. Lazarev, V.V. & Liven, S.V. (2016) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. 5th ed. Moscow: Yurayt.

А.Ю. Алексеев

РЕЖИМ ОСОБЫХ УСЛОВИЙ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Теоретически осмысливаются признаки, приведенные в качестве оснований применения режима особых условий. Проблемы, выявленные в ходе исследования, указывают на диспозитивность статьи УИК РФ, предусматривающей введение специального правового режима. Применение рассматриваемого института позволяет сделать вывод о его декларативности, несмотря на наличие прямых оснований, изложенных в ст. 85 УИК РФ. Выявленные в исследовании проблемы побуждают к разработке новой редакции статьи, регулирующей применение режима особых условий, в уголовно-исполнительном законодательстве.

Ключевые слова: *режим особых условий, исправительные центры, императивный метод правового регулирования, диспозитивный метод правового регулирования, исправительные учреждения, чрезвычайное положение, военное положение, система жизнеобеспечения, эпидемия, эпизоотия, захват заложников, террористический акт, криминогенность.*

Увеличение числа катализмов природного и техногенного характера, угроза и совершение террористических актов создают предпосылки к разработке универсального нормативно-правового акта, направленного на оперативное и однообразное реагирование всех без исключения институтов власти в условиях военного времени и чрезвычайных обстоятельств.

Современное развитие уголовно-исполнительной системы требует урегулирования с помощью права институтов исполнения наказаний при осложнении обстановки. Традиционно безопасность ее институтов базируется на использовании специальных правовых режимов, существующих в уголовно-исполнительском законодательстве, которые применяются в исправительных учреждениях. Введение режима особых условий (далее – РОУ) регламентируется несколькими нормативными правовыми актами отраслевого законодательства.

С момента принятия Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) научное сообщество редко обращало внимание на данную проблему. Несмотря на важность РОУ, она не получила развития ни в теории, ни на практике, отдельные аспекты, соприкасающиеся с темой исследования, нашли отражение в трудах Н.П. Барабанова, Б.Б. Казака, Д.А. Курбanova, В.А. Максимова, А.Н. Сухова. В последнее десятилетие были активизированы научные изыскания в данной области. Проблемам введения режима особых условий в исправительных учреждениях посвящены работы В.М. Анисимкова, А.А. Герасимова, М.А. Громова, Ю.А. Кашубы, А.С. Капчинской, А.М. Кулешова, А.С. Кузнецова, А.А.О. Манафова, Е.Е. Новикова, А.Н. Сирякова, А.П. Скибы, В.А. Спицына и др.

Рассматриваемый правовой институт является неоднозначным ввиду своей специфики. Вопрос классификации РОУ в научной доктрине остается открытым, несмотря на значительное множество подходов к рассматриваемой категории; в последнее время наметилась четкая тенденция отождествления РОУ с такими понятиями, как «чрезвычайные ситуации», «экстремальные ситуации», «чрезвычайные обстоятельства» и др. [1, с. 136–141, 2, с. 34–38].

Ряд авторов связывают возникновение различных чрезвычайных обстоятельств с сущностью РОУ. Например, А.Н. Сухов так определяет чрезвычайные обстоятельства в исправительном учреждении: «...это или умышленно созданная, или возникшая по неосторожности либо вследствие действия природных стихийных сил или стечения обстоятельств ситуация, которая представляет опасность для режима отбывания наказания, производственной деятельности, социалистической собственности, а также для жизни и здоровья сотрудников ИТУ и осужденных, и требует принятия неотложных мер по ее ликвидации» [3, с. 9].

Научный интерес представляет мнение В.М. Анисимкова, делящего РОУ на «чрезвычайные обстоятельства» и «чрезвычайные происшествия» [4, с. 46]. Он относит к чрезвычайным обстоятельствам условия, не зависящие от участников правоотношений, к чрезвычайным происшествиям – зависящие от участников правоотношений и, таким образом, имеющие криминологическую составляющую.

При наличии множества подходов к определению понятия РОУ нам представляется близким мнение В.А. Круглова, отметившего, что «явления, вызывающие особые условия в деятельности ОВД, можно классифицировать на явления объективного и субъективного характера». К первым автор относит явления природного и биологического свойства, ко вторым – криминальные и некриминальные [5, с. 115].

Различные мнения свидетельствуют о многообразии определений рассматриваемого термина, стремлении синтезировать в понятии универсальную правовую категорию РОУ как специального правового режима, характерного для уголовно-исполнительного законодательства, с присущими ей компонентами. Данный режим возникает в процессе взаимодействия людей по поводу назначения и отбытия уголовных наказаний, вызванных как осознанными действиями лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, так и действиями непреодолимой силы. При этом следует отметить отсутствие прямой взаимосвязи чрезвычайных обстоятельств и противоправных действий осужденных, однако чрезвычайные обстоятельства при

определенных условиях провоцируют пенитенциарные преступления.

В УИК РФ и Федеральном законе РФ № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – ФЗ) РОУ относится к средствам обеспечения режима в исправительном учреждении (далее – ИУ). Путем формально-юридического анализа было выявлено, что текстуально статьи нормативно-правовых актов, регулирующих применение РОУ, не являются идентичными, хотя функционально не отличаются и направлены на восстановление правопорядка в местах принудительного содержания осужденных. Тем не менее их нормативное сравнение определило ряд общих и особенных признаков. Главным отличием рассматриваемых правовых норм являются методы правового регулирования. Если ФЗ предписывает вводить РОУ при наступлении обстоятельств, изложенных в статье закона, то правовой текст статьи о введении института РОУ в УИК РФ указывает лишь на возможность введения данного института при осложнении обстановки. Этимологическое значение термина «может вводиться», указывает, что он употребляется в качестве вводного словосочетания, выражая неуверенность или предположительность, вероятность. Таким образом, статья, предусматривающая введение РОУ в УИК РФ, по методу правового регулирования является диспозитивной, ее применение в ИУ зависит от субъективного отношения лиц, уполномоченных принимать такое решение.

Общими признаками применения РОУ в рассматриваемых правовых нормах являются: стихийные бедствия, массовые беспорядки, срок, на который вводится РОУ, должностные лица, согласующие введение специального правового режима в ИУ, а также исключительная возможность оперативного применения в случае возникновения угрозы жизни и здоровью. Усиление охраны и надзора за деятельностью как осужденных, так и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, отражает сходство рассматриваемых объектов. Текст исследуемых статей относительно ограничений, вводимых при введении РОУ, также указывает на диспозитивный метод правового регулирования. По нашему мнению, это связано со сложностью определения оперативной обстановки в ИУ, а также является прямым следствием оснований введения специального правового режима. Применение определенных в законе правовых ограничений при введении РОУ с отсутствием криминологической составляющей и факторов, влияющих на потенциальное распространение негативного общественного явления, не будет отвечать такому элементу международных стандартов, как «обоснованность» [6].

В соответствии с УИК РФ РОУ может вводится в случае стихийного бедствия:

Стихийным бедствием признается «разрушительное природное или природно-антропогенное явление либо процесс значительного масштаба, в результате которого может возникнуть или возникла угроза жизни и здоровью людей и животных, произойти разрушение или уничтожение материальных ценностей и компонентов окружающей природной среды» [7]. К стихийным бед-

ствиям относят землетрясения, извержения вулканов, сель, оползень, обвал, лавину, наводнение, цунами, пожары, смерчи и др. Таким образом, необходимо выделить основные признаки стихийного бедствия, при которых в соответствии со ст. 85 УИК РФ может быть введен РОУ в ИУ:

- реальная, действительная опасность жизни и здоровью лиц, содержащихся в ИУ, а также персонала, обеспечивающего функционирование учреждения, затрагивающая интересы множества лиц;

- реальное масштабное причинение ущерба материальным ценностям уголовно-исполнительской системы;

- массовое падение животных на прилегающей территории и в учреждениях уголовно-исполнительской системы.

Вместе с тем ФЗ в качестве оснований применения специального правового режима выделяет эпидемии и эпизоотии. В связи с этим представляется целесообразным провести этимологический анализ указанных понятий. ГОСТ Р 22.0.04-95 от 25 января 1999 г. № 16 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биологico-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и понятия» содержит следующие определения.

Эпидемией признается «массовое, прогрессирующее во времени и пространстве в пределах определенного региона распространение инфекционной болезни людей, значительно превышающее обычно регистрируемый на данной территории уровень заболеваемости» [8].

Эпизоотией является «одновременное прогрессирующее во времени и пространстве в пределах определенного региона распространение инфекционной болезни среди большого числа одного или многих видов сельскохозяйственных животных, значительно превышающее обычно регистрируемый на данной территории уровень заболеваемости» [Там же].

Таким образом, проведенный анализ показывает чрезмерную юридическую регламентацию изложенных в ФЗ оснований введения РОУ, которые по своим признакам могут быть объединены термином «стихийное бедствие» соответствующих статей УИК РФ и ФЗ. Основание, указанное в ФЗ об обширных очагах возгорания, также излишне ввиду аналогичных признаков, содержащихся в понятии «стихийное бедствие». Одним из оснований введения РОУ на территории следственного изолятора называется крупная авария систем жизнеобеспечения. Аварии систем жизнеобеспечения нарушают снабжение учреждений уголовно-исполнительской системы водой, электроэнергией, теплом. Учитывая нахождение осужденных в постоянной изоляции, указанные проблемы приводят к нарушению прав осужденных ввиду отсутствия альтернативных источников жизнеобеспечения, а также невозможности самостоятельно обеспечить себя жизненно важными условиями быта. Помимо указанного, к системам жизнеобеспечения относятся перебои в поставке воды, продуктов питания, средств санитарии и гигиены. Обстоятельства, прерывающие нормальное жизнеобеспечение, могут спровоцировать в исправительных учреждениях явления, детерминирующие преступность.

Вышеуказанные природные и техногенные явления можно отнести к действиям непреодолимой силы, не

зависящим от субъектов правоотношений. Учитывая определенные специфические признаки, введение специального правового режима СИЗО по причине «аварий систем жизнеобеспечения» вполне целесообразно выделить в самостоятельное условие применения РОУ в ИУ.

УИК РФ содержит особые основания введения РОУ, отличающиеся от ФЗ. Эти основания сами по себе представляют специальный правовой режим, установленный Конституцией России и федеральными конституционными законами о введении на территории Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, чрезвычайного или военного положения. Военное положение вводится при проявлении агрессии или ее непосредственной угрозе Российской Федерации Президентом Российской Федерации. Чрезвычайное положение вводится специальным правовым режимом на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях при возникновении обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, конституционному строю. Введение специального правового режима предполагает применение РОУ в учреждениях уголовно-исполнительной системы. При этом осуществляется особый правовой режим функционирования федеральных органов исполнительной власти, муниципалитетов, а также инфраструктурных сооружений, возлагаются дополнительные обязанности не только на российских, но и на иностранных граждан и лиц без гражданства. Учитывая социальную значимость следственного изолятора и размещение в нем большого числа подозреваемых и обвиняемых, следует внести соответствующие изменения в ФЗ, указав в качестве основания введение РОУ на территории СИЗО введение специального правового режима, предусмотренного национальным законодательством.

Учитывая ретроспективу развития института РОУ, его применение обеспечивает превенцию пенитенциарной преступности как альтернативу физическому принуждению. Сравнительно-правовой анализ указывает на неоднозначность условий его применения. Так, ФЗ предусматривает в качестве особых обстоятельств захват заложников и террористический акт. Положения УИК РФ указывают на отсутствие собирательного понятия, включающего кrimиногенные факторы, изложенные в ФЗ. Важно отметить, что анализируемые субъективные факторы в равной степени могут возникать не только в СИЗО, но и в колониях-поселениях, исправительных колониях общего, строгого, особого режима, воспитательных колониях, а также в исправительных центрах. Вышеуказанные учреждения реализуют средства воспитательного воздействия на осужденных посредством правил внутреннего распорядка, осуществляют надзор за деятельностью осужденных, принимают меры по предупреждению нарушений установленного порядка. При этом не вызывает сомнения тот факт, что при совершении захвата заложников или террористического акта преступление во всех случаях сопровождается причинением вреда третьим лицам. Захват заложников и террористический акт совершаются таким общественно опасным способом, что неизбежно влечет причинение вреда персоналу, осужденным

и иным лицам, посягая на конституционное право граждан на свободу и личную неприкосновенность. Совершение указанных деликтов всегда сопровождается предъявлением требований к администрации ИУ. Между тем такое основание, как террористический акт, вполне соотносится со специальным правовым режимом проведения контртеррористической операции. Тем не менее анализ введения РОУ посредством специальных правовых режимов не содержит в качестве основания контртеррористической операции. В связи с этим считаем данные кrimиногенные факторы особо опасными и заслуживающими включения в ст. 85 УИК РФ.

Одним из существенных отличий также является круг лиц, в отношении которых применяется РОУ. Это связано со спецификой объекта применения.

Следовательно, необходимо заключить, что условия применения РОУ можно классифицировать по следующим признакам:

1. Обстоятельства, которые не зависят от субъектов правоотношений, могут возникать вследствие стихийного бедствия природного и техногенного характера; эту категорию мы называем *условиями непреодолимой силы*.

2. Обстоятельства, при которых применение находится в причинно-следственной связи с иными специальными правовыми режимами, предусмотренными Конституцией РФ, федеральными конституционными законами. Рассматриваемую категорию применения специального правового режима уголовно-исполнительного законодательства предлагаем обозначить как *специальные условия*. Важно отметить, что специальные условия могут как возникать в ИУ и служить причиной введения специального правового режима на территории субъекта РФ и муниципалитета, так и выступать следствием такого режима.

3. Обстоятельства, при которых введение РОУ зависит от кrimиногенных факторов, вызванных действиями осужденных и иных лиц, в дальнейшем именуемые как *кrimиногенные условия*.

Введение РОУ в ИУ затрудняется отсутствием четкого юридического регламента. Должностные лица стремятся обойтись без применения специального правового режима, подчас бездействием осложняя кrimиногенную обстановку в ИУ. Так, в 2012 г., несмотря наподтопления значительной части территории Амурской области, Еврейской автономной области и Хабаровского края РОУ во многих исправительных учреждениях так и не был введен. Чрезвычайная ситуация являлась специальным условием применения РОУ, однако его введение не было реализовано, исходя из диспозитивности статьи, посвященной его применению. Инструкция Минюста по планированию действий учреждений и органов уголовно-исполнительной системы при чрезвычайных обстоятельствах не содержит положений, предусматривающих масштабную эвакуацию осужденных. Это указывает на актуальность разработки универсального нормативно-правового акта, направленного на оперативное и однообразное реагирование всех без исключения институтов власти в условиях военного времени или чрезвычайного положения. В том числе и в учреждениях УИС с помощью специального института – РОУ.

Проведенный анализ правовых норм, регламентирующих введение на территории ИУ РОУ, и подходов к определению обстоятельств, служащих основанием применения данного института, позволяет предложить изменить редакции ст. 85 УИК РФ и ст. 48 Федерального закона РФ № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», изложив их единообразно в следующей авторской редакции:

1. В случаях стихийного бедствия, введения в районе расположения учреждения чрезвычайного или военного положения, контртеррористической операции, крупных аварий систем жизнеобеспечения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных, захвате заложников, террористическом акте и в случае возникновения реальной угрозы распространения вероучения ярко выраженной экстрен-

истской направленности в исправительном учреждении вводится режим особых условий.

2. В период действия режима особых условий в исправительном учреждении может быть приостановлено осуществление некоторых прав осужденных, предусмотренных статьями 88–97 настоящего Кодекса, при этом приостановление прав должно соответствовать критерию обоснованности, введены усиленный вариант охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты, изменен распорядок дня, ограничена деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительских и иных служб, за исключением медико-санитарных.

В период действия режима особых условий в учреждении уголовно-исполнительной системы на осужденных могут возлагаться дополнительные обязанности, связанные с ликвидацией последствий стихийных бедствий и аварий систем жизнеобеспечения.

ЛИТЕРАТУРА

- Левин А.О. Подходы к определению понятий чрезвычайной терминологии: чрезвычайные обстоятельства, чрезвычайная ситуация, особые условия // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 136–141.
- Майдыков А.Ф. Проблемы совершенствования правового регулирования деятельности органов внутренних дел в особых условиях // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 1. С. 34–38.
- Сухов А.Н. Общение осужденных при чрезвычайных обстоятельствах в исправительно-трудовых учреждениях : учеб. пособие. Рязань : РВШ МВД СССР, 1984. 60 с.
- Ананич В.А., Свило С.М. Негативные проявления в молодежной среде и некоторые пути их преодоления // Здоровый образ жизни как одно из приоритетных направлений государственной политики : тез. докл. Межвуз. науч.-практ. конф., Минск, 20 апр. 2006 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; ред. К.В. Волохович [и др.]. Минск, 2006. С. 108–112.
- Круглов В.А. и др. Организация и тактика деятельности органов внутренних дел в особых условиях : лекции / под ред. В.А. Круглова. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2001. 115 с.
- Международное право в области прав человека. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Международное_право_в_области_прав_человека (дата обращения: 06.04.2019).
- Стихийное бедствие. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Стихийное_бедствие (дата обращения: 06.04.2019).
- ГОСТ Р 22.0.04–95. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биологово-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения. URL: https://znaytovar.ru/gost/2/GOST_R_2200495_Bezopasnost_v_c.html (дата обращения: 06.04.2019).

Special Conditions Regime in Penitentiary Institutions: A Comparative Analysis

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 77–81. DOI 10.17223/23088451/14/16

Andrey Yu. Alekseev, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian). E-mail: alex_vostok-@mail.ru

Keywords: special conditions regime, correctional centres, imperative method of legal regulation, dispositive method of legal regulation, correctional institutions, state of emergency, martial law, life support system, epidemic, epizooty, hostage-taking, terrorist act, criminality

The article focuses on the problems of applying the regime of special conditions in penal institutions, related to the increase in natural and human-made disasters as well as ensuring safety in extreme conditions through the application of a special legal regime of penal legislation. The analysis has shown the absence of a unified legal regulation when introducing the special conditions regime in correctional institutions. The article provides a theoretical understanding of the features that form the basis for the application of special conditions regime. The problems identified indicate the dispositive nature of the article of the Criminal Executive Code of the Russian Federation, providing for the introduction of a special legal regime. The application of the special conditions regime leads to the conclusion about its declarative character, in spite of direct grounds in Article 85 of the Penal Code of the Russian Federation. The problems identified throughout the study determine the development of a new edition of the article governing the application of special conditions regime in penal legislation.

References

- Levin, A.O. (2015) Podkhody k opredeleniyu ponyatiy chrezvychaynoy terminologii: chrezvychaynye obstoyatel'stva, chrezvychaynaya situatsiya, osobyie usloviya [Approaches to the definition of emergency terminology: emergency circumstances, emergency, special conditions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 1. pp. 136–141.
- Maydykov, A.F. (2012) Problemy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti organov vnutrennikh del v osobykh usloviyakh [Problems of improving the legal regulation of the activities of internal affairs bodies in special conditions]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. 1. pp. 34–38.
- Sukhov, A.N. (1984) *Obshchenie osuzhdennykh pri chrezvychaynykh obstoyatel'stvakh v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh* [Communication of convicts in emergency situations in correctional labour institutions]. Ryazan: USSR Ministry of Internal Affairs.

4. Ananich, V.A. & Svilo, S.M. (2006) Negativnye proyavleniya v molodezhnoy srede i nekotorye puti ikh preodoleniya [Negative developments among the youth and some ways to overcome them]. In: Volokhovich, K.V. (ed.) *Zdorovyy obraz zhizni kak odno iz prioritetnykh napravleniy gosudarstvennoy politiki* [Healthy Lifestyle as a Priority of Public Policy]. Minsk: Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. pp. 108–112.
5. Kruglov, V.A. (2001) *Organizatsiya i taktika deyatel'nosti organov vnutrennikh del v osobykh usloviyakh* [Organization and tactics of the internal affairs bodies in special conditions]. Minsk: Academy of Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.
6. Wikipedia.ru. (n.d.) *Mezhdunarodnoe pravo v oblasti prav cheloveka* [International law in the field of human rights]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Международное_право_в_области_прав_человека (Accessed: 6th April 2019).
7. Wikipedia.ru. (n.d.) *Stikhiynoe bedstvie* [Natural disaster]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Stikhiynoe_bedstvie (Accessed: 6th April 2019).
8. The Russian Federation. (n.d.) *GOST R 22.0.04-95 Bezopasnost' v chrezvychaynykh situatsiyakh. Biologo-sotsial'nye chrezvychaynye situatsii. Terminy i opredeleniya* [GOST R 22.0.04-95 Safety in emergency situations. Biological and social emergencies. Terms and definitions]. [Online] Available from: https://znaytovar.ru/gost/2/GOST_R_2200495_Bezopasnost_v_c.html (Accessed: 6th April 2019).

Ф.В. Грушин**НОВЫЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СТРУКТУРА**

Рассматривается возможность принятия нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации с позиций расширения предмета правового регулирования уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительского законодательства за счет мер уголовно-правового характера и мер пресечения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительный кодекс, уголовно-исполнительное право, уголовно-исполнительское законодательство.

В последнее время все чаще возникает дискуссия о необходимости принятия нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Одним из первых идею принятия нового УИК РФ высказал в 2010 г. В.Н. Орлов [1, с. 368–373]. В 2016 г. группой ученых была разработана Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [2].

Сложившаяся ситуация с законодательным регулированием уголовно-исполнительных правоотношений крайне отрицательно оценивается как практиками, так и учеными. Несколько лет назад был проведен экспертный опрос, в котором участвовали ведущие специалисты в сфере уголовно-исполнительского права из России, Белоруссии и Казахстана [3, с. 5–6]. В результате опроса были получены следующие результаты. Все эксперты считают, что в той или иной степени требуется совершенствование УИК РФ: необходимо принятие нового УИК РФ – полагают 38,2%; требуется новая редакция УИК РФ – 32,4%; следует ограничиться внесением изменений в отдельные нормы УИК РФ – 29,4%.

Если оценивать перспективы принятия нового УИК РФ, то следует согласиться с В.И. Селиверстовым, который абсолютно верно утверждает, что низкое качество действующего кодекса не может служить основанием для принятия нового, так как в этом случае достаточно внесения необходимых изменений и правок [4, с. 64].

Полагаем возможным утверждать, что принятие нового УИК РФ должно в первую очередь обосновываться расширением предмета уголовно-исполнительного права и законодательства, а также соответствующим изменением структуры кодекса.

Некоторыми учеными высказывалась идея расширения предмета уголовно-исполнительного права и законодательства за счет правового регулирования исполнения административных наказаний (в частности, административного штрафа, административного ареста, обязательных работ), предусмотренных Кодексом об административных правонарушениях [5, с. 66–68]. Как ни удивительно это звучит, но данную идею еще в середине прошлого века озвучивал профессор Н.А. Стручков. По его мнению, к исправительно-трудовому законодательству возможно было отнести нормы, устанавливающие порядок и условия исполнения отдельных мер административного воздействия [6, с. 62–67]. Полагаем, что рассматриваемое предложение в условиях современного развития общественных отношений слишком карди-

нально, так как в данном случае речь уже будет идти не об уголовно-исполнительном праве, а, скорее, о новой мегаотрасли – «исполнительном праве» [7, с. 40].

Кроме того, отдельные ученые высказываются за идею включения в сферу уголовно-исполнительского регулирования исполнение мер постпенитенциарного воздействия. Например, В.Н. Чорный к уголовно-исполнительному праву относит ресоциализационные правоотношения как пенитенциарного, так и постпенитенциарного периода [8, с. 28]. А.Я. Гришко также указывает, что «одной из первопричин разбалансированности уголовно-исполнительского законодательства является непризнание постпенитенциарной адаптации предметом уголовно-исполнительного права» [9, с. 89].

В то же время в рамках классического представления об уголовно-исполнительном праве отношения, возникающие после освобождения от отбывания наказания, к рассматриваемой отрасли права не относятся [10, с. 32–39]. При анализе данного вопроса полагаем необходимым согласиться с В.А. Уткиным, который утверждает, что необходимо «регулировать отношения в сфере постпенитенциарной ресоциализации (социальной адаптации) освобожденных не уголовно-исполнительным, а «социальнym» законодательством, или законодательством о социальной помощи» [11, с. 79].

Таким образом, расширение предмета возможно и необходимо по двум основным направлениям: во-первых, за счет правового регулирования в уголовно-исполнительском законодательстве исполнения мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, а во-вторых, за счет правового регулирования исполнения мер пресечения, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Прежде чем оценивать исполнение мер уголовно-правового характера с точки зрения расширения предмета уголовно-исполнительного права и законодательства, необходимо отметить, что в науке уголовного и уголовно-исполнительного права существует достаточно большое количество точек зрения на сущность рассматриваемого института [12, с. 528]. Например, В.А. Уткин весьма обосновано предпочитает говорить не о мерах уголовно-правового характера, как это предусмотрено ч. 2 ст. 2 УИК РФ, а о мерах уголовно-правового принуждения [7, с. 39–40]. Следует отметить, что в УК РФ (и это говорит о его несовершенстве) наряду с понятием «меры уголовно-правового характе-

ра» используются такие категории, как «иные меры уголовно-правового характера», «меры уголовной ответственности», «меры уголовно-правового воздействия» [13, с. 56–57].

Действующий УИК РФ определяет правовое регулирование исполнения следующих мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом РФ:

- отсрочка от отбывания наказания беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем (ст. 82 УК РФ). Порядок исполнения данной меры определен ст.ст. 177, 178 УИК РФ;

- отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ). Порядок исполнения данной меры определен ст. 178.1 УИК РФ;

- условное осуждение (ст.ст. 73, 74 УК РФ). Порядок осуществления контроля за условно осужденными определен ст.ст. 187–190 УИК РФ.

Частично в УИК РФ (ст. 18) представлены нормы, определяющие некоторые особенности исполнения принудительных мер медицинского характера, предусмотренных гл. 15 УК РФ. Однако, учитывая содержание ст. 18 УИК РФ, а также то, что данная статья находится в общей части УИК РФ, говорить о полноценном правовом регулировании исполнения этой меры не приходится.

В отношении других мер уголовно-правового характера, предусмотренных УК РФ, уголовно-исполнительное законодательство вообще не содержит никаких норм. Это касается таких мер уголовно-правового характера, как конфискация имущества (ст.ст. 104.1–104.3 УК РФ), судебный штраф (ст.ст. 104.4, 104.5 УК РФ), принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой или средней тяжести (ст.ст. 90, 91, ч. 1 ст. 92 УК РФ), в том числе специальная мера воспитательного воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа в отношении несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления (ч. 2–5 ст. 92 УК РФ). В УИК РФ не содержится норм о порядке осуществления контроля за условно-досрочно освобожденными, предусмотренного ст.ст. 79, 93 УК РФ. При этом часть норм, связанных с исполнением данной меры, содержится в самом УК РФ (ч. 6, 7 ст. 79 УК РФ).

В результате складывается ситуация, когда нормы об исполнении мер уголовно-правового характера содержатся в различных законах – частично в Уголовно-исполнительном кодексе, частично в Уголовном кодексе, а также в иных нормативно-правовых актах. Например, порядок осуществления конфискации определен как в УК РФ, так и в нормах Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»¹. Полагаем, что нормы, регулирующие однородные общественные отношения, в данном случае нормы, определяющие порядок и условия исполнения

мер уголовно-правового характера, должны содержаться в новом Уголовно-исполнительном кодексе, что приведет к упорядочиванию правового регулирования и более эффективному правоприменению учреждениями и органами, на которые возложено исполнение рассматриваемых мер.

Если в отношении мер уголовно-правового характера большинство ученых приходят к выводу о необходимости правового регулирования их исполнения в УИК РФ, то в отношении возможности расширения предмета уголовно-исполнительного права и законодательства за счет правового регулирования исполнения мер пресечения, предусмотренных УПК РФ, позиции ученых расходятся.

Например, Ю.А. Головастова однозначно выказываеться против включения в предмет уголовно-исполнительного права исполнения мер пресечения, так как, по ее мнению, они относятся к уголовно-процессуальным правоотношениям и противоречат природе уголовно-исполнительного права [10, с. 31–32].

В.И. Селиверстов, говоря о необходимости принятия нового УИК РФ, не высказывал мысль о расширении предмета уголовно-исполнительного права за счет правового регулирования исполнения мер пресечения [2, с. 11–23].

В.А. Уткин остается на позициях классического уголовно-исполнительного права и не относит рассматриваемые меры к предмету уголовно-исполнительного права, при этом ученый не исключает возможности расширения предмета уголовно-исполнительного права в данном контексте за счет правового регулирования исполнения мер пресечения при широком толковании предмета уголовно-исполнительного права [7, с. 40].

В то же время В.Н. Орлов однозначно выступает за то, что «уголовно-исполнительное законодательство должно регламентировать процедуру исполнения, отбывания уголовно-процессуальных мер пресечения» [14, с. 122]. Соглашается с данным посыпом и А.П. Скиба [15, с. 10].

Одним из ключевых моментов этой дискуссии является анализ правоотношений, регулирующих институт содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Существует как минимум три точки зрения о месте данных правоотношений в отечественной правовой системе. Представители уголовно-процессуального права утверждают о приоритете уголовно-процессуальных правоотношений, хотя и допускают, что существуют особенности, связанные с режимом содержания подозреваемых и обвиняемых в следственных изоляторах, а также со спецификой данных правоотношений [16, с. 191–192; 17, с. 472]. Представители второй точки зрения высказываются за существование самостоятельной правовой отрасли. Так, по мнению В.Н. Андреева, правоотношения в процессе содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей должны регулироваться особой отраслью права – «стражным правом» [18, с. 169]. Высказанную идею поддержал и А.М. Потапов [19, с. 37].

Учитывая специфику института содержания под стражей, признаваемую даже специалистами в сфере уголовно-процессуального права, полагаем, что правовое

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

регулирование данных правоотношений необходимо включить в предмет уголовно-исполнительного права и законодательства. В поддержку данного решения можно привести следующие практические обстоятельства:

- порядок и условия содержания под стражей весьма схожи с порядком и условиями исполнения лишения свободы, например в тюрьмах;

- следственные изоляторы структурно входят в уголовно-исполнительскую систему;

- помимо подозреваемых и обвиняемых в следственных изоляторах содержатся и осужденные (например, оставленные для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию), которые являются субъектами уголовно-исполнительных правоотношений;

- в настоящее время при многих исправительных учреждениях созданы так называемые ПФРСИ (помещения, функционирующие в режиме следственного изолятора);

- правоотношения, возникающие при исполнении меры пресечения в виде заключения под стражу, изучаются во всех вузах страны в рамках учебной дисциплины «Уголовно-исполнительное право».

Кроме того, с теоретической точки зрения возможно провести аналогию с уголовным правом и законодательством, где определяются виды уголовных наказаний, а порядок их исполнения и отбывания содержится в уголовно-исполнительном законодательстве. Полагаем, что по этому же принципу должно быть построено исполнение и отбывание мер пресечения.

Помимо содержания под стражей, УПК РФ предусматривает и иные меры пресечения, требующие самостоятельной правовой регламентации по порядку их исполнения и отбывания. При этом необходимо отметить, что такие меры пресечения, как домашний арест, запрет определенных действий и частично залог исполняются уголовно-исполнительными инспекциями, являющимися учреждениями уголовно-исполнительной системы.

Анализируя УПК РФ, следует указать, что в УИК РФ также ничего не говорится о контроле за отдельными категориями осужденных, которым в соответствии со ст. 398 УПК РФ может быть предоставлена отсрочка исполнения приговора:

- в связи с болезнью осужденного, препятствующей отбыванию наказания;

- в связи с тяжкими последствиями или угрозой их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванными пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами.

При этом контроль за другими категориями осужденных, указанными в ст. 398 УПК РФ (беременные женщины, осужденные, имеющие малолетнего ребенка и являющиеся единственным родителем, осужденные признанные больными наркоманией), действующим уголовно-исполнительным законодательством предусмотрен.

Полагаем, что уголовно-исполнительное законодательство должно содержать нормы, регулирующие порядок исполнения отсрочки исполнения приговора в отношении всех категорий осужденных, указанных в ст. 398 УПК РФ.

Также считаем, что нормы, изложенные в ст. 398 УПК РФ, дублируют в большей части нормы ст.ст. 81, 82, 82.1 УК РФ, а отсрочка в связи с тяжкими последствиями или угрозой их возникновения для осужденного или его близких родственников вообще не предусмотрена УК РФ, что свидетельствует о рассогласованности данных нормативно-правовых актов.

Подводя итоги изложенному, а также принимая во внимание мнение авторского коллектива по подготовке общей части нового УИК РФ [2, с. 14–29], полагаем, что настало необходимость принятия нового Уголовно-исполнительного кодекса с учетом сложившейся в настоящее время системы общественных отношений.

Весьма интересную идею двухуровневого Уголовно-исполнительного кодекса РФ предложил В.И. Селиверстов: том первый – исполнение и отбывание уголовных наказаний (части общая и особенная); том второй – исполнение и отбывание мер уголовно-правового характера (части общая и особенная) [4, с. 68].

Полагаем, что предложенную В.И. Селиверстовым идею двухуровневого Уголовно-исполнительного кодекса РФ возможно развить до трехуровневого, т.е. добавить том третий – исполнение и отбывание уголовно-процессуальных мер пресечения (части общая и особенная).

Естественно, что не представляется возможным принятие нового УИК РФ без одновременной разработки изменений Уголовного кодекса РФ. Не вдаваясь в бурную дискуссию ученых в сфере уголовного права о необходимости принятия нового УК РФ или новой редакции УК РФ, мы полагаем, что принятие нового УИК РФ не потребует одновременного принятия именного нового УК РФ, так как в нем потребуются изменения в основном в части системы уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера. На наш взгляд, следует согласиться с мнением А.В. Наумова, полагающего, что принятие нового Уголовного кодекса возможно только в случае кардинальной смены уголовной политики, вызванной также кардинальными изменениями государственного и общественно-политического плана [20, с. 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов В.Н. Нужен новый Уголовно-исполнительный кодекс РФ: криминопсихологический взгляд // Российский криминологический взгляд. 2010. № 2. С. 368–373.
2. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.
3. Грушин Ф.В. Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М. : ИНФРА-М, 2017. 208 с.
4. Селиверстов В.И. Проблемы качества уголовно-исполнительного законодательства в Российской Федерации и его кодификации // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конstitutionи Российской Федерации) : сб. тез. выступлений участников (Рязань, 5–6 декабря 2013 г.). Рязань : Академия ФСИН России, 2013. С. 62–69.

5. Орлов В.Н. Концепции профессора Н.А. Стручкова и перспективы развития уголовно-исполнительного права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7. С. 62–68.
6. Стручков Н.А. Содержание советского исправительно-трудового законодательства и значение для его разработки кодификации уголовного законодательства // Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957). М., 1957. С. 62–67.
7. Уткин В.А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 39–43.
8. Чорный В.Н. Тенденции развития уголовно-исполнительного права в современных условиях // От исправительно-трудового права к уголовно-исполнительной отрасли : материалы междунар. науч.-практ. семинара. Рязань : Академия права и управления ФСИН России, 2006. С. 25–29.
9. Гришико А.Я. Уголовно-исполнительный закон будущего: направления реформирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 88–93.
10. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2019. 560 с.
11. Уткин В.А. Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3). С. 75–80.
12. Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2017. 584 с.
13. Головастова Ю.А. Модификация предмета уголовно-исполнительного права как отрасли права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 56–59.
14. Орлов В.Н. Необходимо принять новый Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации // Рецидивная преступность и пути ее преодоления : материалы выездного заседания Региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов» (Рязань, 15 апреля 2011 г.). Рязань : Академия ФСИН России, 2011. С. 120–132.
15. Скиба А.П. Некоторые проблемы разграничения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2 (20). С. 9–13.
16. Гельдибаев М.Х. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовно-процессуального принуждения : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. 332 с.
17. Баландюк О.В. Правовая природа и отраслевая принадлежность деятельности по исполнению меры пресечения в виде заключения под стражу (постановка проблемы) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 470–472.
18. Андреев В.Н. Правовое положение подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей. М. : Права человека, 2000. 204 с.
19. Потапов А.М. Об особенностях развития уголовно-исполнительных правоотношений на современном этапе // Вестник института : науч.-практ. журнал Вологодского института права и экономики ФСИН России. Преступление. Наказание. Исправление. 2008. № 3. С. 36–37.
20. Наумов А.В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция кодекса? // Общество и право. 2010. № 5 (32). С. 13–17.

New Penal Code of the Russian Federation: Subject of Legal Regulation and Structure

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 82–86. DOI 10.17223/23088451/14/17

Fedor V. Grushin, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian). E-mail: fedor062@yandex.ru

Keywords: penal code, penal law, penal legislation.

Practitioners as well as scholars extremely negatively assess the current legislative regulation of penal relations. The recent years have seen an increased discussion of the need for a new Penal Code of the Russian Federation, which should primarily be justified by the expansion of the subject of penal law and legislation as well as changes in the Code structure. The expansion of the subject is possible and necessary in two main areas: firstly, in the legal regulation of penal measures provided for by the Criminal Code of the Russian Federation and, secondly, in the legal regulation of preventive measures provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The current Penal Code of the Russian Federation determines the legal regulation of only certain penal measures provided for by the Criminal Code of the Russian Federation. However, it does not specify norms on the procedure for monitoring such penal measures as: confiscation of property (Articles 104.1 – 104.3 of the Criminal Code of the Russian Federation); judicial fine (Articles 104.4, 104.5 of the Criminal Code of the Russian Federation); compulsory educational measures for minors who have committed crimes of minor or medium gravity (Articles 90, 91, part 1 of Article 92 of the Criminal Code of the Russian Federation). There is a situation when the rules on the implementation of penal measures can be found in various laws – partly in the Penal Code, partly in the Criminal Code as well as in other regulatory legal acts. While many scholars agree on the necessary legal regulation of penal measures in the Penal Code of the Russian Federation, they still disagree on the possible expansion of the subject of penal law and legislation through legal regulation of preventive measures provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. One of the key points in their discussion is the analysis of legal relations governing the institution of detention of suspects and accused of crimes. The author argues that there is an urgent need for a new Penal Code, taking into account the current system of public relations. The two-level Penal Code of the Russian Federation proposed by V.I. Seliverstov can be developed into a three-level system through adding Volume 3 about the execution and serving of penal measures of restraint (general and special parts).

References

1. Orlov, V.N. (2010) Nuzhen novyy Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks RF: kriminopenologicheskiy vzglyad [Need for a new Penal Code of the Russian Federation: A criminopenological view]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad – Russian Criminological Outlook*. 2. pp. 368–373.

2. Seliverstov, V.I. (ed.) (2017) *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: itogi i obosnovaniya teoretycheskogo modelirovaniya* [The general part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justifications of theoretical modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya.
3. Grushin, F.V. (2017) *Vliyanie sistemy faktorov na razvitiye ugolovno-ispolnitel'noy politiki i ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [The influence of the system of factors on the development of penal policy and penal law of the Russian Federation]. Moscow: INFRA-M.
4. Seliverstov, V.I. (2013) [The problems of the quality of penal legislation in the Russian Federation and its codification]. *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie (k 20-letiyu prinyatiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii)* [Crime, Punishment, Correction (on the 20th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation)]. Proc. of the International Forum. Ryazan, December 5–6, 2013. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 62–69. (In Russian).
5. Orlov, V.N. (2017) Ideas of Professor Nikolay A. Struchkov and prospects for the development of penal law. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) – Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 7. pp. 62–68. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2017.35.7.062-068
6. Struchkov, N.A. (1957) Soderzhanie sovetskogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva i znachenie dlya ego razrabotki kodifikatsii ugolovnogo zakonodatel'stva [The content of Soviet Corrective Labour Law and the importance of criminal law codification for its development]. In: Studenikin, S.S. (ed.) *Materialy teoretycheskoy konferentsii po voprosam sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava (may 1957)* [Materials of a theoretical conference on Soviet Labour Law (May 1957)]. Moscow: [s.n.]. pp. 62–67.
7. Utkin, V.A. (2016) Ugolovno-ispolnitel'naya deyatel'nost' i predmet ugolovno-ispolnitel'nogo prava [Penal activity and the subject of penal law]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2(24). pp. 39–43.
8. Chornyy, V.N. (2006) [Trends in the development of penal law in modern conditions]. *Ot ispravitel'no-trudovogo prava k ugolovno-ispolnitel'noy otrasi* [From corrective labour law to the penal branch]. Proc. of the International Seminar. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 25–29. (In Russian).
9. Grishko, A.Ya. (2014) Penal law of the future: directions of reforming. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal Science and Law Enforcement Practice*. 4(30). pp. 88–93. (In Russian).
10. Golovastova, Yu.A. (2019) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasi rossiyskogo prava: predmet, metod, istochniki, sistema* [Penal law as a branch of Russian law: subject, method, sources, system]. Moscow: Yurisprudentsiya.
11. Utkin, V.A. (2014) Resocialization of persons released from punishment: past and present. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1(3). pp. 75–80. (In Russian).
12. Khachaturov, R.L. (ed.) (2017) *Otrasli zakonodatel'stva i otrasi prava Rossiyskoy Federatsii: obshcheteoreticheskiye, mezhoraslevoy, otrraslevoy i istoriko-pravovoy aspekty* [Branches of legislation and law of the Russian Federation: General theoretical, interbranch, industry and historical aspects]. Moscow: Yurlitinform.
13. Golovastova, Yu.A. (2016) Modifikatsiya predmeta ugolovno-ispolnitel'nogo prava kak otrasi prava [Modification of the subject of penal law as a branch of law]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2(24). pp. 56–59.
14. Orlov, V.N. (2011) [It is necessary to adopt the new Criminal Executive Code of the Russian Federation]. *Retsidivnaya prestupnost' i puti ee preodoleniya* [Recidivism and ways to overcome it]. Proc. of the Meeting of the Regional Public Organization “The Union of Criminologists and Criminologists”. Ryazan, April 15, 2011. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 120–132. (In Russian).
15. Skiba, A.P. (2015) Nekotorye problemy razgranicheniya ugolovno-protsessual'nogo i ugolovno-ispolnitel'nogo regulirovaniya [Some problems of distinguishing between criminal procedure and penal regulation]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2(20). pp. 9–13.
16. Geldibaev, M.Kh. (2001) *Obespechenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sfere ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya* [Ensuring the rights and freedoms of person and citizen in the field of criminal procedure coercion]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.
17. Balanduk, O.V. (2016) Pravovaya priroda i otrraslevaya prinadlezhnost' deyatel'nosti po ispolneniyu mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu (postanovka problem) [Legal nature and industry affiliation of activities to implement a preventive measure in the form of detention (statement of the problem)]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2(34). pp. 470–472.
18. Andreev, V.N. (2000) *Pravovoe polozhenie podozrevaemykh i obvinyaemykh, soderzhashchikhся pod strazhey* [Legal status of suspects and accused in custody]. Moscow: Prava cheloveka.
19. Potapov, A.M. (2008) Ob osobennostyakh razvitiya ugolovno-ispolnitel'nykh pravootnosheniy na sovremennom etape [On the specificity of the development of penal relations at the present stage]. *Vestnik instituta. Prestuplenie. Nakazanie. Ispravlenie – Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*. 3. pp. 36–37.
20. Naumov, A.V. (2010) Problemy kodifikatsii rossiyskogo ugolovnogo zakonodatel'stva: novyy Ugolovnyy kodeks ili novaya redaktsiya kodeksa? [Problems of codification of Russian criminal legislation: a new Criminal Code or a new version of the Code?]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 5(32). pp. 13–17.

Е.А. Корякин**ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ТРУДУ ГРАЖДАН ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ,
ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Анализируется информация по оформлению гражданам иностранных государств, осужденных к лишению свободы в Российской Федерации, документов для привлечения к труду в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России. Предложены рекомендации и мероприятия, направленные на привлечение иностранных граждан к труду в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: труд осужденных – иностранных граждан в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России.

В настоящее время в практической деятельности работников уголовно-исполнительной системы возникают проблемы, связанные с привлечением к оплачиваемому труду иностранных граждан и лиц без гражданства.

Иностранный гражданин – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства [1, с. 1].

Лицо без гражданства – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства.

В соответствии с положениями ст. 6 Федерального закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» при наличии у иностранного гражданина двойного гражданства, одно из которых – Российской Федерации, данное лицо рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации [2, с. 1].

Иностранные граждане, лица без гражданства, постоянно или временно проживающие, пребывающие на территории Российской Федерации, в соответствии со ст. 7 Федерального закона Российской Федерации «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» являются застрахованными лицами [3, с. 1].

В соответствии со ст. 2 Федерального закона Российской Федерации «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» иностранные граждане и лица без гражданства, в том числе лица, осужденные к лишению свободы и привлеченные к оплачиваемому труду, отнесены к лицам, подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством [4, с. 1].

Согласно ст. 5 Федерального закона Российской Федерации «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» иностранные граждане и лица без гражданства, в том числе осужденные к лишению свободы, привлекаемые к труду страхователем, также отнесены к лицам, подлежащим обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний [5, с. 1].

Пунктом 3 ст. 10 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) определены основы правового положения осужденных иностран-

ных граждан и лиц без гражданства, которые пользуются правами и несут обязанности, установленные международными договорами и законодательством Российской Федерации, с изъятиями и ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации [6, с. 3].

В соответствии с п. 10 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений решение о распределении осужденных по отрядам (камерам) с учетом их личностных особенностей, состояния здоровья, привлечения к труду, обучения в системе общего и профессионального образования принимается комиссией исправительного учреждения, возглавляемой начальником исправительного учреждения [7, с. 2].

На заседании комиссии по распределению этапа по отрядам в соответствии с утвержденными штатными расписаниями рассматриваются кандидаты из числа осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства на работу на производственных и хозяйственных объектах исправительного учреждения.

При привлечении осужденных – иностранных граждан к оплачиваемому труду собирается информация и проверяется наличие следующих документов:

- паспорт гражданина Российской Федерации или иностранного государства;
- страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования (далее – СНИЛС);
- индивидуальный номер налогоплательщика (далее – ИНН);
- документы о профессиональной подготовке (профессии, специальности, квалификации);
- медицинские справки, личная медицинская книжка, индивидуальная программа реабилитации инвалида и др.

Все сведения сводятся в программно-техническом комплексе автоматизированного картотечного учета спецконтингента (ПТК АКУС).

При отсутствии у осужденного-иностраница в личном деле паспорта сотрудниками исправительных учреждений (службы специального учета осужденных) принимаются в установленном порядке меры к его получению через компетентные органы иностранных государств (консульства) на территории Российской Федерации с соблюдением требований, предусмотренных национальным законодательством страны, гражданином которой он является.

В целях привлечения к оплачиваемым работам осужденных-иностранцев, имеющих паспорт, по их письменному заявлению сотрудниками исправительных учреждений (группы социальной защиты и учета трудового стажа осужденных) принимаются меры по получению ими СНИЛС и ИНН путем направления запросов в соответствующие органы.

В период с 2016 г. по сентябрь 2018 г. в ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России автором проводилось анкетирование слушателей групп повышения квалификации производственно-технических служб федеральных казенных учреждений ФСИН России. На основе полученных эмпирических данных сделан вывод о том, что администрация исправительных учреждений с целью оказания воспитательного воздействия на осужденных – иностранных граждан посредством привлечения к производительному труду осуществляет их вывод на работу на производственно-хозяйственные объекты. При этом документационное обеспечение привлечения к труду осужденных – иностранных граждан и лиц без гражданства вызывает определенные трудности, главным образом законодательного характера.

Работодатели или заказчики работ (услуг), являющиеся юридическими лицами, имеют право привлекать к трудовой деятельности законно находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, и достигших возраста 18 лет, при наличии у каждого такого иностранного гражданина патента, выданного в соответствии со ст. 13.3 Федерального закона Российской Федерации «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Для получения патента иностранный гражданин представляет лично или через уполномоченную субъектом Российской Федерации организацию в территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере миграции:

- 1) заявление о выдаче патента;
- 2) документ, удостоверяющий личность данного иностранного гражданина и признаваемый Российской Федерацией в этом качестве;
- 3) миграционную карту;
- 4) договор (полис) добровольного медицинского страхования либо договор о предоставлении платных медицинских услуг, заключенный с медицинской организацией, находящейся в субъекте Российской Федерации, на территории которого данный иностранный гражданин намеревается осуществлять трудовую деятельность;
- 5) документы, подтверждающие отсутствие у данного иностранного гражданина заболевания наркоманией, выданные по результатам медицинского осмотра, включающего в себя химико-токсикологические исследования наличия в организме человека наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов, и инфекционных заболеваний;

6) документ, подтверждающий владение данным иностранным гражданином русским языком, знание им истории России и основ законодательства Российской Федерации;

7) документ, подтверждающий уплату штрафа за нарушение срока обращения за оформлением патента, в случае представления документов по истечении 30 календарных дней со дня въезда в Российскую Федерацию;

8) документы о постановке иностранного гражданина на учет по месту пребывания.

В 2016 г. в целях совершенствования государственного управления в сфере миграции Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 Федеральная миграционная служба упразднена, ее функции и полномочия переданы Министерству внутренних дел Российской Федерации.

При привлечении к труду осужденных – иностранных граждан имеются некоторые особенности, возникающие при оформлении их трудовой деятельности.

В соответствии с подписанным в г. Астане 29 мая 2014 г. Договором о Евразийском экономическом союзе (далее – Договором), работодатели и (или) заказчики работ (услуг) государства – члена союза вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности тружеников государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда [8, с. 63].

Особенности въезда, выезда, пребывания и трудовой деятельности физических лиц регулируются разделом XXVI указанного Договора. В соответствии с ч. 1 ст. 97 Договора работодатели и (или) заказчики работ (услуг) в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности тружеников государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда. При этом труженикам государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства.

Проблемными моментами, возникающими в исправительных учреждениях ФСИН России при привлечении к труду названной категории лиц, является оформление паспорта и обязательных платежей (страховых взносов) в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования, а также федеральный и территориальный фонды обязательного медицинского страхования и др.

В соответствии с п. 2 ст. 230 Налогового Кодекса РФ налоговые агенты представляют в налоговый орган по месту своего учета документ, содержащий сведения о доходах физических лиц за истекший налоговый период и суммах налога, исчисленного, удержанного и перечисленного в бюджетную систему Российской Федерации за этот налоговый период по каждому физическому лицу. Форма и порядок заполнения данных сведений утверждены приказом Федеральной налоговой службы России [9, с. 10].

Главой III разд. 2 данного приказа «Данные о физическом лице – получателя дохода» установлено, что в поле «ИНН в Российской Федерации» указывается идентификационный номер налогоплательщика – физического лица, подтверждающий постановку данного физического лица на учет в налоговом органе Российской Федерации.

В разд. 8 «Код документа, удостоверяющего личность» указывается код вида документа, удостоверяю-

шего личность, в соответствии со справочником «Коды видов документов, удостоверяющих личность налогоплательщика». В поле «Серия и номер» указываются реквизиты (серия и номер) документа, удостоверяющего личность налогоплательщика.

В соответствии с п. 1 ст. 81.1 УИК РФ регистрация и снятие с регистрационного учета по месту пребывания осужденных к лишению свободы граждан Российской Федерации, постановка на миграционный учет и снятие с миграционного учета по месту пребывания осужденных к лишению свободы иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляются администрацией соответствующего исправительного учреждения.

Вместе с тем в соответствии с п. 4 ст. 173 УИК РФ паспорт освобождаемого из мест лишения свободы, его трудовая книжка и пенсионное удостоверение, хранящиеся в личном деле осужденного, выдаются ему на руки при освобождении. При отсутствии паспорта, трудовой книжки и пенсионного удостоверения в личном деле осужденного, а также в случае, если срок действия паспорта истек, администрация исправительного учреждения заблаговременно принимает меры по их получению. В случае необходимости получения нового паспорта расходы, связанные с его выдачей, удерживаются из средств, находящихся на лицевом счете осужденного. Если у осужденного отсутствуют средства на лицевом счете, расходы, связанные с выдачей нового паспорта, оплачиваются за счет Российской Федерации.

На обязательность наличия у осужденных документа, удостоверяющего личность, указывает также п. 3 гл. III указанного приказа [10, с. 3].

В случае прибытия в учреждение, исполняющее наказание, иностранного гражданина, не имеющего документов, удостоверяющих личность, либо в случае, если срок действия указанных документов на момент окончания срока наказания истечет, администрация учреждения, исполняющего наказание, в течение месяца со дня прибытия направляет информацию об иностранном гражданине в территориальный орган МВД России (региональном уровне), расположенный в том же субъекте Российской Федерации.

Учитывая вышеизложенное, на всех осужденных – граждан иностранных государств необходимо оформлять документы, удостоверяющие личность, сведения из которых следует указывать в справках о доходах физических лиц по форме 2-НДФЛ. При отсутствии документов, удостоверяющих личность осужденных, администрация исправительного учреждения должна принять меры по их получению.

При привлечении к оплачиваемому труду осужденных – иностранных граждан и лиц без гражданства до момента получения ими документов, подтверждающих личность, могут возникнуть определенные затруднения. Так, в соответствии с п. 1 с. 126.1 Налогового кодекса РФ представление налоговым агентом налоговому органу документов, содержащих недостоверные сведения, влечет взыскание штрафа в размере 500 руб. за каждый представленный документ, содержащий недостоверные сведения.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской

Федерации» (далее – Закон № 115-ФЗ) определено, что трудовая деятельность иностранного гражданина – это работа иностранного гражданина в Российской Федерации на основании трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) [1, с. 2].

Разрешение на работу, или патент, выдается федеральным органом исполнительной власти в сфере миграции при наличии заключенного трудового договора между работником и работодателем. При этом в соответствии со ст. 15 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) и разъяснениями Минтруда России от 18 августа 2014 г. №14-2/10/6-5159, Генеральной прокуратуры РФ от 13 августа 2014 г. №17-30-2014 с осужденными, привлекаемыми к труду в исправительных учреждениях УИС, не заключаются трудовые договоры.

Федеральной службой исполнения наказаний в подведомственные территориальные органы телеграммой от 12 апреля 2011 г. № 14/6359-041 и письмом от 13 августа 2015 г. исх. № 05-51704 направлялись указания по вопросам, связанным с применением норм трудового и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. В них говорилось о том, что в связи с вступлением в силу обвинительного приговора суда осужденные привлекаются к труду в соответствии с требованиями уголовно-исполнительного законодательства [11, с. 96].

Статья 104 УИК РФ определяет условия труда осужденных к лишению свободы. Поскольку труд как средство исправления (ст. 9 УИК РФ) и обязанность (ст.ст. 11 и 103 УИК РФ) осужденных является одной из составляющих процесса отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы, их трудовые отношения с администрацией исправительного учреждения носят специфический характер.

В отличие от регулируемых ТК РФ правоотношений работника и работодателя, возникновение трудовых отношений осужденных к лишению свободы связано не с заключением трудового договора, основанного на свободном волеизъявлении сторон, а с обязанностью трудиться в связи с вступлением в силу обвинительного приговора суда. Кроме того, в данных отношениях отсутствуют присущие трудовым отношениям стороны – работник и работодатель.

В соответствии с подп. 5, 6 п. 9 ст. 18 Закона № 115 разрешение на работу иностранному гражданину не выдается, а выданное разрешение на работу аннулируется территориальным органом федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в случае, если данный иностранный гражданин осужден вступившим в законную силу приговором суда за совершение преступления или имеет непогашенную или неснятую судимость за совершение преступления на территории Российской Федерации либо за ее пределами.

Так, в письме Управления федеральной миграционной службы МВД по Республике Калмыкия от 21 июля 2017 г. № 5256 указывается, что в соответствии с подп. 5, 9 п. 9 ст. 18 Закона № 115 и подп. 6, 7 п. 38 приказа ФМС от 15 января 2015 г. № 5 «Об утверждении Административного регламента предоставления ФМС государ-

ственной услуги по оформлению и выдаче иностранным гражданам патентов» разрешение на работу либо патент иностранному гражданину не выдается, если иностранный гражданин осужден вступившим в законную силу приговором суда за совершение преступления, имеет непогашенную или неснятую судимость за совершение преступления на территории Российской Федерации либо за ее пределами.

Поэтому требования Закона № 115-ФЗ в связи с особенностями привлечения осужденных-иностранцев к труду в исправительных учреждениях УИС не применяются. Данная позиция подтверждена судебными актами – решениями Архангельского областного суда от 24 января 2013 г. по делу № 7р-47 и от 5 февраля 2013 г. по делу № 7р-05.

Таким образом, можно предложить при привлечении иностранных граждан к труду в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, на заработную плату производить начисления в Пенсионный фонд в размере 22%, в Фонд социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством – 1,8%, от несчастных случаев – минимум 0,2%, в Фонд медицинского страхования – 5,1%.

Вышеуказанные правовые коллизии, возникающие при привлечении к труду в исправительных учреждениях осужденных – иностранных граждан и лиц без гражданства, требуют дополнительного изучения и принятия соответствующих мер на законодательном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации* : федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
2. *О гражданстве Российской Федерации* : федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.
3. *Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации* : федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ (ред. от 11.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 51. Ст. 4832.
4. *Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством* : федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 18.
5. *Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний* : федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.
6. *Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации* : федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 105.
7. *Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений* : приказ Министерства юстиции РФ от 16.12.2016 № 295 (ред. от 27.06.2019) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.08.2019).
8. *Договор о Евразийском экономическом союзе* : подписан в г. Астане 29.05.2014 (ред. от 15.03.2018) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.09.2019).
9. *Об утверждении формы сведений о доходах физических лиц и суммах налога на доходы физических лиц, порядка заполнения и формата ее представления в электронной форме, а также порядка представления в налоговые органы сведений о доходах физических лиц и суммах налога на доходы физических лиц и сообщения о невозможности удержания налога, о суммах дохода, с которого не удержан налог, и сумме неудержанного налога на доходы физических лиц* : приказ ФНС России от 02.10.2018 № ММВ-7-11/566@ // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения: 02.09.2019).
10. *Об утверждении Регламента взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний, Министерства внутренних дел Российской Федерации и их территориальных органов при исполнении принятых Министерством юстиции Российской Федерации решений о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих освобождению из мест лишения свободы, и вынесенных Федеральной службой исполнения наказаний (территориальным органом Федеральной службы исполнения наказаний) решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства, осужденных за совершение умышленного преступления* : приказ Минюста России № 198, МВД России № 633 от 28.09.2018 // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения: 03.09.2019).
11. Корякин Е.А. Профилактика производственного травматизма привлекаемых к оплачиваемому труду осужденных в исправительных учреждениях: вопросы и ответы // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 96–101.

Involving Foreign Convicts to Labour in the Russian Federation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 87–91. DOI 10.17223/23088451/14/18

Evgeniy A. Koryakin, Kirov Advanced Training institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Kirov, Russian Federation). E-mail: e.a.koryakin@yandex.ru

Keywords: labour of convicted foreign citizens in correctional institutions of the Russian penal system.

The article analyses the result of a survey among employees of federal state-owned institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia on problems associated with involving foreign citizens convicted to imprisonment in the Russian Federation to paid work. The author identifies the conditions that have an effect on these legal relations and proposes recommendations and measures aimed at involving foreign citizens to work in labour adaptation centres and production workshops of correctional institutions. It is proposed to limit the requirements of the federal law “On Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation” regarding the issue of a work permit to convicted foreign citizen, who are to be paid salaries, from which accrue and insurance premiums must be paid to tax authorities and insurance funds.

References

1. The Russian Federation. (2002a) О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ [On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002].

- Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation.* 30. Art. 3032 (as amended on July 26, 2019).
2. The Russian Federation. (2002b) O grazhdanstve Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 31 maya 2002 g. № 62-FZ [On the citizenship of the Russian Federation: Federal Law No. 62-FZ of May 31, 2002]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation.* 22. Art. 2031 (as amended on July 26, 2019).
3. The Russian Federation. (2001) Ob obyazatel'nom pensionnom strakhovanii v Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 15 dekabrya 2001 g. № 167-FZ [On compulsory pension insurance in the Russian Federation: Federal Law No. 167-FZ of December 15, 2001]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation.* 51. Art. 4832 (as amended on December 11, 2018).
4. The Russian Federation. (2007) Ob obyazatel'nom sotsial'nom strakhovanii na sluchay vremennoj netrudosposobnosti i v svyazi s materinstvom: feder. zakon ot 29 dekabrya 2006 g. № 255-FZ [On compulsory social insurance for temporary incapacity for work and in connection with motherhood: Federal Law No. 255-FZ of December 29, 2006]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation.* 1(1). Art. 18 (as amended on December 27, 2018).
5. The Russian Federation. (1998) Ob obyazatel'nom sotsial'nom strakhovanii ot neschastnykh sluchaev na proizvodstve i profesional'nykh zabolevaniy: feder. zakon ot 24 iyulya 1998 g. № 125-FZ [On compulsory social insurance against industrial accidents and occupational diseases: Federal Law No. 125-FZ of July 24, 1998]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation.* 31. Art. 3803 (as amended on March 7, 2018).
6. The Russian Federation. (1997) Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 8 yanvarya 1997 g. № 1-FZ [The Penal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 1-FZ of January 8, 1997]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation.* 2. Art. 105 (as amended on July 26, 2019).
7. The Ministry of Justice of the Russian Federation. (n.d.) *Ob utverzhdenii pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh uchrezhdeniy, prikaz Ministerstva yustitsii RF ot 16 dekabrya 2016 g. № 295 (red. ot 27.06.2019)* [On approval of the internal regulations of correctional institutions, Order No. 295 of the Ministry of Justice of the Russian Federation of December 16, 2016 (as amended on June 27, 2019)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210064/ (Accessed: 20th August 2019).
8. The Eurasian Economic Union. (n.d.) *Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskem soyuze, podpisany v g. Astane 29 maya 2014 g. (red. ot 15.03.2018)* [The Treaty on the Eurasian Economic Union, signed in Astana on May 29, 2014 (as amended on March 15, 2018)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (Accessed: 8th September 2019).
9. The Federal Tax Service of Russia. (2018) *On approval of the form of information on the income of individuals and the amount of tax on the income of individuals, the procedure for filling in and the format for its submission in electronic form, as well as the procedure for submitting information to the tax authorities on the income of individuals and the amount of tax on personal income and reporting the impossibility of withholding tax, on the amount of income from which the tax was not withheld, and on the amount of the withholding tax on personal income, Order No. MMV-7-11 / 566@ of the Federal Tax Service of Russia of October 2, 2018.* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309480/ (Accessed: 2nd September 2019). (In Russian).
10. The Ministry of Justice of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia. (2018) *On approval of the Rules of interaction of the Federal Penitentiary Service, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and their territorial bodies in the execution of decisions adopted by the Ministry of Justice of the Russian Federation on the undesirability of staying in the Russian Federation of foreign citizens or stateless persons subject to release from custody, and decisions made by the Federal Penitentiary Service (territorial body of the Federal Penitentiary Service) about the prohibition to enter the Russian Federation by foreign citizens or stateless persons convicted of an intentional crime, Order No. 198 of the Ministry of Justice of Russia, Order No. 633 Ministry of Internal Affairs of Russia of September 28, 2018.* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310613/ (Accessed: 3rd September 2019). (In Russian).
11. Koryakin, E.A. (2018) Prevention of industrial injuries of convicts engaged in paid labour in correctional facilities: Questions and answers. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law.* 12. pp. 96–101. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/12/19

С.И. Кузьмин, Е.С. Чуканова**ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО И БЫТОВОГО УСТРОЙСТВА ОСВОБОЖДАЕМЫХ ОСУЖДЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Подвергнута анализу поисковая работа, нацеленная на повышение эффективности результатов трудового и бытового устройства лиц, освобождаемых из мест лишения свободы. Особое внимание уделено решению этой проблемы в современных условиях и показаны пути ее решения в отдельных субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: исправительно-трудовая политика, рецидивная преступность, трудовое и бытовое устройство, осужденные, общественность, поиск.

После амнистии 1953 г. в стране принимались меры, направленные на изменение сущности исправительно-трудовой политики государства в новых социально-политических условиях. В частности, МВД СССР направило 5 апреля 1956 г. в ЦК КПСС доклад «О назревшей реорганизации ИТЛ МВД». В нем обращалось внимание на то, что указания директивных органов, обязывающие руководителей хозяйственных учреждений и предприятий оказывать всемерное содействие в трудоустройстве лицам, освобожденным из мест заключения, выполняются неудовлетворительно. Некоторые руководители вопреки указаниям партии и правительства под разными предлогами отказываются принимать на работу бывших заключенных, объясняя это нежеланием «засорять» кадры подведомственных им учреждений.

Отсутствие необходимой заботы и несвоевременное устройство на работу лиц, освобожденных из лагерей и тюрем, указывалось в докладе, приводит к тому, что многие из них длительное время не работают, а наиболее неустойчивая часть, не имея средств к существованию, вновь совершает преступления. Поэтому необходимо в кратчайший срок навести порядок в деле трудового устройства освобожденных из мест заключения, усилить внимание к этому важному делу местных партийных и советских органов, руководителей учреждений и предприятий, создавать таким лицам жилищно-бытовые условия, всемерно содействуя им в быстрейшем приобщении к честной жизни.

Реакция на этот доклад содержалась в п. 12 Постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР» от 25 октября 1956 г. [1, л. 140–146], которым на советы министров союзных и автономных республик, исполнительные комитеты краевых, областных, городских и районных советов депутатов трудящихся возлагалась ответственность за трудовое устройство лиц, освобожденных из мест заключения.

В соответствии с постановлением лица, отбывшие наказание в местах заключения, должны трудоустраиваться не позднее двухнедельного срока со дня прибытия их к месту жительства с учетом имеющихся из них специальностей. Местные советские органы обязывались в необходимых случаях предоставлять лицам, освобожденным из мест заключения, жилую площадь, а также заботиться о том, чтобы они быстрее включались в общественно-трудовую жизнь. Установленный срок для

трудоустройства был обязателен как для исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся, так и для освобожденных от наказания.

Таким образом, во второй половине 50-х гг. XX в. пришло понимание того, что исправительно-трудовые учреждения должны наряду с мерами по перевоспитанию заключенных способствовать сокращению рецидивной преступности. Для этого следовало наладить работу по трудоустройству освобожденных, своевременно информировать органы внутренних дел об убытии явно не исправившихся заключенных, получать информацию об освобожденных, об их жизни на свободе. Здесь-то и пригодился опыт 1930-х гг. в решении данной проблемы. В аппаратах управлений мест заключения была введена должность специального работника, на которого были возложены обязанности по трудоустройству освобожденных заключенных, ведению переписки с предприятиями и освобожденными, анализу проводимой работы [2, с. 95–102]. Разумеется, эффективность этой деятельности не могла быть высокой, так как в структуре колоний, лагерных отделений и лагпунктов не были предусмотрены сотрудники, на которых бы возлагалась эта функция. При этом следует иметь в виду, что 70% заключенных освобождались, отбыв только половину срока, установленного судом.

В последующие годы советская доктрина в области исполнения уголовных наказаний стала считать невозможным достижение цели наказания без активного участия общественных формирований граждан. Только общественность в состоянии обеспечить успешную реорганизацию осужденных после их освобождения из условий длительной изоляции от общества.

На рубеже 1950–1960-х гг. активизация этой работы в стране непосредственно связана с письмом ЦК КПСС в партийные организации, одобрившим в 1959 г. инициативу по организации шефства промышленных предприятий над исправительно-трудовыми колониями Челябинской области. В письме говорилось: «Необходимо всемерно расширять связи предприятий, совхозов, колхозов и общественных организаций с исправительно-трудовыми учреждениями, содействовать улучшению дела перевоспитания и профессионального обучения осужденных. В этом отношении заслуживает одобрения инициатива трудящихся Челябинского трубопрокатного завода. Коллектив этого предприятия оказывает систематическую помощь исправительно-трудовой колонии

в налаживании производства, предоставляет заключенным отдельные участки работы, заранее закрепляет рабочие места для лиц, желающих после отбытия ими срока наказания оставаться постоянно трудиться на заводе».

В последующие годы вопросы трудоустройства освобожденных из ИТУ стали решаться на законодательном уровне. Так, в принятых в 1969 г. Основах исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик [3] на исполнительные комитеты местных советов депутатов трудящихся возлагалась задача по обеспечению освобожденных из исправительно-трудовых учреждений работой не позднее 15-дневного срока со дня обращения за содействием в трудоустройстве (ст. 47).

В 1959 г. в Челябинской области зародилась и впоследствии получила широкое распространение такая форма участия советской общественности в деятельности в исправительно-трудовых учреждений, как шефство трудовых коллективов предприятий и цехов над ИТК и отдельными отрядами осужденных. Оно выступало в двух видах:

а) шефство над самими исправительно-трудовыми учреждениями, имевшее целью оказание помощи администрации колоний в их работе по созданию или укреплению имеющейся в ИТУ производственной базы для лучшей организации труда заключенных, их профессионально-технического обучения;

б) шефство над заключенными в ИТУ, т.е. непосредственное участие в исправительно-трудовом процессе для скорейшего исправления и перевоспитания осужденных и возвращения их на путь честной трудовой жизни и непосредственное закрепление его результатов посредством трудового и бытового устройства лиц, освободившихся из мест заключения, в коллективах трудящихся фабрик, заводов, строек, колхозов, совхозов [4, с. 87].

Для руководителей предприятий, учреждений, организаций предписания исполнительных комитетов местных советов депутатов трудящихся о трудоустройстве лиц, освобожденных от наказания, согласно ст. 104 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1970 г. [5] являлись обязательными.

Следует иметь в виду, что правовые основы сами по себе не решают проблем, они только создают необходимые для этого предпосылки, нужен механизм реализации таких предпосылок. Поэтому четкая система этой работы стала регламентироваться изданным МВД ССР приказом № 0475 от 1971 г., утвердившим Инструкцию о порядке освобождения из мест лишения свободы, выдачи им паспортов и оказанию содействия освобожденным в трудовом устройстве. В развитие данного приказа в 1973 г. в штаты исправительно-трудовых колоний была введена должность старшего инспектора по трудовому и бытовому устройству освобожденных. Инструкция установила определенную систему работы исправительно-трудовых учреждений по подготовке осужденных к освобождению. В соответствии с ней начальник отряда за три месяца до освобождения обязан был выяснить, где освобожденный намерен проживать, работать и какая ему нужна помочь в трудовом и бытовом устройстве.

За два месяца до освобождения администрация ИТУ направляла в адрес предприятия, учреждения, организации или в исполком местного совета депутатов трудящихся по месту, избранному освобожденным, письмо с просьбой оказать помощь в трудовом и бытовом устройстве. Копия письма направлялась в районный (городской) орган внутренних дел.

Для контроля за прибытием освобожденных к избранному месту жительства и своевременным устройством на работу администрация ИТУ за 20 дней до освобождения осужденных высыпала в территориальные органы внутренних дел извещение. О прибытии освобожденных, их трудовом и бытовом устройстве органы внутренних дел направляли в исправительно-трудовые учреждения сообщения.

Накопленный опыт и выявленные проблемы, связанные с трудовым и бытовым устройством освобожденных, нашли отражение в приказе МВД ССР от 2 сентября 1977 г. № 0710, утвердившим Инструкцию об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве лицам, отбывшим наказание, и порядке сообщения о них органам внутренних дел. В соответствии с Инструкцией подготовка осужденных к освобождению возлагалась: в ИТУ – на старших инспекторов по трудовому и бытовому устройству, начальников отрядов; в спецкомендатурах – на инспекторов по трудовому использованию и инспекторов профилактики; в отделах внутренних дел – на работников инспекций исправительных работ, а также работников инспекции по делам несовершеннолетних.

Как показала дальнейшая практика, система взаимодействия ИТУ и ОВД, предусмотренная Инструкцией, не обеспечивала достижения желаемых результатов. В связи с этим в 1980 г. были предприняты попытки создания в ГУВД (УВД) специальных подразделений трудоустройства. В штаты создаваемых отделов вошли старшие инспекторы по трудовому и бытовому устройству освобожденных. В частности, в ГУВД Леноблгорисполкомов в структуре отдела были созданы следующие структурные подразделения: группа обобщения информации о потребности рабочей силы и наличии мест в общежитиях в определенном регионе; группа по предварительному решению вопросов трудового и бытового устройства лиц, освобожденных от наказания; группа по организации бытового и трудового устройства освобожденных лиц в Ленинграде и контролю за деятельностью городских территориальных подразделений трудоустройства и инспекций исправительных работ; группа по организации бытового и трудового устройства освобожденных лиц в Ленинградской области и контролю за деятельностью областных территориальных подразделений трудоустройства и инспекций исправительных работ. Однако и этот эксперимент не принес положительных результатов [2, с. 467].

За время отбывания наказания каждый пятый осужденный, освобожденный от наказания в конце 1980-х гг., утратил социально-полезные связи и право на жилую площадь, являлся инвалидом, престарелым или имел ограниченную трудоспособность, нуждался в трудовом и бытовом устройстве, материальной помощи.

По инициативе органов внутренних дел в отдельных регионах (Самара, Тольятти, Ивановская, Ярославская области) предпринимались меры по решению проблемы посредством создания на базе спецкомендатур Центров социальной адаптации для лиц, нуждающихся в трудовом и бытовом устройстве.

Для устройства инвалидов и лиц престарелого возраста из числа освобожденных из мест лишения свободы в каждом регионе организовывался специнтернат, в котором руководство фактически принадлежало не администрации, а криминальному авторитету, который устанавливал и поддерживал тюремные порядки среди обитателей этого заведения.

В переходный период от социализма к капитализму существенные изменения претерпели государственно-правовые отношения, уголовная и уголовно-исполнительная политика, что не могло не сказаться на положении лиц, освобожденных от наказания. Государственные органы потеряли всякий интерес к этой категории граждан.

Об актуальности проблемы трудового и бытового устройства лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, свидетельствует тот факт, что 20 апреля 2015 г. она обсуждалась на телеканале общественного российского телевидения. Что же услышали телезрители из уст участников дискуссии? Так, Геннадий Баркаев, сотрудник Фонда в защиту прав человека, обратил внимание на то, что не существует ни одной организации, которая помогала бы человеку, освободившемуся из места заключения, решить его проблемы. Выход из положения он видит в принуждении работодателей со штатом сотрудников от 100 человек трудоустраивать 2–3 освобожденных, не обязательно инвалидов или из числа молодежи.

По мнению доктора юридических наук, профессора В.И. Селиверстова, необходимо создать общегосударственную систему реосоциализации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы. Кандидат юридических наук, доцент Н.Б. Хугорская предложила использовать зарубежный опыт и создать службу пробации, которая бы предоставляла жилье, помогала восстанавливать социально-полезные связи осужденных. Поскольку, по ее мнению, исправить взрослого человека невозможно, то его нужно готовить к освобождению в процессе исполнения наказания, используя в этих целях сформировавшийся еще в советское время белорусский опыт, в соответствии с которым уже в начале отбывания наказания на каждого осужденного составлялся индивидуальный план, определяющий, что должен изменить в себе человек (получить среднее образование, приобрести специальность, погасить иск, выплачивать алименты, восстановить родственные связи, повысить уровень трудовой квалификации, проявить себя в общественной жизни и т.д.).

При обсуждении поднимался и вопрос о том, в каких условиях содержать осужденных, тем более что примерно 2/3 из них, обладая по закону правами, не могут их реализовать из-за отсутствия работы.

Обсуждение проблемы трудового и бытового устройства освобожденных осужденных, несомненно, представляло интерес, но участники дискуссии подошли с одной меркой ко всем, а это вовсе не так. Вся масса

правонарушителей в реальности дифференцируется на три категории.

К первой категории относятся те, кто сознательно выбирает для себя преступный образ жизни и придерживается его. Отбывая наказание, они строго соблюдают так называемый «кодекс чести арестанта», и вовсе не потому, что боятся наказания за его нарушение. Они представляют интерес для организованных преступных группировок на свободе и через «смотрящих за зоной» получают рекомендацию о дальнейшем «трудовом» и бытовом устройстве. Нуждающимся предоставляется жилье, при необходимости для них приобретаются транспортные средства, предоставляется «рабочее» место.

Ко второй категории относится так называемый «социально-вредный элемент». К примеру, на 1 января 1939 г. в лагерях из общего числа заключенных 1 289 491 человек таких было 279 526, т.е. каждый пятый. Лица без определенного места жительства (бомжи), не работавшие и не желающие трудиться в общественном производстве.

Третья категория – те, кто и рад бы трудиться, но из-за отсутствия жилой площади и прописки не может этого сделать даже при наличии объектов труда. Именно эта, вовсе не многочисленная категория нуждается в поддержке со стороны как государства, так и общественности, о чем свидетельствует исторический опыт решения указанной проблемы. В соответствии с этим опытом территориальные органы уголовно-исполнительной системы (на уровне управлений) должны создавать собственные предприятия с общежитиями (за счет своих средств и привлечения общественных формирований граждан, благотворительных акций и т.п.) для трудоустройства лиц, освобожденных от наказания и нуждающихся в этом. Другой путь – предоставление освобожденным возможности трудового и бытового устройства в колониях-поселениях.

Социальная реабилитация таких лиц (отбор и направление) может быть возложена на существующие уголовно-исполнительные инспекции, и тогда вовсе не будет никакой надобности в законе о социальной реабилитации освобожденных от наказания.

Вместе с тем существуют и другие подходы к решению этой сложной проблемы. В частности, Федеральная служба исполнений наказаний ищет возможности трудового и бытового устройства освобождаемых осужденных. С этой целью ведомство планирует забирать обанкротившиеся предприятия в неблагополучных регионах, восстанавливать их, направлять на работу осужденных из местных колоний, которые после освобождения получат там жилую площадь. Заместитель директора ФСИН России Валерий Максименко сообщил, что в качестве эксперимента выбрали Вологодскую область, где планируется создать агрохолдинг со свинокомплексом, комбикормовым заводом и т.д. В производственном процессе будет занято порядка 5 000 человек, из которых 3 000 осужденных. Аналогичные проекты предполагается реализовать в Калининграде, Тамбове, Воронеже, Кирове и ряде других городов. Прорабатывается также идея использовать труд осужденных на шахтах после обучения профессии в течение года. Кроме заработной платы они будут получать со-

циальный пакет в виде дополнительного питания. После выхода на свободу за ними сохранится рабочее место и будет предоставлена жилая площадь.

Думается, что руководство ФСИН России в процессе экспериментальной работы объективно оценит до-

стигаемые результаты, и в дальнейшем такое решение поднятой проблемы позволит территориальным органам уголовно-исполнительной системы более эффективно решать проблему трудового и бытового устройства лиц, отбывших уголовное наказание.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 315. Л. 140–146.
2. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М. : Юрлитинформ, 2009. 477 с.
3. Об утверждении Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 11.07.1969 № 4074-VII // Ведомости ВС СССР. 1969. № 29. Ст. 247.
4. Кузьмин С.И. Деятельность исправительно-трудовых учреждений (1936–1960 гг.). М. : Акад. МВД СССР, 1989. 92 с.
5. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 18.12.1970 (ред. от 21.12.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1970. № 51. Ст. 1220.

Problems of Employment and Social Adaptation of Released Convicts in the Russian Penitentiary System

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 92–95. DOI 10.17223/23088451/14/19

Stanislav I. Kuzmin, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: nii@fsin.ru
Evgeniya S. Chukanova, Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: evgeniya.rybina@mail.ru

Keywords: correctional labour policy, recidivism, employment and social adaptation, convicts, public, search.

Social rehabilitation of convicts can be supervised by the existing penal inspections, which makes the law on social rehabilitation of those released from punishment unnecessary. In turn, the Federal Penitentiary Service plans to take bankrupt enterprises in disadvantaged regions to restore them and employ prisoners from local colonies, who, after their release, get a housing there. According to Deputy Director of the Federal Penitentiary Service of Russia Valery Maksimenko, Vologda Oblast has been chosen as an experiment field. It has been planned to create an agricultural holding with a pig-breeding farm, a feed mill and other industries to employ about 5,000 people, of which 3,000 are convicts. Similar projects are to be launched in Kaliningrad, Tambov, Voronezh, Kirov and a number of other cities. The idea is also being worked out to use the labour of convicts in mines, after their getting a one-year professional training. In addition to a large salary, they are to receive a supplementary social benefit of complementary food. After their release, the former convicts retain their working places and are provided with a housing. The governing body of the Federal Penitentiary Service of Russia will objectively evaluate the results of the experiment, so that in future, this practice might be used by territorial penal bodies to more effectively solve the problem of employment and social adaptation of former convicts.

References

1. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9401. List 12. File. 315. pp. 140–146.
2. Detkov, M.G. (2009) *Tyur'my, lagerya i kolonii Rossii* [Prisons, camps and colonies in Russia]. Moscow: Yurlitinform.
3. USSR. (1969) Zakon SSSR ot 11.07.1969 № 4074-VII “Ob utverzhdenii Osnov ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik” [Law No. 4074-VII of the USSR of July 11, 1969, “On the Approval of the Fundamentals of Correctional Labour Legislation of the Union of Soviet Socialist Republics and Union Republics”]. *Vedomosti VS SSSR*. 29. Art. 247.
4. Kuzmin, S.I. (1989) *Deyatel'nost' ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy (1936–1960 gg.)* [The activity of correctional labour institutions (1936–1960)]. Moscow: Academy of the USSR Ministry of Internal Affairs.
5. USSR. (1970) Ispravitel'no-trudovoy kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 18.12.1970) (red. of 21.12.1996) [The Correctional Labour Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on December 18, 1970) (as amended on December 21, 1996)]. *Vedomosti VS RSFSR*. 51. Art. 1220.

С.И. Паканич

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫПЛАТЫ СОТРУДНИКАМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАЕМ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Рассматривается процедура выплаты сотрудникам уголовно-исполнительной системы Российской Федерации социально-правовой гарантии в виде компенсации за наем жилого помещения по месту службы на современном этапе. Актуальность изучения заявленной проблемы обусловливается объективной необходимостью совершенствования российского законодательства и практики его применения в данной сфере, в том числе с учетом достижений зарубежных стран в этой области. Для получения достоверных результатов при выявлении уровня обеспеченности жилыми помещениями указанных сотрудников автором проведены опрос и анкетирование 234 слушателей первоначальной подготовки и повышения квалификации из 4 федеральных округов в период с 2013 по 2019 г. на базе Кузбасского института ФСИН России и Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России. На основе полученных результатов, анализа правовой базы и практики деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по выплате компенсации за наем жилого помещения по месту службы отмечается ряд проблемных вопросов, а также высказываются отдельные предложения по их решению. По мнению автора, некоторые положения могут быть успешно реализованы в действующем законодательстве в современных условиях реформирования в рамках Концепции развития УИС РФ до 2020 г.

Ключевые слова: персонал, персонал уголовно-исполнительной системы, сотрудники уголовно-исполнительной системы, социальная гарантия, компенсация, компенсация за наем жилого помещения по месту службы.

Актуальность вопросов социально-правовой защиты сотрудников правоохранительных органов обусловлена объективной потребностью общества в эффективной системе обеспечения правопорядка, способной гарантировать защиту личности, общества и государства от преступных посягательств. Кроме того, социальная защита рассматриваемой категории сотрудников является одним из условий эффективной политики государства по борьбе с коррупцией [1].

Социально-правовой защите сотрудников, исполняющих уголовные наказания, долгое время не уделялось должного внимания. Изучение архивных материалов, нормативно-правовой, учебной и научной литературы и других источников дает основание полагать, что на всех исторических этапах развития нашего государства состояние правовой и социальной защиты персонала уголовно-исполнительской системы (УИС) оказывало прямое влияние на эффективность деятельности данной системы государственных органов.

Служба в УИС не считается престижной среди населения нашей страны. Заработная плата персонала в крупных городах и промышленно развитых субъектах Российской Федерации существенно меньше среднего дохода населения в этих регионах. Негативную динамику показывают статистические данные. Так, в 2016 г уволились из уголовно-исполнительной системы 18 423 сотрудника, в 2017 г. – 19 191, в 2018 г. – 22 476 [2]. В этой связи в Концепции развития УИС РФ до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р подчеркивается, что несоответствие денежного довольствия объему, сложности и характеру работы является основным мотивом увольнения работников уголовно-исполнительной системы и снижения требовательности к персоналу [3].

В силу этого важным направлением реформирования УИС РФ является обеспечение необходимого

уровня социальной защиты лиц, исполняющих уголовные наказания. В этих целях руководством Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФСИН России) принятые меры по решению социальных вопросов личного состава пенитенциарных учреждений. Однако ряд проблем остается. Среди них одной из наиболее острой выступает отсутствие у сотрудников по месту прохождения службы жилых помещений.

Полагаем, что наличие жилищно-бытовых проблем у сотрудников УИС оказывает непосредственное влияние на качество выполнения личным составом стоящих перед ними задач.

Обозначенную зависимость в своих исследованиях неоднократно отмечал известный американский психолог Абрахам Маслоу. По его мнению, мотивация и качество труда человека во многом зависят от удовлетворения первичных физиологических потребностей (в еде, питье, убежище, отдыхе). Без их удовлетворения становится невозможным реализовать весь потенциал работника [4]. Подобные выводы делают и современные исследователи. Например, Е.Г. Воробьев, И.В. Печенев отмечают, что очевидная недостаточность нормального удовлетворения жилищных расходов служащих негативным образом сказывается на сохранении и развитии кадрового потенциала работников [5].

Об этом же свидетельствуют и проведенные нами анкетирование и опрос на базе Кузбасского института ФСИН России и Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России среди слушателей первоначальной подготовки и повышения квалификации в период с 2013 по 2019 г. Согласно полученным нами данным, из опрошенных сотрудников только 29% имеют собственное жилье, 36% живут с родителями, 35% снимают жилье. По оценкам большинства респондентов (98%), отсутствие собственного жилья отрицательно влияет на эффективность работы сотрудников, порождает недовольство, способствует текучести кадров.

С целью надлежащей социально-правовой защиты сотрудников при отсутствии у них жилья законом предусмотрена выплата компенсации за наем жилого помещения по месту службы [6]. Вместе с тем для реализации своего права на данную социальную гарантию сотруднику необходимо преодолеть ряд трудностей как правового, так и организационного характера. Остановимся на них более подробно.

В первую очередь следует заметить, что в настоящее время гарантия в виде компенсации за наем жилого помещения имеет исключительно заявительный характер. Вместе с тем метод включенного наблюдения показывает, что многие сотрудники не знают своих прав в сфере социально-правовой защиты. Информация на служебной подготовке в данном направлении представляется крайне скучно и размыто, поэтому ряд сотрудников не реализуют свое право.

Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать использование зарубежного опыта. Например, в целом ряде европейских стран (Великобритания, Нидерланды, Германия) при приеме на работу кадровые подразделения уточняют у кандидата на службу наличие жилья. В случае его отсутствия ему оказывается помочь в получении соответствующей компенсации. При этом компенсацию за наем жилья получают не только государственные служащие, но и обычные малообеспеченные граждане [7].

Следующим проблемным вопросом получения сотрудником УИС компенсации за наем жилья по месту службы является процедура реализации рассматриваемого права. Частично это процедура регламентирована Постановлением Правительства РФ от 9 сентября 2016 г. № 894 [8]. Для получения компенсации сотрудник должен написать рапорт и собрать документы, подтверждающие наличие либо отсутствие у него и членов его семьи в собственности жилых помещений по месту службы. Однако форма соответствующего рапорта не определена. Не указан и исчерпывающий перечень документов. В этой связи обозначенные вопросы в каждом учреждении решаются по-разному.

Например, в некоторых учреждениях сотрудники собирают справки из Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии и бюро технической инвентаризации. В других к этому перечню добавляют справки муниципального жилищного центра. Подобная неопределенность в ряде случаев дает возможность членам жилищной комиссии, рассматривающей документы, злоупотреблять своим положением, требуя у сотрудника документы по своему усмотрению, а также самостоятельно определять периодичность их предоставления. В результате выплата компенсации затягивается, а в ряде случаев становится недоступной для сотрудника.

В целом, анализируя вышеназванные положения, считаем, что подобная реализация рассматриваемого права не способствует достижению заявленных в законе целей по социальной защите сотрудника, не имеющего жилья по месту службы. Более того, полагаем, что включение в перечень необходимых документов, подтверждающих наличие либо отсутствие в собственности сотрудника и членов его семьи жилых помеще-

ний, создает противоречия с другими подзаконными актами. Так, предоставление в жилищную комиссию подобных документов не требуется сотрудникам следственного комитета [9], военнослужащим [10], прокурорам [11] и судьям [12]. Представляется, что тем самым нарушается Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [13], указывающий на единство правовых и организационных основ государственной службы (закрепление единого подхода к организации государственной службы).

Дабы преодолеть подобные противоречия, следует закрепить обязанность проверки наличия либо отсутствия в собственности сотрудника и членов его семьи жилых помещений в субъекте Российской Федерации, в котором он проходит службу, за оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы. Так, ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [14] дает право оперативным службам проводить мероприятия в виде наведения справок. При этом законные требования должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, обязательны для исполнения юридическими лицами, к которым такие требования предъявлены.

В настоящее же время сотрудники УИС вынуждены тратить собственные средства и служебное время для получения рассматриваемой социальной гарантии. Таким образом, персонал учреждений и органов УИС, и без того не имеющий возможности решить свои жилищные проблемы по месту службы, вынужден нести дополнительные расходы. Это, в свою очередь, не отвечает требованиям законодательства, так как реализация рассматриваемых прав должна защищать сотрудника, а не ставить в невыгодное для него и членов его семьи положение.

При этом в отличие от граждан, не состоящих на государственной службе, сотрудники УИС в значительной степени лишены возможности собственными легальными действиями повысить свой уровень жизни, решить жилищные и другие социально-бытовые проблемы. Такое положение обусловлено ограничениями и запретами, связанными с прохождением государственной службы в учреждениях и органах УИС, напряженностью и интенсивностью их труда. Поэтому считаем, что решение жилищных проблем сотрудника УИС во многом способствует профилактике коррупционного поведения с его стороны.

В конечном счете в целях повышения социально-правовых гарантий сотрудников УИС России мы выступаем за внесение ряда изменений в Постановление Правительства РФ от 9 сентября 2016 г. № 894. Представляется необходимым отказаться от заявительного характера предоставляемых социальных гарантий, как это осуществляется в ряде зарубежных стран. В частности, первоначальную работу для получения соответствующих компенсаций мы предлагаем возложить на кадровые подразделения. При поступлении сотрудника на службу (либо его переводе) сотрудник отдела кадров выясняет у него наличие по месту службы жилых помещений. При их отсутствии кадровые подразделения сообщают соответствующую информацию в жилищную комиссию. Ответственный сотрудник жилищной

комиссии в таком случае оказывает помощь сотруднику в написании рапорта (поскольку его образца закон не содержит), запрашивает справку из отдела кадров о составе семьи сотрудника, а также делает запрос в оперативные подразделения о проверке достоверности предоставляемых сотрудником сведений. При поступлении соответствующей информации из оперативных подразделений проводится заседание жилищной комиссии и осуществляется выплата сотруднику.

Таким образом, проведенное нами исследование показало наличие ряда факторов, негативно влияющих на реализацию социальных гарантий сотрудниками УИС. Среди них следует отметить: ограниченное количество

материальных ресурсов; несовершенство правовых и организационных основ; низкий уровень правовой пропаганды и культуры. Полагаем, что внесение обозначенных нами изменений в теорию и практику деятельности учреждений и органов УИС повысит качество работы персонала уголовно-исполнительной системы. Это, в свою очередь, будет способствовать достижению целей законодательства по исправлению осужденных и предупреждению новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Актуальность перечисленных выше проблем обуславливает необходимость их дальнейшего теоретического осмысления и разрешения в нормах законодательства и практике его реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шинкарев А.И. Социальный контроль в системе обеспечения правопорядка органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 26 с.
2. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь–декабрь 2018 г. : инф.-аналит. сб. Тверь : ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2019. 374 с.
3. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43.
4. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. М. : Евразия, 1997. 432 с.
5. Воробьев Е.Г., Печенев И.В. Механизм установления размера компенсации бесквартирным военнослужащим расходов за наем (поднаем) жилых помещений: по-военному прост, по-граждански примитивен // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 7 (217). С. 43–63.
6. О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации Федеральный закон от 30.12.2012 № 283-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Рос. газ. 2013. № 3.
7. Полиди Т.Д. Применение инструментов градостроительной и жилищной политики для увеличения предложения доступного жилья : российская и зарубежная практика повышения доступности жилья. М. : Фонд «Ин-т экономики города», 2018. 20 с.
8. О порядке и размерах выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений сотрудникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы и таможенных органов Российской Федерации, а также членам семей сотрудников указанных учреждений и органов, погибших (умерших) вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в этих учреждениях и органах : постановление Правительства РФ от 09.09.2016 № 894 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 38. Ст. 5544.
9. О порядке и размерах выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений сотрудникам Следственного комитета Российской Федерации Постановление Правительства РФ от 20.06.2011 № 482 (ред. от 09.06.2016) // Рос. газ. 2011. № 135.
10. О порядке выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей : постановление Правительства РФ от 31.12.2004 № 909 (ред. от 29.12.2016) // Рос. газ. 2005. № 8.
11. О порядке и размере выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений прокурорам, а также работникам, замещающим в научных и образовательных организациях прокуратуры Российской Федерации должности, по которым предусмотрено присвоение классных чинов Постановление Правительства РФ от 30.06.2018 № 771 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 28. Ст. 4233.
12. Об утверждении Положения о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений судьям судов общей юрисдикции : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 07.06.2012 № 124 (ред. от 07.11.2018) // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 12.
13. О системе государственной службы Российской Федерации : федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Рос. газ. 2003. № 104.
14. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Рос. газ. 1995. № 160.

Topical Issues of Paying Compensation for Residential Tenancy to Penitentiary System Personnel

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 96–99. DOI 10.17223/23088451/14/20

Sergey I. Pakanich, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian). E-mail: sergeipakanich@mail.ru
Keywords: personnel, penitentiary system personnel, penitentiary system employees, social guarantee, compensation, compensation for residential tenancy at place of duty.

The improvement of social and legal guarantees for the penitentiary system employees requires a number of changes to the Decree No. 894 of the Government of the Russian Federation of September 9, 2016. It seems necessary to abandon the declarative nature of the provided social guarantees, as is done in a number of foreign countries. In particular, the initial work to obtain appropriate compensation should be carried out by personnel departments. When an employee enters the service (or transferred from another division), the personnel officer is to find out from whether the employee has any housing at the place of service. If no, the personnel officer is to

report to the housing commission, whose officer is to assist the employee in writing the application (since there is no sample in the corresponding law), to request a household composition certificate from the personnel department, and inquires the operational units to verify the accuracy of the information provided by the employee. Upon receipt of the relevant information from the operational unit, the housing commission gets to decide upon payment to the employee. These changes are meant to improve the quality of work of penal system personnel, which will help achieve the goals of the law to correct convicts and prevent new crimes, by both convicts and other persons.

References

1. Shinkarev, A.I. (2006) *Sotsial'nyy kontrol' v sisteme obespecheniya pravoporyadka organami vnutrennikh del* [Social control in the system of law enforcement by internal affairs bodies]. Abstract of Law Cand. Diss. Nishny Novgorod.
2. The Federal Penal Service of the Russian Federation. (2019) *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy yanvar' – dekabr' 2018 g.* [Key performance indicators of the penal system in January – December 2018]. Tver: The Federal Penal Service of the Russian Federation.
3. The Russian Federation. (2010) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14.10.2010 № 1772-r “O Kontseptsii razvitiya ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda” (red. ot 23.09.2015) [Decree No. 1772-r of the Government of the Russian Federation of October 14, 2010, “On the Concepts for the Development of the Penal System of the Russian Federation until 2020” (as amended on September 23, 2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 43.
4. Maslow, A. (1997) *Dal'nie predely chelovecheskoy psikhiki* [The Farther Reaches of Human Nature]. Translated from English. Moscow: Evraziya.
5. Vorobiev, E.G. & Pechenev, I.V. (2015) Mekhanizm ustanovleniya razmera kompensatsii beskvartirnym voennosluzhashchim raskhodov za naem (podnaem) zhilykh pomeshcheniy: po-voennomu prost, po-grazhdanski primitiven [The mechanism for determining the amount of compensation for the costs of hiring (renting) living quarters: soldierly simple, primitive in the civil style]. *Pravo v Vooruzhennykh silakh*. 7(217). pp. 43–63.
6. The Russian Federation. (2013) Federal'nyy zakon ot 30.12.2012 № 283-FZ (red. ot 19.12.2016) “O sotsial'nykh garantiyakh sotrudnikam nekotorykh federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti i vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 283-FZ of December 30, 2012, (as amended on December 19, 2016) “On Social Guarantees for Employees of Some Federal Executive Bodies and Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Rossiyskaya gazeta*. 3.
7. Polidi, T.D. (2018) *Primenenie instrumentov gradostroitel'noy i zhilishchnoy politiki dlya uvelicheniya predlozheniya dostupnogo zhil'ya: rossiyskaya i zarubezhnaya praktika povysheniya dostupnosti zhil'ya* [The urban planning and housing policy tools to increase the supply of affordable housing: Russian and foreign practice of increasing housing affordability]. Moscow: Fond “Institut ekonomiki goroda”.
8. The Russian Federation. (2016) Decree No. 894 of the Government of the Russian Federation of September 9, 2016, “On the procedure and amount of payment of monetary compensation for the rental (lease) of premises to employees of institutions and bodies of the penal system, federal fire service of the State Fire Service and customs authorities of the Russian Federation, as well as their family members in case the employee dies (deceases) as a result of injury or other health damage received in connection with the performance of official duties, or as a result of illness in the period of service in these institutions and bodies”. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 38. Art. 5544. (In Russian).
9. The Russian Federation. (2011) Decree No. 482 of the Government of the Russian Federation of June 20, 2011 (as amended on June 9, 2016) “On the Procedure and Amounts of Payment of Monetary Compensation for the Hiring (Lease) of Housing to Employees of the Investigative Committee of the Russian Federation”. *Rossiyskaya gazeta*. 135. (In Russian).
10. The Russian Federation. (2005) Decree No. 909 of the Government of the Russian Federation of December 31, 2004 (as amended on December 29, 2016) “On the procedure for the payment of monetary compensation for the rental (lease) of living quarters for servicemen — citizens of the Russian Federation undergoing military service under a contract, citizens of the Russian Federation dismissed from military service, and members of their families”. *Rossiyskaya gazeta*. 8. (In Russian).
11. The Russian Federation. (2005) Decree No. 771 of the Government of the Russian Federation of June 30, 2018, “On the procedure and amount of payment of monetary compensation for the rental (lease) of residential premises to prosecutors, as well as employees replacing posts in scientific and educational organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for which class assignments are provided”. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 28. Art. 4233. (In Russian).
12. The Supreme Court of the Russian Federation. (2017) Order No. 124 of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation of July 7, 2012 (as amended on November 7, 2018) “On the approval of the Regulation on the payment of monetary compensation for the rent (lease) of premises to judges of courts of general jurisdiction”. *Byulleten' aktov po sudebnoy sisteme*. 12. (In Russian).
13. The Russian Federation. (2003) Federal Law No. 58-FZ of May 27, 2003 (as amended on May 23, 2016) “On the system of public service of the Russian Federation”. *Rossiyskaya gazeta*. 104. (In Russian).
14. The Russian Federation. (1995) Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 (as amended on July 6, 2016) “On operational-search activity”. *Rossiyskaya gazeta*. 160. (In Russian).

А.А. Храмов

К ВОПРОСУ ОБ УСТРАНЕНИИ ПРОБЕЛОВ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Рассматриваются источники устранения пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве России. Анализируются общеправовые позиции ученых, мнения исследователей в области уголовно-исполнительного права относительно возможности издания норм права не только законодательными, но и судебными органами. Разграничиваются понятия «восполнение», «устранение» и «преодоление» пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве.

Ключевые слова: *пробелы в уголовно-исполнительном законодательстве, устранение пробелов, законотворчество.*

Появление и существование пробелов в любой отрасли законодательства, в том числе уголовно-исполнительной, всегда свидетельствует о недостатках правовой системы, которые негативно сказываются на реализации прав и свобод человека и гражданина. Естественно, что такая ситуация в идеале предполагает принятие соответствующей нормы, которая урегулирует собственно уголовно-исполнительные отношения в самом законе, хотя не всегда данное положение соблюдается на практике.

На протяжении довольно длительного времени основополагающим принципом системы российского права является положение о том, что единственным органом, уполномоченным на создание новых норм в этой области с помощью законотворческого процесса, является законодатель [1, с. 57; 2, с. 230; 3, с. 4]. Не вдаваясь в полемику относительно раскрытия содержания и стадий данной деятельности, лишь отметим, что в юридической литературе под законотворчеством в общем виде понимается процедура принятия высшими представительными органами государственной власти в строго установленном порядке особого вида нормативного правового акта в виде закона [4, с. 37; 5, с. 27]. Функции же учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, а также суда ограничиваются исключительно применением действующих норм уголовно-исполнительного законодательства.

В то же время не все ученые-правоведы согласны с такой позицией. Так, Е.Н. Трубецкой и С.С. Алексеев считают, что любая динамично развивающаяся правовая система должна предусматривать возможность устранения пробелов не только путем правотворчества, но и использованием особых институтов в процессе применения права [6, с. 169–172; 7, с. 206]. По мнению авторов, именно с помощью аналогии закона и права достигаются саморегулирование и самонастройка правовой системы, ее эффективное функционирование в условиях развивающихся общественных отношений. С этой точки зрения деятельность компетентных государственных органов (в частности, судов) по устранению пробелов праве, по мнению В.И. Акимова, носит закономерный, естественный характер [8, с. 113].

В споре о возможности устранения пробелов в правоприменительной деятельности Ф.Р. Уранский также признает за судами способность устранивать пробелы в различных отраслях права, выступая тем самым специфическим элементом правовой системы, участ-

вующим в правовом регулировании общественных отношений [9, с. 73].

Разделяя указанный подход к определению способов устранения пробелов, В.В. Лазарев отмечает, что в рамках романо-германской правовой системы, где единственным источником права признаются только нормативно-правовые акты, исходящие от компетентных правотворческих органов государственной власти, восполнить исследуемые правовые дефекты могут лишь последние. Все остальные государственные органы, по мнению автора, принимают лишь деятельное участие в установлении пробелов, но не в их устранении [10, с. 113].

Для того чтобы возложить обязанность устранения пробелов на судебные органы, нужно признать суд правотворческим органом и наделить компетенцией на создание норм права или же признать значение отдельных его судебных решений в качестве источника права. Отметим, что в последнее время в теории и практике уголовно-исполнительного права такие разговоры ведутся все чаще.

Так, В.Д. Зорькин отмечает, что правотворческая деятельность судов в России формально не признается, в доктрине интерпретируется противоречиво, но реально существует [11, с. 108]. Признают в качестве источника права судебные решения и другие ученые (М.А. Митюков, В.В. Невинский, С.В. Поленина). По их мнению, поскольку в результате интерпретационной деятельности правоприменителя устраняются и сглаживаются пробельность, неопределенность и противоречивость отдельно взятых норм, вызванных недостатками законодательной техники, следует говорить о нормативном характере таких решений [12; 13, с. 69–72; 14, с. 15].

О.В. Демидова полагает, что отрицать фактическое наличие в постановлениях пленумов Верховного Суда РФ новых нормативных предписаний нельзя. Можно лишь спорить о том, насколько это соответствует принципу разделения властей и законности, но утверждать, что пленумы не выходят за рамки расширительного толкования закона и не создают нормы права, значит игнорировать существующее положение дел в данной сфере. Вместе с тем вряд ли можно согласиться с автором в том, что существование в таких постановлениях подобных предписаний является всегда объективно обусловленным и необходимым [15, с. 151].

Схожей позиции придерживается в своем докторской диссертации Ю.А. Головастова, которая, помимо нормативных свойств постановлений пленумов Верховного суда РФ, говорит о возможности устранения пробелов уголовно-исполнительного законодательства отдельными постановлениями Конституционного Суда РФ, относя их к нетипичным источникам уголовно-исполнительного права. На основе этого интересным и в то же время довольно спорным представляется предложение автора официально закрепить возможность временного устранения законодательных пробелов решениями Конституционного Суда РФ в Общей части УИК РФ [16, с. 245]. На наш взгляд, данная норма, во-первых, будет выходить за пределы полномочий КС РФ, установленных Конституцией РФ, во-вторых, противоречит принципу разделения властей и законности, поскольку не согласуется со структурой системы уголовно-исполнительного законодательства (ч. 2 ст. 2 УИК РФ), состоящей из УИК РФ и других федеральных законов.

В данном случае следует полностью согласиться с мнением В.В. Лазарева, который еще полвека назад высказался о необходимости раз и навсегда отказаться от безоговорочного тезиса о том, что пробелы в праве устраняются судами или иными органами в процессе применения права [10, с. 131]. Окончательно устранил пробел, по справедливому замечанию автора, может лишь законодательный орган.

Как видим, если о преодолении и полном устранении пробелов в теории права принято говорить как о самостоятельных способах разрешения возникшей пробельной ситуации, то о необходимости разграничении терминов «восполнение» и «устранение» возникла целая полемика. Так, большинство ученых в области теории права (В.В. Лазарев, С.С. Алексеев, Н.Н. Вопленко) считают «восполнение» пробела и его полное устранение идентичными правовыми явлениями [17, с. 40]. Мы же, соглашаясь с противоположной точкой зрения [10, с. 131], считаем все три способа разрешения пробельной ситуации самостоятельными и ограничиваемыми между собой не только рамками правоприменительной практики, но и ее теорией.

Так, один из исследователей возможности применения аналогии в различных отраслях права, В.В. Фидаров, пытаясь разграничить рассматриваемые правовые явления, делает акцент на временных критериях разрешения возникшей проблемы с отсутствием правовой нормы. Под «восполнением пробела» автор представляет допустимое системой права принятие государственным органом или должностным лицом нормативного правового либо судебного решения, имеющего нормативное значение, которое регулирует упущенные нормой действующего права те или иные аспекты общественных отношений и действие которого ограничено во времени до принятия компетентным правотворческим органом соответствующих нормативно-правовых актов. Что касается «устранения» пробелов, то под ним автор понимает полную ликвидацию пробела в системе права в результате издания уполномоченным правотворческим органом правовых норм конкретного содержания, полностью регулирующих соответствующие общественные отношения [17, с. 110–111].

Таким образом, автор пытается выделить окончательный способ ликвидации пробела в праве, исходя из временных рамок его восполнения и юридической силы источника, в котором появляется недостающая ранее норма. На наш взгляд, такое предложение в контексте уголовно-исполнительного законодательства не совсем полно и точно отражает сущность исследуемого нами дефекта.

Во-первых, если В.В. Фидаров рассматривает источники права, исходя из широкого их понимания, то деятельность по «устранению» и «восполнению» пробелов является идентичной, поскольку и в том и в другом случае недостающая норма восполняется субъектом правотворчества и в дальнейшем может регулировать упущеные общественные отношения без дополнительного их регулирования в федеральном законодательстве. Во-вторых, временной критерий принятия соответствующего нормативно-правового акта, который будет содержать идентичную указанию президента (подзаконный акт) норму, не имеет никакого значения для правовой системы.

Придерживаясь иной точки зрения [9, с. 73; 17, с. 40], с учетом специфики предмета, метода, структуры уголовно-исполнительного законодательства под «устранением» пробела, на наш взгляд, должна пониматься деятельность Федерального Собрания РФ по созданию необходимой нормы в системе уголовно-исполнительного законодательства посредством внесения изменений в УИК РФ и иные федеральные законы. Данная особенность вытекает из смысла п. «о» ст. 71 Конституции РФ, в соответствии с которой принятие нормативных актов данной отрасли наряду с уголовными и уголовно-процессуальными отнесено к исключительному ведению Российской Федерации, и поэтому такие законы могут быть исключительно федерального уровня. Не допускается устранение пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве законами либо нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. В отличие от «устранения», «восполнение» пробела предполагает деятельность уполномоченных на то правотворческих федеральных органов, выходящую за рамки их компетенции, по принятию необходимой для регулирования уголовно-исполнительных отношений нормы в подзаконном нормативно-правовом акте.

Следует отметить, что единое понимание данных терминов и сущности пробела именно в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует не только в теории уголовно-исполнительного права, но и при законодательной практике разработки федеральных законов, направленных на его «устранение».

Так, например, Федеральным законом от 19 июня 2001 г. № 85-ФЗ «О внесении дополнения и изменений в статью 24 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации», исходя из текста пояснительной записки, был *устранен пробел* (выделено мной. – А.Х.), что дало возможность Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации и уполномоченным по правам человека в субъектах Российской Федерации посещать наряду с депутатами Государственной Думы и депутатами законодательных органов власти субъек-

тов Российской Федерации, а также наряду с другими должностными лицами исправительно-трудовые учреждения без специального разрешения. Однако спустя два года, при обосновании принятия следующих поправок к УИК РФ, законодатель говорит о том, что Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 75-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» принимается «в целях устранения несоответствий в законодательстве, регулирующем вопросы содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, исполнения уголовных наказаний, а также **восполнения пробелов** (выделено мной. – А.Х.) в части порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы...». Как мы видим, при обозначении законотворческой деятельности законодатель в двух следующих друг за другом случаях использует то термин «восполнение», то «устранение» пробелов, игнорируя единство терминологии, что, на наш взгляд, недопустимо. Помимо этого, в первом случае вряд ли можно говорить об устраниении пробела именно в уго-

ловно-исполнительном законодательстве, поскольку урегулированные общественные отношения относятся не столько к уголовно-исполнительным, сколько к административным, что еще раз подтверждает важность определения критериев установления пробелов именно в уголовно-исполнительном законодательстве на теоретическом уровне (и дальнейшего их применения в практической деятельности).

Таким образом, окончательное устранение пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве в оптимальном виде предполагает принятие Федеральным Собранием РФ соответствующей уголовно-исполнительной нормы в УИК РФ, не нарушая при этом его архитектоники и общих положений (предмета, принципов и др.), в отличие от других федеральных законов. Не допускается ни устранение, ни восполнение пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве решениями органов судебной власти России, а также нормативно-правовыми актами субъектов РФ. Обратное бы означало нарушение принципа законности при исполнении уголовных наказаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика). М. : Юрид. лит., 1966. 167 с.
2. Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М. : Рос. право, 1992. 320 с.
3. Карташов В.Н. Институт аналогии в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1976. 24 с.
4. Бялт В.С., Трипутин С.Н. Законотворчество как вид правотворчества: теоретико-правовая характеристика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 35–38.
5. Дроздова А.М. Процесс правообразования: правотворчество, законотворчество, нормотворчество // Юридическая мысль. 2015. № 4 (90). С. 25–30.
6. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М. : Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1917. 227 с.
7. Алексеев С.С. Теория права. М. : БЕК, 1995. 320 с.
8. Акимов В.И. Понятие пробела в праве // Правоведение. 1969. № 3. С. 110–113
9. Уранский Ф.Р. Пробелы в праве и способы их восполнения в правоприменительной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 192 с.
10. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения, М. : Юрид. лит., 1974. 184 с.
11. Чопикян А.А. Судебный прецедент как источник права в романо-германской правовой системе // Актуальные проблемы сравнительного правоведения. : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь : Крымский фед. ун-т им. В.И. Вернадского, 2017. С. 107–110.
12. Митюков М.А. Акты Конституционного Суда РФ и конституционных судов субъектов федерации // Журнал российского права. 2001. № 6. Электрон. версия печатн. публ. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.12.2016).
13. Невинский В.В. Конституционный Суд Российской Федерации и правотворчество в России // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 3. С. 68–78.
14. Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1996. 146 с.
15. Демидова О.В. Дискуссионные источники уголовно-исполнительного права России / Воронеж. ин-т ФСИН России. Воронеж : Научная книга, 2015. 186 с.
16. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 615 с.
17. Волленко Н.Н. Реализация права : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2001. 48 с.
18. Фидаров В.В. Пределы допустимости применения института аналогии права и аналогии закона в правовой системе России : дис ... канд. юрид. наук / Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2009. 228 с.

On Bridging Gaps in the Penal Legislation of Russia

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 100–103. DOI 10.17223/23088451/14/21

Aleksandr A. Khramov, Correctional Colony 35 of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Republic of Khakassia (Abakan, Russian Federation). E-mail: Khramov_Aleksandr@mail.ru

Keywords: gaps in penal legislation, bridging gaps, lawmaking.

Bridging gaps implies the activity of the Federal Assembly of the Russian Federation in creating necessary penal norms by amending the Penal Code of the Russian Federation and other federal laws. It stems from the meaning of Paragraph “o” Art. 71 of the Constitution of the Russian Federation, under which this branch, along with the criminal and criminal procedural ones, is assigned to the exclusive jurisdiction of the Russian Federation and, therefore, can include exclusively federal laws, while laws or regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation are not allowed. However, bridging the gaps involves the activities of authorized law-making federal bodies that go beyond their competence in adopting the norms necessary for regulating penal relations in a sub-

legislative normative legal act. Thus, the final elimination of gaps in the penal legislation requires from the Federal Assembly of the Russian Federation to adopt a corresponding penal norm in the Penal Code of the Russian Federation, without violating its architectonics and general provisions (subject matter, principles, etc.). Neither decisions of the judicial authorities of Russia nor regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation can be used to eliminate or bridge the gaps in the penal legislation. The opposite would mean a violation of the principle of legality in the execution of criminal sentences.

References

1. Pigolkin, A.S. (1966) *Podgotovka proektor normativnykh aktov (organizatsiya i metodika)* [Preparation of draft normative acts (organization and methodology)]. Moscow: Juridicheskaya literatura.
2. Bonner, A.T. (1992) *Zakonnost' i spravedlivost' v pravoprimenitel'noy deyatel'nosti* [Legality and justice in law enforcement]. Moscow: Rossiyskoe pravo.
3. Kartashov, V.N. (1976) *Institut analogii v sovetskem prave* [Institution of analogy in Soviet law]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
4. Bjalt, V.S. & Tripunit, S.N. (2016) Lawmaking as a kind of law-making: theoretical and legal characteristic. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia*. 2(70). pp. 35–38. (In Russian).
5. Drozdova, A.M. (2015) Protsess pravoobrazovaniya: pravotvorchestvo, zakonotvorchestvo, normotvorchestvo [The process of law formation: lawmaking and rulemaking]. *Yuridicheskaya mysl'*. 4(90). pp. 25–30.
6. Trubetskoy, E.N. (1917) *Lektsii po entsiklopedii prava* [Lectures on the Encyclopedia of Law]. Moscow: A.I. Mamontov.
7. Alekseev, S.S. (1995) *Teoriya prava* [Theory of Law]. Moscow: BEK.
8. Akimov, V.I. (1969) Ponyatie probela v prave [The concept of a gap in law]. *Pravovedenie*. 3. pp. 110–113
9. Uransky, F.R. (2005) *Probely v prave i sposoby ikh vospolneniya v pravoprimenitel'noy deyatel'nosti* [Gaps in law and ways to bridge them in law enforcement]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Lazarev, V.V. (1974) *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in law and ways to eliminate them]. Moscow: Juridicheskaya literatura.
11. Chopikyan, A.A. (2017) [Judicial precedent as a source of law in the Romano-German legal system]. *Aktual'nye problemy srovnitel'nogo pravovedeniya* [Topical Problems of Comparative Law]. Proc. of the Second All-Russian Conference. Simferopol. pp. 107–110. (In Russian).
12. Mityukov, M.A. (2001) Akty Konstitutsionnogo Suda RF i konstitutsionnykh sudov sub"ektov federatsii [Acts of the Constitutional Court of the Russian Federation and the constitutional courts of the Federation entities]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 6.
13. Nevinsky, V.V. (1997) Konstitutsionny Sud Rossiyskoy Federatsii i pravotvorchestvo v Rossii [Constitutional Court of the Russian Federation and law-making in Russia]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 3. pp. 68–78.
14. Polenina, S.V. (1996) *Zakonotvorchesvo v Rossiyskoy Federatsii* [Lawmaking in the Russian Federation]. Moscow: RAS.
15. Demidova, O.V. (2015) *Diskussionnye istochniki ugolovno-ispolnitel'nogo prava Rossii* [Discussion sources of the Russian penal law]. Voronezh: Nauchnaya kniga.
16. Golovastova, Yu.A. (2019) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiyskogo prava: predmet, metod, istochniki, sistema* [Penal law as a branch of Russian law: subject, method, sources, system]. Law Dr. Diss. Moscow.
17. Voplenko, N.N. (2011) *Realizatsiya prava* [Realization of Law]. Volgograd: Volgograd State University.
18. Fidarov, V.V. (2009) *Predely dopustimosti primeneniya instituta analogii prava i analogii zakona v pravovoy sisteme Rossii* [Limits of admissible application of the principle of analogy of law in the Russian legal system]. Law Cand. Diss.

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9.01

DOI 10.17223/23088451/14/22

Д.В. Деркач, В.Е. Лоба

ВЛИЯНИЕ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ НА ПРЕСТУПНОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮЖНОГО И СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ)

Искренняя попытка найти разумительный ответ на причины преступности побудила авторов на проведение исследования, позволившего в самом общем виде выявить связь между ростом количества зарегистрированных преступлений и увеличением доходов населения.

Ключевые слова: преступность, корреляционно-регрессионный анализ, денежные доходы населения, общее число преступлений, криминология.

Стоит ли напоминать азбучную истину, что успех борьбы с преступностью как с феноменом человеческого существования во многом зависит от масштабов деятельности государства и его правоохранительных органов. Но все это отнюдь не исключает того, что успешную борьбу с преступностью обуславливает научный анализ как ее составных частей, тенденций и процессов, так и, бесспорно, причин преступности, что в совокупности позволит снизить уровень криминогенности. Это даст возможность на основе математического прогноза и научных рекомендаций определить генеральную стратегию государства как основного субъекта организации борьбы с преступностью.

К этому мы бы добавили, что осмысление как причин совершения преступления (или ряда преступлений) конкретным человеком, так и преступности как массового явления не переставало быть актуальным независимо от эпохи, поскольку ее содержание, уровень и структура претерпевают изменения на определенных этапах развития каждой социально-экономической формации.

Так, летописец игумен Киево-Печёрской обители Нестор, описывая быт древлян, обнаруживает, что они «живяих звериньским образом, живуще скотски: убиваху друг друга...» [1, с. 23]. Говоря современным языком, причины разгула отклоняющегося поведения в славянском племени автор, руководствуясь характерным для раннего периода христианства тождеством понятий «грех» и «преступление», уловил в широком распространении среди них таких смертных грехов, как блуд, беспечное пребывание во грехе, хула на Господа Бога, убийство (умышленное причинение смерти) и др.

Современник Петра I крестьянин И.Т. Посошков в своей «Книге о скудости и богатстве» (1724), отмечая рост числа разбойников, принимающих групповую форму преступной деятельности («картели»), связывал это с несовершенством судебной системы, своей деятельностью не только множащей число воров и разбойников, но и нередко способствующей росту и развитию преступности: «А иных разбойников суды вместо смерти паки отпускали на старые их промыслы, и те, надеясь, безбоязненно воровали» [2, с. 18].

Один из крупнейших в Российской империи специалистов по уголовному праву и процессу М.В. Духов-

ской главнейшей причиной преступлений считал дурное политическое устройство страны, дурное экономическое состояние общества, дурное воспитание, дурное состояние общественной нравственности и целую массу других условий [3, с. 14]. Важный штрих: аналогичное сравнение можно привести, по сути своей, о современной России.

«Для марксиста, – писал один из авторов первых законов советской власти Ю.М. Козловский, – всякое преступление – это продукт непримиримости классовых антагонизмов. Анархия капиталистического производства, создающая неустойчивость отдельного существования и вызывающая в индивидууме борьбу за таковое, порождает эксцессы, крайности, преступления, вплоть до самых зверских» [4, с. 239].

О главных причинах преступности, обусловленной колossalным социальным неравенством, огромной социальной несправедливостью и диким, ловко закамуфлированным правовым неравенством, доказательно высказывается видный отечественный криминолог В.В. Лунеев [5, с. 55].

Поскольку влияние экономических факторов на преступность населения, по словам родоначальника антропологической школы уголовного права и криминологии Ч. Ломброзо, зависит не только от бедности его, но и от богатства [6, с. 90], а всякое улучшение в строе общежития, всякое увеличение средств законного удовлетворения потребностей, даваемое мерами общественной деятельности, как писал известнейший ученый-криминалист XIX – начала XX в. И.Я. Фойницкий, снижает бюджет преступлений и изменяет их характер [7, с. 41], авторы решили провести статистический анализ взаимосвязи между количеством преступлений разного вида и уровнем заработной платы в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах.

В качестве исходной информации для анализа использованы следующие показатели о количестве преступлений [8]: Y1 – всего зарегистрировано преступлений; Y2 – зарегистрировано преступлений особой тяжести; Y3 – зарегистрировано тяжких преступлений; Y4 – зарегистрировано преступлений средней тяжести; Y5 – зарегистрировано преступлений небольшой тяжести; Y6 – зарегистрировано преступлений экономической

направленности; Y7 – зарегистрировано преступлений террористического характера; Y8 – зарегистрировано преступлений экстремистской направленности; Y9 – зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков; Y10 – зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия; Y11 – зарегистрировано убийств и покушений на убийство (ст.ст. 30, 105, 106, 107 УК РФ); Y12 – зарегистрировано преступлений по ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; Y13 – зарегистрировано преступлений по ч. 4 ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего; Y14 – зарегистрировано преступлений по ст. 285 – злоупотребление должностными полномочиями; Y15 – зарегистрировано преступлений по ст. 290 УК РФ (получение взятки); Y16 – зарегистрировано преступлений по ст. 291 УК РФ (дача взятки). Данные о доходах населения в этот же промежуток времени обозначены следующим образом: X – среднедушевые денежные доходы населения (в месяц, руб.) [9].

Рассматривались данные за 2017 г. по следующим 15 регионам: Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Дагестан,

Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия-Алания, Ставропольский край, Чеченская Республика (Северо-Кавказский федеральный округ); Астраханская область, Волгоградская область, г. Севастополь, Ростовская область, Краснодарский край, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Крым (Южный федеральный округ).

Задача – выявление направления и степени взаимосвязи между количеством преступлений в этих регионах и уровнем доходов населения, а также получение статистически значимой модели взаимосвязи между показателями.

Воспользуемся методами корреляционного анализа и рассчитаем матрицу коэффициентов парной линейной корреляции между всеми перечисленными выше переменными.

Обращаем внимание на то, что корреляция между переменной X (среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.) и всеми показателями количества преступлений Y1–Y16 больше нуля, т.е. связь между доходами населения и количеством преступлений – прямая, другими словами, чем больше официальные доходы населения, тем больше регистрируется преступлений (рис. 1).

X	Y1	Y2	Y3	Y4	Y5	Y6	Y7	Y8	Y9	Y10	Y11	Y12	Y13	Y14	Y15	Y16
X	1															
Y1	0,652058	1														
Y2	0,645609	0,940965	1													
Y3	0,674142	0,994297	0,933048	1												
Y4	0,652571	0,998531	0,942638	0,993348	1											
Y5	0,634249	0,996032	0,921313	0,98576	0,990725	1										
Y6	0,767764	0,887435	0,831743	0,912132	0,874587	0,885941	1									
Y7	0,265893	-0,18549	-0,11462	-0,15951	-0,1923	-0,19327	0,124411	1								
Y8	0,494328	0,184406	0,227796	0,230257	0,179697	0,164518	0,461829	0,820271	1							
Y9	0,716569	0,942766	0,958884	0,954726	0,944835	0,920121	0,904221	-0,08009	0,262514	1						
Y10	0,606373	0,421383	0,44305	0,449066	0,411151	0,413643	0,672242	0,737759	0,931649	0,466366	1					
Y11	0,668898	0,983617	0,926412	0,988521	0,983806	0,973776	0,914496	-0,13927	0,22507	0,962079	0,451523	1				
Y12	0,641617	0,988939	0,899247	0,988019	0,986006	0,991155	0,899444	-0,23298	0,145518	0,924349	0,391874	0,983218	1			
Y13	0,565664	0,965777	0,83757	0,962434	0,959081	0,975395	0,857428	-0,28361	0,090665	0,86497	0,32733	0,949016	0,981951	1		
Y14	0,677727	0,637932	0,560783	0,699866	0,631191	0,62162	0,82575	0,168943	0,389688	0,74879	0,497573	0,717219	0,669422	0,637094	1	
Y15	0,750251	0,90329	0,884122	0,907263	0,89804	0,896642	0,877161	0,003476	0,337925	0,876025	0,567796	0,871934	0,882697	0,845562	0,635819	1
Y16	0,485021	0,852284	0,704163	0,836836	0,842376	0,874128	0,752194	-0,13848	0,029382	0,71593	0,307739	0,826355	0,863577	0,874509	0,597308	1

Рис. 1. Корреляция среднедушевых доходов и показателей количества преступлений

Чем больше коэффициент корреляции (по модулю), тем больше связь между количественными показателями. Считается, что связь сильная, если коэффициент корреляции больше 0,7. Выделим переменные, характеризующие преступность, которые имеют сильную связь с доходами населения: $r_{XY6} = 0,77$ (у объясняющей переменной X сильная связь с переменной Y6 – зарегистрировано преступлений экономической направленности); $r_{XY15} = 0,75$ (у объясняющей переменной X сильная связь с переменной Y15 – зарегистрировано преступлений по ст. 290 УК РФ (получение взятки)); $r_{XY9} = 0,72$ (у объясняющей переменной X сильная связь с переменной Y9 – зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков).

Большинство переменных, характеризующих количество преступлений, имеет умеренную (ближкую к сильной) связь с доходами населения: Y1 – всего зарегистрировано преступлений; Y2 – зарегистрировано преступлений особой тяжести; Y3 – зарегистрировано тяжких преступлений; Y4 – зарегистрировано преступлений средней тяжести; Y5 – зарегистрировано преступлений небольшой тяжести; Y10 – зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия; Y11 – зарегистрировано убийств и покушений на убийство (ст.ст. 30, 105, 106, 107 УК РФ); Y12 – зарегистрировано преступлений по ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; Y14 – зарегистрировано преступлений по ст. 285 – злоупотребление должностными полномочиями.

Полученные данные позволяют сделать вывод: доходы населения в 2017 г. достаточно сильно связаны и с перечисленными показателями.

Наименьшая взаимосвязь доходов населения обнаружена с переменной Y7 – зарегистрировано преступлений террористического характера (коэффициент корреляции равен 0,27). Такое значение говорит о слабой взаимосвязи, что достаточно естественно для указанной переменной. В эту же группу помещаем показатель Y8 – зарегистрировано преступлений экстремистской направленности (коэффициент корреляции 0,49).

Воспользуемся методами регрессионного анализа. Построим статистическую модель взаимосвязи переменной X и Y_6 – зарегистрировано преступлений экономической направленности, для которых выявлена наибольшая корреляционная зависимость.

Уравнение линейной парной регрессии имеет вид:

$$Y = -2\ 630,8 + 0,171X.$$

Тесты (критерий Фишера, критерий Стьюдента) говорят о статистической значимости как уравнения регрессии в целом (на уровне значимости менее 1%), так и параметров регрессии (свободный член статистически значимо отличен от нуля на уровне 1,3%).

В результате имеет место следующая картина: при увеличении среднедушевых денежных доходов населения на 1 тыс. руб. в месяц количество зарегистрированных преступлений экономической направленности увеличивается в среднем на 171 единицу.

Если оценивать истинное положение дел, то надо прямо сказать, что мрачная статистика нашего исследования представляет собой весьма частную тему в изучении причин преступности в целом, что недостаточно для выдвижения каких-либо значительных предложений, однако мы считаем полученные данные достаточно убедительными. Они требуют дальнейшего исследовательского внимания, самостоятельного изучения и учета в практике борьбы с преступностью.

Вместе с тем смущает, что не все в этой статистике нам ясно и понятно. По всей вероятности, оказывается здесь не только многолетняя узковедомственная практика регистрации и учета преступности, но и так называемые «ножницы» между декларируемым уровнем заработной платы и практикой жизни.

При любых обстоятельствах нельзя не признать, что раз повышение уровня благосостояния населения автоматически не приводит к снижению преступности, значит, нами не учитываются другие причины, которые по своей масштабности и силе соответствуют одна другой.

В данной связи вспоминаются слова известнейшего дореволюционного ученого-криминалиста Д.А. Дриля, называвшего изучение человеческой преступности, ее факторов и средств борьбы одним из труднейших, а вместе с тем и важнейших отделов человеческого ведения, затрагивающих самые насущные, животрепещущие интересы общественной жизни [10, с. 1].

Однако здесь должно быть и полное понимание того, что, подобно сложившемуся в ходе многовековой эволюции симбиозу человеческого организма с заселяющими его бактериями, в том числе и болезнетворного характера, бактерии преступности являются составной частью социального организма, развиваясь по своим не всегда понятным законам, затрагивая все сферы жизнедеятельности общества.

Так, если Судебник 1550 г. и Уложение 1649 г. лишь использовали понятие «мошенничество», не раскрывая его содержания, поскольку этот термин был «в то время, очевидно, всем понятным» [11, с. 376], то усложнившие имущественные отношения социально-экономические и правовые реформы конца прошлого века выступили «повивальной бабкой» при рождении новых видов владения имуществом или приобретения права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием, развивающихся с пугающей нас интенсивностью. И теперь, наряду с традиционной уголовной ответственностью за хищение чужого имущества путем мошенничества (ст. 159 УК РФ), ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ [12] был дополнен шестью новыми составами преступлений, предусматривающими ответственность за мошеннические действия (бездействие): в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ); при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ); с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ); в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ); в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ); в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). И на этом рано ставить точку.

В этих условиях, когда всероссийская криминальная ситуация все больше обостряется, мы решили высказать свой непримятательный взгляд на проблему борьбы с преступностью. И поскольку понятие «борьба» у нас ассоциируется с понятием «война», вспомним, что победить врага можно, не вступая с ним в бой, избегая его сильных позиций, атакуя слабые. Это и есть вершина искусства ведения войны.

Исходя из данных статистики и житейского опыта, можно сделать вывод, что ныне криминально привлекательным является мошенничество, нередко внешне приобретающее вид тех или иных гражданско-правовых договоров, что позволяет виновным лицам избегать уголовной ответственности. И тогда, чтобы наиболее эффективно бороться с мошенничеством, следя рекомендациям П.Н. Панченко, надо найти самое слабое место путем определения совокупности преступлений, которые, являясь в максимальной степени криминогенными, обусловливают весь облик преступности в этой сфере в целом и борьба с которыми способна повлиять должным образом на всю ее картину [13, с. 283], после чего нанести безошибочный удар по самому больному месту.

В этой связи предложенный нами подход, основанный на методах корреляционно-регрессивного анализа статистики преступности, может стать опорой в решении данного вопроса. По крайней мере, авторы на это надеются.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Повесть временных лет* / [подг. текста, примеч. О.В. Творогова; пер. с древнерус. Д.С. Лихачева]. М. : Эксмо, 2012. 512 с.
2. *Посоиков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. и comment. Б.Б. Кафенгауз. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 414 с.
3. *Духовской М.В.* Задачи науки уголовного права : вступ. лекция, читанная 3 октября 1872 г. Ярославль : тип. Губерн. правления, 1872. 33 с.
4. *Герцензон А.А.* Уголовное право и социология (проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). М. : Юрид. лит., 1970. 286 с.

5. Лунеев В.В. Истоки и пороки российского уголовного законотворчества. М. : Юрлитинформ, 2014. 320 с.
6. Ломброзо Ч. Преступление // Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004. 320 с.
7. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб. : Тип. М-ва путей сообщения (А. Бецке), 1889. 514 с.
8. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 11.06.2019).
9. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 11.06.2019).
10. Дриль Д. Малолетние преступники : этюд по вопросу о человеческой преступности, ее факторах и средствах борьбы с ней. М. : Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1884. Вып. 1. 591 с.
11. Сергеевский Н.Д. О мошенничестве по русскому действующему праву // Юридическая летопись : Ежемесячный журнал. 1890. Год 1, т. 2, ноябрь. С. 373–448.
12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.06.2019).
13. Панченко П.Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право. М. : Юриспруденция, 2014. 520 с.

The Effect of People's Income on Crime (A Case Study of the Southern and North Caucasian Federal Districts)

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 104–107. DOI 10.17223/23088451/14/22
 Dmitry V. Derkach, Armavir State Pedagogical University (Armavir, Russian Federation). E-mail: derkach@bk.ru
 Vsevolod E. Loba, Dagestan State University (Kizlyar, Russian Federation). E-mail: vsevolodka@inbox.ru

Keywords: crime, correlation and regression analysis, cash income of population, total number of crimes, criminology.

The authors employ the correlation analysis to calculate a matrix of coefficients of pairwise linear correlation between indicators on the number of crimes and incomes of the population. The data for 2017 were considered for the following 15 regions: North Caucasus Federal District (Kabardino-Balkarian Republic, Karachay-Cherkess Republic, Republic of Dagestan, Republic of Ingushetia, Republic of North Ossetia-Alania, Stavropol Territory, Chechen Republic) and Southern Federal District (Astrakhan region, Volgograd region, Sevastopol, Rostov region, Krasnodar Territory, Republic of Adygea, Republic of Kalmykia, Republic of Crimea). The aim is to identify the direction and interconnection between the number of crimes in these regions and the income level of the population, as well as to obtain a statistically significant model of the interconnection between indicators.

References

1. Tvorogov, O.V. (ed.) (2012) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. Translated from Old Rus by D.S. Likhachev. Moscow: Eksmo.
2. Pososhkov, I.T. (1951) *Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochineniya* [A Book about Poverty and Wealth and Other Works]. Moscow: USSR AS.
3. Dukhovskoy, M.V. (1872) *Zadachi nauki ugolovnogo prava* [Tasks of Criminal Law]. Yaroslavl: tip. Gubern. Pravleniya.
4. Gertsenzon, A.A. (1970) *Ugolovnoe pravo i sotsiologiya (Problemy sotsiologii ugolovnogo prava i ugolovnoy politiki)* [Criminal Law and Sociology (Problems of the Sociology of Criminal Law and Criminal Policy)]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
5. Luneev, V.V. (2014) *Istoki i poroki rossiyskogo ugolovnogo zakonotvorchestva* [The origins and vices of the Russian criminal law]. Moscow: Yurlitinform.
6. Lombroso, Ch. (2004) *Noveyshie uspekhi nauki o prestupnike. Anarkhisty* [Crime. The latest advances in criminal science. Anarchists]. Translated from Italian. Moscow: INFRA-M.
7. Foynitsky, I.Ya. (1889) *Uchenie o nakazaniyu v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. St. Petersburg: Tip. Ministerstva putem soobshcheniya (A. Betske).
8. *The General Prosecutor's Office of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://crimestat.ru/analytics> (Accessed: 11th June 2019).
9. *The Federal State Statistics Service*. Website. [Online] Available from: <http://www.gks.ru/> (Accessed: 11th June 2019).
10. Dril, D. (1884) *Maloletnie prestupniki. Etyud po voprosu o chelovecheskoy prestupnosti, ee faktorakh i sredstvakh bor'by s ney* [Juvenile delinquents. Study on the issue of human crime, its factors and means of combating it]. Moscow: A.I. Mamontov i Ko.
11. Sergeevsky, N.D. (1890) *O moshennichestve po russkomu deystvuyushchemu pravu* [On fraud under Russian current law]. *Yuridicheskaya letopis'*. 1(2). pp. 373–448.
12. The Russian Federation. (2012) *Federal'nyy zakon ot 29.11.2012 N 207-FZ (red. ot 03.07.2016) "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdeley zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law N 207-FZ of November 29, 2012 (as amended on July 3, 2016) "On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138322/ (Accessed: 11th June 2019).
13. Panchenko, P.N. (2014) *Gosudarstvenno-pravovye zakonomernosti v istorii i teorii gosudarstva i prava i ugolovnoe pravo* [State and law patterns in the history and theory of the state and law, and criminal law]. Moscow: Yurisprudentsiya.

И.С. Дроздов

ИНТЕНСИВНОСТЬ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ОСУЖДЕНИИ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Рассмотрена интенсивность криминологического рецидива лиц, осужденных к наказаниям и иным мерам, не связанным с лишением свободы. Сделаны выводы о влиянии назначенного наказания на рецидив в зависимости от временных промежутков с момента осуждения и снятия с учета в течение одного года, установлены наиболее рецидивоопасные периоды.

Ключевые слова: рецидив, криминологический рецидив, криминальная активность, рецидивоопасность, интенсивность, личность.

Повторная преступность при осуждении без лишения свободы является важным критерием эффективности исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Повышение этой эффективности невозможно без уяснения качественных характеристик рецидива указанной категории преступников, к числу которых относится интенсивность.

В криминологической науке под интенсивностью рецидива преступлений понимают период времени с момента осуждения или истечения испытательного срока либо освобождения от отбывания наказания до совершения нового (рецидивного) преступления [1, с. 35].

Уголовное наказание преследует цель вызвать у осужденного переживания и страдания по поводу преступления, а также нежелание вновь подвергнуться наказанию [2, с. 43]. Если же осужденный совершает новое преступление спустя непродолжительное время после отбытия наказания, то очевидно, что реализованная мера не привела к исправлению (оказалась неэффективной).

Анализ криминальной активности осужденных с учетом времени, прошедшего с момента осуждения, постановки или снятия с учета до совершения нового преступления, позволяет выявить наиболее «рецидивоопасный» период. Интенсивность рецидива более других характеристик рецидивной преступности позволяет не только судить об устойчивости антисоциальной мотивации осужденных, а также степени достижения поставленных перед уголовным наказанием целей, но и быть индикатором эффективности частнопредупредительного воздействия наказания.

По мнению И.В. Шмарова, наиболее целесообразным периодом анализа рецидивной преступности после освобождения из мест лишения свободы является срок в три года [3, с. 72]. С.И. Комарицкий наблюдал осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, от двух с половиной до трех лет, в первом случае в период исполнения наказания, во втором – после снятия с учета [4, с. 45–46]. А.С. Михлин полагал, что для оценки эффективности наказания временной период после отбытия наказания должен равняться двум годам, поскольку для действительного исправления правонарушителя необходимо длительное время [5, с. 144]. В криминологии принято также считать, что при значительном промежутке времени между отбытием наказания или истечением испытательного срока и повторным преступлением больше оснований полагать,

что к совершению рецидивного преступления лицо привели новые неблагоприятные факторы.

Практика и результаты нашего исследования показывают, что большинство рецидивных преступлений анализируемой группой осужденных совершается в течение первого года нахождения на учете и после снятия с учета [6, с. 147], поэтому целесообразно проводить анализ рецидива с точки зрения его интенсивности в течение указанных криминологически значимых периодов.

Учитывая, что преимущественное значение имеют детерминанты, которые определяют преступное поведение лица, подвергшегося ответственности в рамках установленного уголовным законом срока для погашения судимости¹, данные о рецидиве в период свыше одного года с момента отбытия осужденными наказания (снятия с учета) остались за рамками анализа.

Как свидетельствует табл. 1, анализ повторной преступности лиц, осужденных без лишения свободы, попавших в выборку в ходе исследования, показал, что более половины рецидивистов совершает повторные преступления в первый год после постановки на учет в уголовно-исполнительной инспекции, возбуждения исполнительного производства в случае принудительного взыскания штрафа, назначенного в качестве уголовного наказания. Иными словами, в первый год совершается 57,9% рецидивных преступлений.

При этом на первые шесть месяцев приходится 31,1%, в период от шести месяцев до одного года совершается 26,8% преступлений. Удельный вес преступлений, совершенных в течение года после отбытия наказания, оказался менее значителен 36%: на первые полгода приходится 18,4%, от шести месяцев до года – 17,6%¹.

Следует учитывать, что табл. 1 дает данные об интенсивности повторной (рецидивной) преступности среди всей совокупности лиц, совершивших рецидив в разные периоды. Таковых, по материалам нашего исследования выявлено 619 человек. Учитывая, что общая выборка составила 2 560 осужденных, общий уровень рецидива среди всех, независимо от вида наказания, составляет 24,2%.

¹ В соответствии со ст. 86 УК РФ лицо, осужденное условно, считается судимым до истечения испытательного срока; лица, осужденные к более мягким видам наказаний, чем лишение свободы, – до истечения одного года после отбытия или исполнения наказания.

¹ Аналогичные данные были получены С.И. Комарицким, С.А. Пичугиным, О.В. Старковым (см. [4, с. 25–40; 6, с. 147; 7, с. 202–203]).

Таблица 1
Период совершения осужденным нового преступления в зависимости от вида наказания (удельный вес, %)

Вид наказания	Период совершения осужденным нового преступления				Итого	
	До постановки на учет (возбуждения исполнительного производства)	В течение срока нахождения на учете (с момента постановки на учет (возбуждения исполнительного производства))		После снятия с учета (прекращения исполнительного производства)		
		6 мес.	1 год			
Всего (по всем категориям осужденных)	6,1	31,1	26,8	18,4	17,6	
Штраф	2,8	26,9	26,7	26,7	16,9	
Обязательные работы	9,8	34,3	5,9	28,4	21,6	
Исправительные работы	5,5	23,6	16,3	21,8	32,8	
Ограничение свободы	5,9	31,3	23,5	21,6	17,7	
Осужденные условно	6	34,1	38,4	10,9	10,6	
					100	

Таблица 2
Уровень рецидивной преступности осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества
в зависимости от времени совершения нового преступления (удельный вес, %)

Вид наказания	Период совершения осужденным нового преступления				Итого	
	До постановки на учет (возбуждения исполнительного производства)	В течение срока нахождения на учете (с момента постановки на учет (возбуждения исполнительного производства))		После снятия с учета (прекращения исполнительного производства)		
		6 мес.	1 год			
Всего (по всем категориям осужденных)	1,5	7,5	6,5	4,5	4,2	
Штраф	0,4	4,3	4,1	4,1	2,6	
Обязательные работы	1,8	6,2	1	5,1	3,9	
Исправительные работы	1,4	6,1	4,1	5,5	8,3	
Ограничение свободы	1	5,3	4	3,6	2,9	
Осужденные условно	2,1	12,1	13,7	4	3,8	
					35,7	

Чтобы определить действительную интенсивность рецидива, исходя из полученных нами данных об уровне криминологического рецидива при исполнении наказаний и мер, не связанных с изоляцией от общества, была использована следующая формула:

$$(X \times 24,2\%) : 100\% = Y,$$

где X – удельный вес преступности рецидивистов, Y – интенсивность рецидива всех преступников, попавших в выборку в ходе исследования. В табл. 2 представлена рассчитанная по данной формуле интенсивность рецидива осужденных, попавших в выборку, в зависимости от выделенных нами временных промежутков и наказаний.

Данные, отраженные в табл. 2, позволяют обнаружить уровень рецидива с учетом времени, прошедшего с момента осуждения, нахождения на учете, и в период до одного года после отбытия наказания. Однако данные таблицы не столь наглядны, чтобы с полной уверенностью можно было бы судить о наличии корреляционных связей между явлениями.

Более точную информацию о динамике преступной активности осужденных можно получить путем демонстрации распределения рецидива во времени соответствующим графиком, где уровень рецидива отражается с учетом выделенных временных промежутков.

Для построения графика, требующего значительного объема исходных данных (точек), путем аппроксимации¹ были усреднены промежуточные величины уровня рецидива помесячно, что позволило нам минимизировать погрешность. Начало координат (точка отсчета, находящаяся на нулевой отметке), соответствует дате вынесения приговора. Учитывая положения

ст. 390 УПК РФ, согласно которой приговор суда вступает в силу по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке (10 дней), добавив трое суток, которые отводятся суду на приведение его в исполнение, а также время на привлечение осужденных к отбыванию наказания в соответствии с требованиями уголовно-исполнительного законодательства (варьирует от 15 до 30 дней), в качестве допенального периода на горизонтальной оси графика взят один месяц с момента осуждения.

Временной промежуток (горизонтальная ось) для наглядности разделен на секторы (временные промежутки): до постановки на учет, в период нахождения на учете и после снятия с учета (до шести месяцев, от шести месяцев до года).

На графиках 1–6 продемонстрирована интенсивность рецидива преступлений по времени с момента осуждения до совершения нового преступления. Как видно из выявленных зависимостей, в течение первых шести месяцев характер поведения кривых не меняется, они имеют тенденцию к росту. Это свидетельствует о том, что исполнение наказаний в первые шесть месяцев с момента осуждения, не оказывает должного частнопредупредительного воздействия.

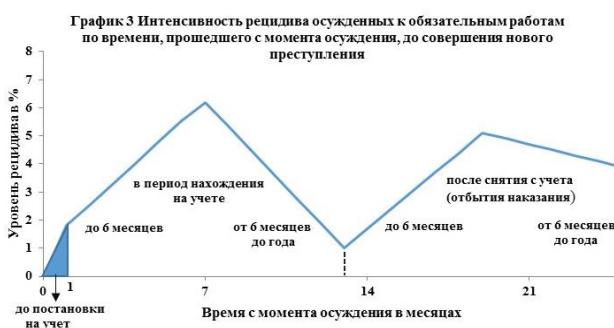
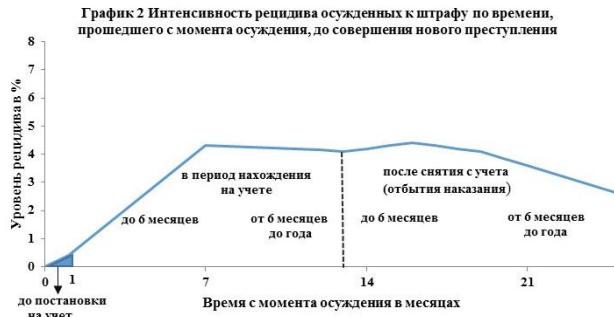
Причиной этого, как указывается в ряде исследований, является то, что осужденные не могут свыкнуться с системой правоограничений, налагаемых на них в самом начале исполнения наказания, не могут адаптироваться к новому социальному статусу осужденных, поскольку они остаются на свободе и стереотипно, по-рой бессознательно, ведут себя так же, как и до осуждения. Нет такой «встряски», как арест, изоляция, охрана, толкающей к переоценке ценностей, социальных ролей, определению нового статуса [7. С. 204].

¹ Аппроксимация (от лат. *proxima* – ближайшая), или приближение, – научный метод, состоящий в замене одних объектов другими, в каком-то смысле близкими к исходным, но более простыми.

Небезынтересны данные, полученные по видам наказаний, где выявленная картина интенсивности рецидива во многом имеет существенные различия.

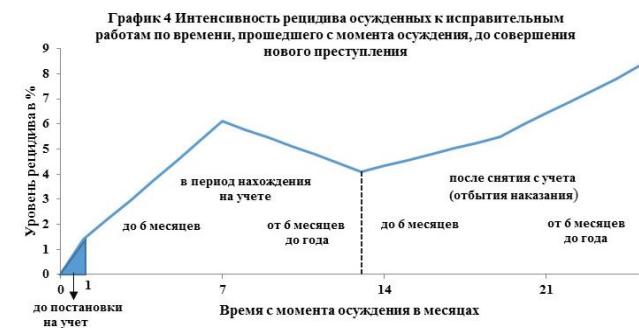
Как видно из графика 2, после шести месяцев до одного года нахождения на учете (возбуждения исполнительного производства) для осужденных к штрафу характерно незначительное снижение криминальной активности, которая уже после отбытия наказания в течение первых шести месяцев немного возрастает, а в последующем имеет устойчивую тенденцию к падению.

Для осужденных к обязательным работам (график 3) в период нахождения на учете от шести месяцев до одного года характерен наибольший спад преступной активности. По-видимому, это объясняется характерными особенностями данного наказания. Учитывая, что в среднем срок обязательных работ, назначаемый в качестве наказания осужденным составляет 210 часов [8, с. 90], то несложный подсчет ($210 : 2 = 105$) приводит к выводу, что преступники отбывают обязательные работы, как правило, в течении первых 3–4 месяцев с момента постановки на учет. Соответственно, резкое снижение уровня пенального рецидива после шести месяцев с момента постановки на учет до одного года является ничем иным, как эффектом от лишений и правоограничений, которым был подвергнут осужденный. Иными словами, налицо результат частнопредупредительного воздействия наказания. В последующем, уже

после снятия с учета, рост уровня постпенального рецидива можно объяснитьнейтрализацией эффективности уголовно-правовых мер, когда в сознании преступника попросту начинают сглаживаться негативные последствия уголовного наказания.

Осужденные к исправительным работам (график 4) после шести месяцев с момента постановки на учет и до одного года реже совершают рецидивные преступления, что, по-видимому, является следствием адаптации лиц к новому «статусу», а также профилактической работы и контроля за поведением осужденных со стороны уголовно-исполнительных инспекций. Однако с момента снятия с учета в период до одного года имеет место уже стабильный рост рецидива¹, объяснением чему являются ряд факторов к числу которых относятся особенности личности преступника.

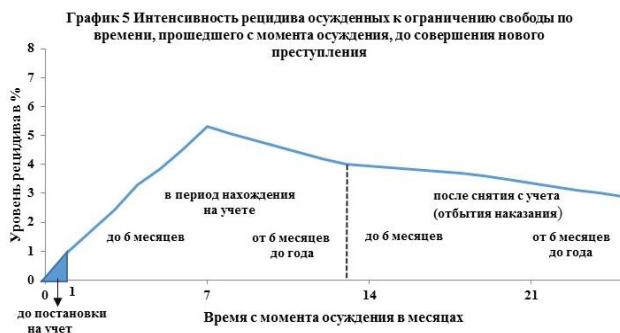

Как показало исследование, более половины осужденных, совершивших рецидив после снятия с учета (57%), до вынесения приговора длительное время находились вне сферы общественно полезной деятельности (нигде не работали). Более четверти (25,3%) страдали наркотической и алкогольной зависимостью; имели криминальное прошлое (ранее судимы) – 54%; в период отбывания наказания допускали нарушения (прогулы) 60%. Не вызывает сомнений, что указанные факторы в совокупности способствуют криминогенной десоциализации и криминогенной конфликтности осужденных. Показатели повторной преступности указанных лиц свидетельствуют, что карательное воздействие и иные принудительные организационно-обеспечительные меры исполнения исправительных работ не оказывают должного эффекта, они не вызывают позитивных изменений в личности преступника и не способствуют в должной мере его исправлению.

Представляется, что, поскольку значительное число лиц, отбывших исправительные работы, вновь совершают преступления в течение первого года после снятия с учета, было бы целесообразным сохранять контроль за их поведением и в течение одного года после снятия с учета. Аналогичные предложения высказывались еще в советское время А. Нiedере и В. Якобсоном, которые предлагали в целях предотвращения преступлений устанавливать надзор за отбывшими наказание на первые месяцы после освобождения по месту их жительства и работы [9, С. 45].

¹ Проведенное исследование еще раз подтверждает правильность сделанных более полувека назад В.Н. Курдяевым выводов о том, что повторные преступления совершаются в течение сравнительно непродолжительного времени после отбытия наказания (см.: Курдяев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 284).

Для осужденных к ограничению свободы (график 5), как и для других групп преступников, свойственна повышенная рецидивоопасность в первые шесть месяцев с момента осуждения.

Стоит обратить внимание, что в отношении более трети «рецидивистов» (37%) до совершения ими нового преступления применялись электронные средства контроля (СЭМПЛ). Сказанное свидетельствует, что применение СЭМПЛ к преступникам, осужденным к ограничению свободы, не оказывает должного профилактического эффекта и не способствует их позитивной ресоциализации.

Исполнение наказания в виде ограничения свободы предусматривает определенные ограничения¹. Однако, учитывая данные об интенсивности рецидива в первые шесть месяцев с момента постановки на учет, можно с уверенностью утверждать, что степень ограничений никак не коррелирует с показателями рецидивной преступности.

В период от шести месяцев до одного года, а также в течение года с момента снятия с учета для осужденных к ограничению свободы характерно постепенное угасание криминальной активности.

Следуя данным графика 6, наибольшее количество рецидивных преступлений осужденными условно совершается в течении первого года с момента постановки на учет в уголовно-исполнительной инспекции. В последующие шесть месяцев до одного года и по истече-

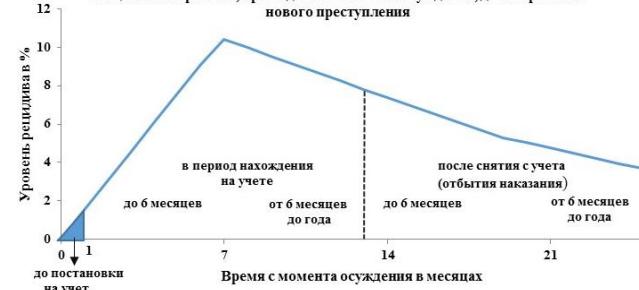
¹ В соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

ния испытательного срока криминальная активность угасает².

Представляют интерес также данные об интенсивности рецидива в зависимости от характера совершенного преступления.

Как показано на графике 7, наибольшая интенсивность рецидива у воров проявляется в первые шесть месяцев с момента постановки на учет. Очевидно, в указанный период уголовно-правовые меры, способные оказать превентивное воздействие на лиц, совершивших преступления, здесь оказываются попросту неэффективными. Однако начиная с шести месяцев до одного года и после снятия с учета для воров характерно постепенное снижение криминальной активности.

График 7 Интенсивность рецидива осужденных за ненасильственные хищения по времени, прошедшего с момента осуждения, до совершения нового преступления

У грабителей (график 8) так же, как у воров, наибольшее количество рецидивных преступлений совершается в первые шесть месяцев с момента постановки на учет. Обращает на себя внимание немалый уровень допenalного (2,6%) и раннего пенального рецидива. Однако приведенные данные едва ли могут быть показателем низкой результативности деятельности уголовно-исполнительных инспекций, которые фактически не в состоянии организовать действенный контроль за осужденными в первые 1–2 месяца с момента постановки на учет.

График 8 Интенсивность рецидива осужденных за насильственные хищения по времени, прошедшего с момента осуждения, до совершения нового преступления

Высокий уровень «допenalного» и «раннего пенального» рецидива у грабителей говорит, скорее, об ошибках судов при избрании конкретных наказаний, не связанных с лишением свободы, по-видимому, без учета данных об общественной опасности личности указанной категории преступников. После шести месяцев нахождения на учете уровень рецидива постепенно снижается, однако по истечении шести месяцев с момента снятия с учета начинает расти. Очевидно, что в отношении значительной части грабителей сам

² Полученные нами данные сопоставимы с результатами других исследователей (см., напр.: [6, с. 147]).

факт привлечения к уголовной ответственности в подавляющем большинстве случаев если и оказывает воздействие в виде переоценки антиобщественных взглядов и привычек, то совсем на незначительный период.

Анализ интенсивности рецидива наркоманов, а также лиц, совершивших насильственные преступления против жизни и здоровья (графики 9, 10) подтверждает установленные выше тенденции наибольшего совершения рецидивных преступлений в первый год с момента постановки на учет.

Однако стоит отметить, что, в отличие от воров и грабителей, у наркоманов и лиц, совершивших насильственные деяния против жизни и здоровья, «пик» криминальной активности приходится на период от шести месяцев до одного года. По-видимому, преступники-рецидивисты указанных категорий попросту не осознают проявленной к ним гуманности со стороны суда при назначении наказания за предыдущее преступление и не пользуются предоставленной им возможностью встать на путь исправления и правопослушного поведения. Применительно к наркоманам, отягощенным «пагубными привычками», микросреда и субкультура, которые несут в себе повышенный криминогенный «заряд», также являются детерминантами повышенной пенальной рецидивной преступности. Как видно из графиков, отклонение от рассчитанного поведения проявляется уже после снятия с учета, что говорит о частнопредупредительном эффекте наказания.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что независимо от вида наказания и квалификации содеянного при осуждении без лишения свободы основная масса рецидивных преступлений совершается в первые шесть месяцев с момента постановки на учет; после отбытия наказания и снятия с учета, как правило, криминальная активность преступников угасает.

Очевидно, значительная часть осужденных к наказаниям и мерам, не связанным с изоляцией от общества, как правило, воспринимает уголовное наказание не как кару, а как «прощение», что предопределяет их криминальную активность в первые месяцы с момента постановки на учет. Все это в итоге требует более интенсивной работы с осужденными со стороны уголовно-исполнительных инспекций, особенно в указанный рецидивоопасный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ольховик Н.В., Прозументов Л.М. Рекидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 159 с.
2. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та 2018. 239 с.
3. Шмаров И.В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М. : Юрид. лит., 1974. 136 с.
4. Комарицкий С.И. Рекидивная преступность осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы : (вопросы методики). М. : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1991. 68 с.
5. Михлин А.С. и др. Исправительные работы и их эффективность. М. : ВНИИ ООП МООП СССР, 1967. 178 с.
6. Пичугин С.А. Рекидив преступлений среди условно осужденных : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 220 с.
7. Старков О.В. Криминология. М. : Экзамен, 2004. 480 с.
8. Сторожев С.А. Криминологическая характеристика личности осужденных к обязательным работам // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2018. № 1 (27). С. 87–91.
9. Ниедере А., Якобсон В. Обстоятельства, способствующие рекидивной преступности // Социалистическая законность. 1966. № 2. С 42–45.

Frequency of Recidivism Among Convicts with Non-Custodial Sentences

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 108–113. DOI 10.17223/23088451/14/23

Igor S. Drozdov, Prosecutor's Office of Shegarsky District, Tomsk Region (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru
Keywords: relapse, criminological relapse, criminal activity, recurrence, intensity, personality.

Crime recidivism among those convicted and sentenced to non-custodial sentences is an important criterion for the effectiveness of the execution of criminal punishments not related to isolation from society. This effectiveness cannot be increased without understanding the qualitative characteristics of recidivism in this category of criminals. The frequency of recidivism contributes to understanding the stable antisocial motivation of convicts and the degree to which the goals set for criminal punishment are achieved. It can also indicate the effectiveness of the punitive effect. The highest “recurrent” period can be determined through the analysis of the criminal activity of convicts, taking into account the time elapsed from the moment of conviction, registration or deregistration to the commission of a new crime. The practice and results of the study has shown that the majority of repeated crimes committed by persons sentenced to non-custodial sentences is committed during the first year after registration and deregistration. Therefore, it is advisable to

analyse recidivism in terms of its frequency during the indicated criminologically significant periods. Regardless of the punishment type and offense qualification, the majority of repeated crimes is committed in the first six months from the moment of registration, while after serving the sentence and deregistration the criminal activity fades. The author concludes that a significant part of convicts, as a rule, perceive criminal punishment not as punishment, but as “forgiveness”, which predetermines their criminal activity especially in the first months after registration, which requires more intensive work with convicts by the penal inspections, especially in the indicated recurrence period.

References

1. Olkhovik, N.V. & Prozumentov, L.M. (2008) *Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Recidivism of convicts and its prevention]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugolovnykh nakazaniy* [Problems of the Theory of Criminal Punishments]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Shmarov, I.V. (1974) *Preduprezhdenie prestupleniy sredi osvobozhdennykh ot nakazaniya* [Prevention of crimes among those released from punishment]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
4. Komaritsky, S.I. (1991) *Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh k nakazaniyam, ne svyazannym s lisheniem svobody* [Repeated crime among prisoners sentenced to non-custodial sentences]. Moscow: USSR Ministry of Internal Affairs.
5. Mikhlin, A.S. (1967) *Ispravitel'nye raboty i ikh effektivnost'* [Correctional work and its effectiveness]. Moscow: OOP MOOP USSR.
6. Pichugin, S.A. (2007) *Retsidiv prestupleniy sredi uslovno osuzhdennykh* [Recidivism among probationers]. Law Cand. Diss. Moscow.
7. Starkov, O.V. (2004) *Kriminopenologiya* [Criminopenology]. Moscow: Ekzamen.
8. Storozhev, S.A. (2018) Criminological characteristics of personality of the prisoners sentenced to community service. *Vestnik Samarskogo Yuridicheskogo instituta FSIN Rossii – Bulletin of Samara Law Institute*. 1(27). pp. 87–91. (In Russian).
9. Niedere, A. & Jakobson, V. (1966) *Obstoyatel'stva, sposobstvuyushchie retsidivnoy prestupnosti* [Circumstances conducive to recidivism]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 2. pp. 42–45.

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.9

DOI 10.17223/23088451/14/24

Е.И. Фойгель

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ АДВЕНАЛЬНЫМИ ЛИЦАМИ

Статья посвящена характеристике криминалистической модели преступлений, совершаемых адвенальными лицами, под которыми предлагается понимать субъектов, имеющих этнические, социально-психологические и антропологические отличия от основного российского населения (независимо от гражданства), что влияет как на некоторые элементы механизма преступления, так и на поведение участника уголовного судопроизводства на предварительном следствии. Криминалистическая модель преступлений, совершаемых адвенальными лицами, – научная абстракция, созданная на основе познания и анализа закономерностей преступной деятельности, механизма преступления и личностных характеристик адвенального лица в целях формирования информационного базиса наиболее эффективных направлений выявления, расследования, раскрытия и предотвращения преступлений, совершаемых адвенальными лицами.

Ключевые слова: адвенальное лицо, криминалистическая модель преступления, расследование преступлений, совершенных иностранцами.

Современное демографическое состояние российского общества характеризуется существенными изменениями в этническом составе населения. Иммиграционные процессы, начавшиеся в период распада СССР и продолжающиеся в настоящее время, обусловили появление нового национального элемента – представителей этносов государств ближнего и дальнего зарубежья, переселившихся на длительное или постоянное место жительства в Российскую Федерацию, часть из которых уже получили российское гражданство, часть – находится в состоянии подачи документов либо ожидания решения о натурализации. Естественно, что такой большой массив населения зачастую оказывается вовлечен в сферу уголовного судопроизводства, совершая преступления либо становясь потерпевшими от преступных посягательств. Криминологические исследования показывают, что «около четверти членов организованных преступных формирований не являются русскими» [1, с. 42].

Криминалистическая наука призвана адекватно противостоять современной преступности, разрабатывая эффективные средства и методы расследования и раскрытия преступлений [2, с. 5]. Между тем до настоящего времени отсутствует достаточный инструментарий для решения данной проблемы.

В структуре криминалистической методики традиционно выделяются методики расследования преступлений, совершенных иностранцами, и методики расследования преступлений, совершенных против иностранцев. Однако представляется, что данные научные продукты не способны охватить всю совокупность криминалистически значимых признаков преступников и потерпевших, влияющих на специфику расследования преступлений, совершенных с их участием. Иностраниец – категория большей частью публично-правовая, отличающаяся отсутствием гражданства, влекущая определенные административно-правовые, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные последствия. Однако, несмотря

на тесную взаимосвязь и взаимозависимость криминалистики и уголовного процесса, которую отмечают многие авторы [3, с. 80], особенности уголовноправового статуса иностранного гражданина не оказывают существенного влияния на выбор тактических приемов производства следственных действий и разработку иных криминалистических средств и методов.

Криминалистическая наука для достижения своих основных целей и задач должна учитывать не только вышеуказанные признаки, но и этнические различия в мышлении, поведении и интерпретации значимой информации. Разработка и применение тактических приемов и иных криминалистических средств зависит не только от правового статуса субъекта уголовного судопроизводства, но и от его личных качеств, которые анализируются преимущественно в структуре криминалистической характеристики личности [4, с. 184].

Необходимость учета этнических отличий при разработке методических рекомендаций по расследованию преступлений, совершенных данными субъектами, обуславливает разработку нового криминалистического контента – адвенального лица (адвеналия), под которым предлагается понимать человека, обладающего совокупностью социально-психологических свойств, осуществляющего свою деятельность на основе генетически определенных факторов, в силу своей этнической принадлежности отличающегося от представителей основного российского населения этническим языком, народно-бытовой культурой, обрядовой деятельностью и этническим самосознанием, что влияет на течение его отражательных процессов при осуществлении и (или) восприятия преступной деятельности. Адвенальные лица могут быть гражданами России, уже получившими гражданство, либо находиться в стадии ожидания решения о предоставлении российского гражданства, однако эти факты никак не влияют на уже сформированные этнические ценности, стереотипы и национальный менталитет.

Официальная статистика приводит данные по количеству и виду зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, удельный вес которых в структуре преступности очень невелик, однако она не в силах отразить реальную картину адвентальной преступности, поскольку не содержит сведений о преступлениях, совершенных адвенталиями – гражданами России. Кроме того, традиционно среди таких преступлений высок процент латентности.

Совершенно очевидно, что для изучения преступной деятельности данного вида необходимо создать ее обобщенную картину, включающую в себя наиболее значимые криминалистические признаки. Несмотря на принцип конкретности, изучение каждого уголовного дела о совершении адвентального преступления представляется как физически невозможным, так и методически нецелесообразным, – достаточно изучить дела о наиболее часто совершаемых адвентальными лицами преступлениях, основываясь на статистических данных, характеризующих состояние преступности [5]. Результаты изучения данной категории уголовных дел могут быть представлены посредством достаточно эффективного инструмента – метода криминалистического моделирования.

Разрабатывая методические рекомендации по расследованию адвентальных преступлений, необходимо прежде всего сформировать криминалистическую модель преступлений, совершаемых адвентальными лицами, поскольку, прежде чем анализировать особенности криминалистической деятельности, необходимо уяснить механизм преступной деятельности. Криминалистическая деятельность во многом обусловлена особенностями опережающий ее преступной деятельности – в большинстве случаев преступники создают новые и совершенствуют старые способы совершения преступления, на которые впоследствии реагируют компетентные органы выработкой способов противодействия. Таким образом, необходимым условием создания идеальной модели поведения субъекта расследования при расследовании адвентальных преступлений является создание модели деятельности, связанной с совершением адвентального преступления. Эта позиция будет вполне соответствовать одному из главных принципов криминалистики, сформированных Б. М. Шавером: от способа преступления – к способу раскрытия преступления.

До сих пор в криминалистической науке не существует единого взгляда на понятие криминалистической модели преступления (преступной деятельности) и ее соотношение с более привычным понятием криминалистической характеристики преступления, целесообразность выделения которых вызывает оживленные споры и дискуссии. Представляется, что формирование криминалистической характеристики преступлений вполне целесообразно и оправданно, поскольку она выполняет функцию первичной информационной базы о признаках преступной деятельности, имеющих значение для расследования и раскрытия преступлений, обладает научной состоятельностью, информационной содержательностью и практической востребованностью [6, с. 10]. Кроме того, как справедливо отмечает А.С. Князьков, криминалистическая характеристика

носит ярко выраженный поисковый характер, поскольку представляет собой «совокупность не всяких обстоятельств, способствующих успешному раскрытию и расследованию преступления, а лишь тех, которые в силу особого характера конкретной преступной деятельности способны отразиться на других элементах при подготовке, совершении и сокрытии преступления» [7, с. 128].

Принято считать, что криминалистическая характеристика – это система взаимосвязанных криминалистически значимых признаков отдельного преступления, которая выстает с целью успешного решения задач по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений [8, с. 22]. Элементный состав криминалистической характеристики преступления определяется неоднозначно. Так, В.Г. Танаевич полагает, что в криминалистическую характеристику преступлений включаются взаимосвязанные и взаимоопределяющие друг друга элементы: способ совершения преступления, обстановка совершения преступления, непосредственный предмет преступного посягательства (включая характеристику лиц, связанных с обеспечением неприкосненности блага, на которое произведено покушение), личность субъекта преступления, маскировка, направленная на сокрытие преступного действия и виновных лиц, осуществляемая как в процессе совершения преступления, так и после него [9, с. 8].

С.И. Винокуров количество элементов криминалистической характеристики сводит до четырех: типичные ситуации совершения преступления, способ совершения преступления, следственные (типичные) ситуации, а также круг обстоятельств, подлежащих установлению на первоначальном этапе расследования [10, с. 102].

Иной точки зрения придерживается В.А. Ледащев, расширяя перечень составных элементов криминалистической характеристики преступлений за счет криминологических и уголовно-правовых сторон противоправных действий (например, распространенность и динамика преступлений, данные о наиболее характерных мотивах преступлений) [Там же].

Содержание и объем криминалистической характеристики преступления, по мнению И.Ф. Герасимова, определяют распространенность и общественная опасность деяния, особенности обнаружения и выявления преступлений, механизм следообразования в широком смысле слова, степень сокрытия, маскировки преступления, личность преступника как объект криминалистического исследования, способ совершения как наиболее важный элемент, особенности места, обстановки, среды, условий, в которых совершаются те или иные преступления (в том числе временной фактор), характеристика типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании тех или иных групп или видов преступлений [Там же. С. 94–95].

В.Г. Танаевич и В.А. Образцов в перечень составных взаимосвязанных частей криминалистической характеристики включают способ совершения преступления, обстановку совершения преступления, условия охраны объекта от этого посягательства, маскировку, а также личность преступника и образ его поведения до и после совершения преступления [11, с. 101].

Некоторые ученые, не отрицая необходимости использования понятия криминалистической характеристики преступления, предлагают несколько отойти от привычного наполнения его совокупностью элементов, имеющих значение для расследования, а заострить внимание на информационной составляющей, т.е. понимать криминалистическую характеристику как информационную модель преступления, содержащую теоретически созданную систему знаний о закономерных взаимосвязях между элементами криминального события, которая позволяет представить объект исследования (преступление) в процессе расследования [12, с. 135]. Как видим, формулировка «криминалистическая характеристика преступления» остается без изменений, однако ее наполнение сводится к использованию понятия «информационная модель преступления». Представляется, что это не совсем логично, поскольку термин «характеристика» имеет некоторые отличия от термина «модель», и использовать их как тождественные понятия не совсем верно. Характеристика – это описание наиболее характерных свойств и качеств изучаемого объекта, выявление его достоинств и недостатков. Исходя из этимологии слова, криминалистическая характеристика преступления должна представлять собой описание признаков преступного деяния, отличающихся его от других и имеющих криминалистическое значение. Такой смысл имеет лишь криминалистическая характеристика конкретного преступления, составляющаяся отдельно взятым лицом, осуществляющим расследование данного преступного деяния. Именно в ходе расследования конкретного преступления возможно выявить отличительные черты, недостатки и достоинства рассматриваемого преступного деяния. Видовая и групповая криминалистические характеристики преступлений в данном случае не соответствуют точно этимологии слова.

Теоретическая модель преступления представляет собой научную абстракцию, сформированную на основе обобщения опыта выделения отличительных признаков рассматриваемой группы или вида преступления, т.е. является искусственным типовым образованием. Она не имеет собственной жизни в реальной действительности, ее не расследуют, с ней не работает субъект правоприменительной и правоохранительной деятельности. Так, Т.С. Волчецкая определяет модель как «искусственно созданную материальную или идеальную систему, воспроизводящую или заменяющую исследуемое криминальное событие или отдельные ситуации и обстоятельства его совершения, так что ее изучение позволит получить об оригинале информацию, необходимую для успешного решения практических, научных и дидактических криминалистических задач» [13, с. 12]. С.И. Коновалов, выделяя типовую теоретическую модель преступления, предлагает подразумевать под ней построенную на основе обобщения теоретических представлений информационную систему криминалистически значимых признаков преступления, отражающую закономерные связи между существенными для раскрытия и расследования элементами и служащую для выдвижения типовых следственных версий [14, с. 89].

Подтверждая высказанную точку зрения, ряд авторов в качестве сущностной основы методики расследования называют типовую модель криминального события, созданную на основе информационных данных обобщения представленного количества уголовных дел с учетом выявленных характеристик [15, с. 136]. Заостряя внимание на типовом характере выделяемой модели криминального события, ученые предлагают использовать в качестве информационной базы изученные уголовные дела, объединенные каким-либо криминалистически значимым критерием. Представляется, что это абсолютно верный подход.

Криминалистическая модель преступной деятельности, по нашему мнению, не должна ограничиваться одним конкретным составом (группой схожих составов), а должна отражать специфику деятельности человека, связанную с совершением преступления. Так, в криминалистическую модель преступной деятельности должны входить все акты поведенческой активности лица, связанного с совершением преступления, а также конкретная мотивация и связь (связи) самого лица со своей деятельностью. Рассматривать способы подготовки, совершения и сокрытия преступления, его мотив и следовую картину отдельно от самого человека – преступника или потерпевшего – нецелесообразно, поскольку все перечисленные элементы взаимозависимы и взаимообусловлены. Следует вполне согласиться с высказанной точкой зрения, согласно которой в качестве способов подготовки, совершения и сокрытия преступления следует признавать обстоятельства, взаимосвязанные между собой и (или) с другими элементами, выбранные с целью достижения преступных целей, детерминированные условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности посягавшего и получающими отражение друг на друге и (или) иных элементах криминалистической характеристики преступления определенного вида [16, с. 57–58].

В этой связи представляется, что под криминалистической моделью преступлений, совершаемых адвентальными лицами, целесообразно понимать созданную на основе обобщения наиболее сущностных характеристик научную абстракцию, являющуюся искусственным отражением системы поведенческих актов адвенталии по формированию мысленной модели преступления и воплощения его в реальной действительности.

Целью создания криминалистической модели преступлений, совершенных адвентальными лицами, является конструирование научной абстракции, описывающей систему наиболее типичных, повторяющихся деяний адвентальных лиц по организации и осуществлению преступной деятельности, с целью выявления очагов локализации последствий совершенного деяния и иной криминалистически значимой информации, используемой для оптимизации предварительного расследования, а также прогнозирования возможного поведения адвентальных лиц на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Проведенное исследование статистических данных [5] и уголовных дел о преступлениях, совершенных адвентальными лицами за период с 2013 по 2018 г. (изучены материалы более 200 уголовных дел), позволило сделать

вывод о том, что все множество преступных деяний, совершаемых адвенальными лицами, в механизме которых можно проследить роль этнического фактора, можно подразделить на следующие группы:

- преступления, против здоровья населения и общественной нравственности;
- преступления в сфере экономики;
- преступления, связанные с незаконным оборотом природных ресурсов РФ;
- преступления коррупционной направленности.

Конечно, имеют место и совершаемые адвеналиями преступления против личности, общественного порядка, государственной власти, мира и безопасности человечества и др. Однако они не имеют большого распространения и не являются «типичными» именно для адвенальных лиц. В этой связи представляется, что уголовно-правовой критерий, лежащий в основе выделения данных групп, не должен быть единственным и основным основанием формирования криминалистической модели преступлений, совершаемых адвенальными лицами. Согласно официальной статистике МВД России, адвенальные лица за последние 10 лет совершили преступления практически из каждого раздела Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (от

единичных до выраженных системных случаев), и создание криминалистических моделей каждого из них – задача непосильная и, по большому счету, ненужная: представляется необходимым остановиться на наиболее распространенных и системно совершаемых адвенальными лицами видах преступлений.

В этой связи представляется целесообразным классифицировать криминалистические модели преступлений, совершенных адвеналиями, на основании наиболее яких характеристик, таких как:

- субъектный характер деятельности – групповой или единичный;
- длительность и систематичность осуществляющей деятельности, связанной с совершением адвенальными лицами преступлений;
- мотив совершения адвенальных преступлений;
- криминалистическая характеристика личности адвенального преступника, включающая в себя антропологические, социальные, культурные и психологические признаки, имеющие криминалистическое значение.

Результаты изучения официальной статистики [5] и уголовных дел о преступлениях, совершенных адвеналиями, позволяют сделать выводы о наиболее часто совершаемых ими преступных деяниях (таблица).

Типичные преступления, совершаемые адвенальными лицами

Вид по составу лиц	Армяне	Азербайджанцы	Грузины	Таджики	Узбеки	Киргизы	Китайцы
	Статьи Уголовного кодекса Российской Федерации						
Индивидуальная преступная деятельность	222; 228; 291	222; 291	222; 291	327; 291; 158; 131; 105	105; 131, 132, 291	158; 161; 327; 291; 322	226.1; 291; 322
Группа лиц, группа лиц по предварительному сговору	161; 162; 191	163	159; 163	161; 162; 163	161	161	260; 322
Организованная преступная группа	161; 162; 209; 210	161; 162; 208; 209; 210	161; 162; 209; 210	228; 228.1; 228.3; 171.1; 180	228.1.	228.1	126; 127; 127.1; 163; 200.1; 191; 191.1; 193; 322; 322.1; 327; 291; 260

Деятельность, связанная с совершением преступлений представителями различных адвенальных этносов, характеризуется едиными информационными признаками, имеющими криминалистическое значение: изначальным наличием гражданства иного государства, фактом перемещения для осуществления деятельности, связанной с совершением преступления (либо ее части) на территорию Российской Федерации, наличием национальной культуры восточного типа, традиций, ценностей, а также преимущественным проживание адвеналиев в условиях закрытых национальных анклавов.

Принимая во внимание все вышеперечисленные характеристики, можно выделить следующие типы криминалистических моделей преступной деятельности, совершающей адвенальными лицами.

Криминалистическая модель групповой адвенальной преступной деятельности. Групповой характер преступной деятельности предполагает совершение преступного действия двумя и более лицами в различных формах соучастия. Наиболее характерная форма групповой преступной деятельности адвенальных лиц – это организованная преступная группа, однако встречаются и группа лиц, и группа лиц по предварительному сговору, и преступное сообщество (преступная организация). Группой лиц адвеналии чаще всего совершают преступления против личности – убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное

причинение средней тяжести вреда здоровью, умышленное причинение легкого вреда здоровью, а также ряд преступлений против собственности – грабежи, разбои, вымогательства. Как правило, такие деяния не сопровождаются подготовительными и организационными действиями, тщательным выбором жертвы, сокрытием преступления. Умысел возникает внезапно, в зависимости от сложившейся ситуации, к созданию которой адвеналии часто бывают непричастными. Влияние этнического фактора в данном случае прослеживается в основании и характере течения межличностных конфликтов, которые зачастую являются предварительной стадией совершения преступлений данной группы.

Группа адвенальных лиц иногда совершает адвенальные преступления против личности. При этом прослеживается адвенальный характер преступного деяния, поскольку оно происходит в виде массовой драки между двумя группами различных этносов, большинство участников которой имеет отдаленное представление о причинах и поводах конфликта. Как правило, один или несколько представителей адвенального этноса вступают в конfrontацию с представителем (представителями) другого этноса, в результате чего завязывается драка, в которой срочным образом призываются принять участие все находящиеся поблизости адвеналии.

Так, 16 августа 2017 г. на оптовом плодовоощном рынке «Кузбасский», расположенному в Нижнем Нов-

городе, завязалась драка, в которой приняли участие более 150 уроженцев Таджикистана и Азербайджана. Поводом для межэтнического конфликта послужила ссора между продавцом-азербайджанцем и покупателем-таджиком, который загородил своим автомобилем прилавок продавца и на требование убрать машину ответил: «Среди азербайджанцев мужчин нет». Отреагировавшие на это продавцы-азербайджанцы избили покупателя и вытолкали его с рынка. На следующий день таджик вернулся с представителями диаспоры, которые завязали драку [17].

Как видим, этнический фактор оказал существенное влияние на механизм преступления: с одной стороны, на формирование мотива – драка началась не сразу после взаимных претензий, а только после оскорбления национального достоинства, а с другой стороны, на излишнюю горячность, порывистость и экспрессивность в выяснении отношений посредством телесных повреждений.

Группа адвенальных лиц по предварительному сговору чаще всего совершают преступления корыстно-насильственной направленности, такие как грабеж, разбой, похищение человека, убийство. По сравнению с предыдущей криминалистической моделью преступлений, совершенных группой лиц, данный тип криминалистической модели деятельности отличает наличие совместных планов и действий по организации и подготовке к совершению преступления.

Этнический фактор в данном случае проявляется в таком важном криминалистически важном признаке, как выбор жертвы. Как правило, жертва имеет отношение к адвенальной деятельности – является коллегой, клиентом, деловым партнером, работником или руководителем конкурирующей организации, либо к адвенальному этносу – является соотечественником, земляком преступников, т.е. принадлежит к адвенальному этносу.

Так, в апреле 2016 г. группа лиц, находясь в одной из квартир Иркутска, зная, что потерпевшие занимаются скупкой нефрита, вымогали у них деньги путем пыток. В какой-то момент потерпевшие дали команду своему брату, проживающему в Китае, перечислить на счет одного из злоумышленников 10 млн руб. После получения денег товарищи обвиняемого совершили убийство двух предпринимателей, уроженцев КНР, и вывезли тела потерпевших с места преступления. Через два дня на берегу р. Ушаковки было обнаружено тело одного из граждан, второго потерпевшего обнаружили в колодезном люке по ул. Култукской в Иркутске. Как установлено следователями, еще до совершения убийства обвиняемые похитили у предпринимателей денежную сумму в размере более 1 млн руб. К совершению данного преступления причастны четверо граждан КНР, трое из которых скрылись за пределы РФ [18].

Для адвеналиев восточноазиатского типа характерно совершение преступлений, предметом которых являются природные ресурсы Российской Федерации – лес, золото и драгоценные камни, водные и биологические объекты, нефть и другие природные ископаемые.

Модель преступной деятельности в данном случае такова. Адвенальное лицо (адвенальные лица) принимает решение о совершении преступных посягательств

в отношении природных ресурсов РФ, вступает в преступный сговор с иными лицами. Затем они совместно осуществляют подготовительные действия – предпринимают поиск предметов и средств преступления, вступают в знакомство с гражданами, имеющими доступ к природным ресурсам или орудиям преступления. При этом, как правило, сами адвеналии, за исключением отдельных случаев, не осуществляют действий по их добыче, а находят лиц из числа российских граждан, которые продают (передают) им данные объекты. Далее полученные предметы преступления перемещаются через таможенную границу в КНР либо другие государства Азиатско-Тихоокеанского региона.

Так, гражданин КНР Су Фалянь, действуя группой лиц по предварительному сговору с Минченко М.А., 30 сентября 2016 г., находясь в кафе ООО «Лун Тын», встретился с неустановленным лицом, которое попросило его перевезти в КНР корни женьшеня, вывоз которых из Российской Федерации без специального разрешения запрещен. Су Фалянь получил от него две сумки и один рюкзак, в котором находилось 19 черных полимерных свертков, обмотанных клейкой лентой «скотч», с 2 745 корнями женьшеня настоящего, для их последующего незаконного перемещения в автобусе через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС путем следования на выезд из Российской Федерации в КНР через международный автомобильный пункт пропуска «Пограничный». Далее гражданин КНР Су Фалянь поместил указанные выше полимерные свертки с корнями женьшеня настоящего в тайник, специально оборудованный в автобусе, расположенный в технологической полости задней части салона, прибыл в зону таможенного контроля МАПП «Пограничный», расположенный на территории Пограничного района Приморского края, в целях убытия из Российской Федерации в КНР [19].

Одной из наиболее распространенных форм соучастия при осуществлении деятельности, связанной с совершением преступления адвенальными лицами, является организованная преступная группа. При этом в структуре организованных преступных групп часто фигурируют такие виды, как этническая организованная преступная группа (ЭОПГ), этническая преступная группировка (ЭПГ), этническое преступное формирование. Данная классификация не имеет законодательного закрепления, однако часто выделяется как в теории криминологической и криминалистической науки, так и в практических материалах (статистические карточки, отчеты, оперативные и уголовные дела, отказные материалы и др.). Наиболее известны факты осуществления преступной деятельности в Российской Федерации следующими адвенальными этническими организованными преступными группами: кавказского типа (армянские, азербайджанские, грузинские), среднеазиатскими (таджикские, узбекские, киргизские) и азиатскими (китайские, корейские, вьетнамские).

В совершении преступных посягательств этнической организованной преступной группой можно четко проследить несколько этапов:

1. Прибытие на территорию РФ членов ЭОПГ, решение вопросов регистрации данных иностранных

граждан. Поскольку адвентальные организованные преступные группы формируются по этническому признаку, в действиях их членов можно четко проследить заинтересованность в привлечении на территорию Российской Федерации новых адвенталиев и увеличении времени нахождения в России уже приехавших адвенталиев. В этой связи наиболее часто совершаются так называемые миграционные преступные деяния, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 322, 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ, а также ст. 325, 327 УК РФ.

Способ совершения преступления характеризуется следующими действиями: лидер диаспоры, осуществляя деятельность по накоплению материальной базы (планируя осуществлять такую деятельность), осуществляет подбор помощников из числа представителей своего этноса, нарушая миграционное законодательство (получение коммерческой, учебной визы) путем оформления документов, не дающих право на осуществление трудовой деятельности. При этом лидер диаспоры может осуществлять такую деятельность лично либо посредством обращения к другим лицам. Прибывшие таким образом адвенталии осуществляют трудовую деятельность, совершая миграционные преступления, которые составляют основной массив официально зарегистрированных преступлений, совершаемых иностранными гражданами.

Иногда преступники предпринимают попытки скрыть совершение миграционных преступлений, придав им вид законных сделок или действий. Так, гражданин Асланов Алей Аллаз оглы, вступив в преступный сговор с начальником отдела записи актов гражданского состояния Администрации Петуховского района Курганской области К., осуществлял организацию фиктивных браков адвентальных лиц с гражданами РФ без личного участия брачующихся в целях получения вида на жительство и гражданства РФ. Таким образом было зарегистрировано более 25 пар [20].

2. *Организация и осуществление деятельности по накоплению материальной базы незаконными способами.* Именно этот этап является основным в деятельности этнических организованных преступных групп. Если предыдущий этап осуществляется всеми адвентальными организованными группами примерно одинаково, независимо от принадлежности к определенному этносу или группе этносов, то организация и осуществление деятельности по накоплению материальной базы незаконными способами осуществляется ЭОПГ в зависимости от преступной «специализации». Наиболее распространенным способом осуществления данного этапа является совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом объектов, изъятых из гражданско-правового оборота либо ограниченных в гражданско-правовом обороте (наркотических средств, оружия, боеприпасов, этилового спирта, алкоголя, алкоголь содержащей продукции и др.), природных ресурсов (драгоценные металлы, драгоценные камни, природный жемчуг, нефть и нефтепродукты, лес и лесопродукты, объекты животного и растительного происхождения и др.).

Преступными деяниями, связанными с незаконным оборотом наркотиков (ст.ст. 228, 228.1, 228.2, 228.3, 228.4, 229, 229.1, 231 УК РФ) занимаются этнические

организованные преступные группы среднеазиатского и кавказского типов. Данная деятельность отличается высокой степенью организованности – существует лидер, участники этнической организованной преступной группы имеют четко определенные функции, задачи, направленные на достижение единой цели и несут ответственность за выполнение согласованных действий в своей сфере. Криминалистическая модель человеческой деятельности этнических организованных преступных групп при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, такова: адвенталии объединяются в организованную преступную группу на основе принадлежности к одному или нескольким родственным этносам. При этом решающее значение имеет именно этот факт, а также наличие родственных, свойственных, дружеских отношений с лидером и иными участниками. Лидер распределяет обязанности между членами этнической организованной преступной группы примерно следующим образом: в адрес лидера курьеры привозят наркотические средства, которые оцениваются и фасуются. По указанию лидера или ближайшего помощника лидера операторы начинают подыскивать покупателей, чаще всего с помощью социальных сетей и интернет-мессенджеров. Достигнув договоренности по виду, объему и цене наркотического средства, покупатель переводит оплату, пользуясь различными электронными денежными системами (Юнистрим, KIWI, Контакт, Анелик и др.). Получив оплату, лидер дает задание закладчикам поместить дозу наркотического средства в определенное место, о котором покупатель извещается оператором.

Лидерами и их помощниками осуществляются действия, направленные на обеспечение деятельности этнической организованной преступной группы: приискание новых участников, организация их переезда в Россию, обеспечение их документами, жильем, оплата труда.

Осуществление данной преступной деятельности сопровождается специально разработанной системой конспирации, направленной на скрытие следов, среди средств которой можно выделить такие, как закрытость организации для представителей иного, неадвентального этноса, осуществление общения между участниками этнической организованной преступной группы преимущественно на адвентальном языке, что создает определенные трудности в производстве оперативно-розыскных мероприятий по выявлению фактов преступной деятельности. Кроме этого, в переписке и при личном общении участники используют заранее установленные слова: «шарики», «шары», «лекарство», «краска», «помидоры» и другие со значением наркотического средства, сбыта наркотика. Закладка доз героина в тайнике обозначается как «идите, поработайте», «посейте», «положите», «поставьте» и пр.

Этнические организованные преступные группы восточноазиатского типа осуществляют накопление материальной базы своей преступной деятельности путем совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом природных ресурсов. К ним относятся лес и лесопродукты, животные и растения, занесенные в Красную книгу РФ, драгоценные металлы и природные драгоценные камни, природный жемчуг. Ответственность

за совершение данных преступных деяний предусмотрена ст.ст. 191, 191.1, 226.1, 256, 258, 258.1, 260 УК РФ.

Модель преступной деятельности характеризуется следующим образом: этнические организованные преступные группы азиатского типа вступают в сговор с лицами (преимущественно гражданами России), которые имеют доступ к природным ресурсам либо продуктам их первичной переработки. Поскольку иностранные граждане могут осуществлять трудовую деятельность только на основании соответствующих документов (трудовая виза, разрешение на работу), то деятельность по добыче и первичной переработке природных ресурсов занимаются не сами участники этнических организованных преступных групп, а иные лица. Деятельность адвенталиев связана со скопкой природных ресурсов и предметов их переработки и перемещением их через таможенную границу РФ.

В качестве природных ресурсов и продуктов их переработки чаще всего выступают нефрит, золото в слитках, корни женьшения, лес. Как правило, преступная деятельность по незаконному обороту данных объектов выявляется при попытке перемещения их через таможенную границу. При этом перевозчики используют такие способы, как сокрытие в предметах одежды, обуви, в личных вещах, в транспортных средствах. При использовании средств криминалистической техники тайники выявляются, что является основанием для возбуждения уголовного дела.

Наибольшую сложность для следствия представляет установление личности лиц, передающих адвенталиям объекты природных ресурсов. По большинству изученных уголовных дел данные лица (сбытчики) остались неустановленными, поскольку задержанные перевозчики заявляют о случайном знакомстве, мимолетном контакте, незначительном вознаграждении (200–1 000 китайских юаней) и отсутствии возможности участвовать в предъявлении для опознания.

3. Решение вопросов по ликвидации возможных негативных последствий осуществляющей (осуществленной) преступной деятельности. В ходе осуществления основного этапа преступной деятельности по накоплению материальной базы адвенталии совершают правонарушения преимущественно административно-правового, реже – уголовного характера. Лидеры (помощники лидеров) этнических организованных преступных групп осуществляют действия по сокрытию данных фактов. К ним относятся оформление на работу подставных лиц, внесение в документы недостоверных сведений, а также совершение таких преступлений, как дача взятки, коммерческий подкуп, уклонение от уплаты налогов и таможенных платежей, легализация преступных доходов.

Официальная статистика отражает небольшую часть совершенных преступных деяний, преимущественно связанных с дачей взятки. Типичная характеристика преступной деятельности выглядит следующим образом. Адвенталии осуществляют деятельность по накоплению материальной базы этнической организованной преступной группы, допуская нарушения российского законодательства. При пресечении фактов противоправной деятельности лидер (помощник лидера), ответственный за решение вопросов с правоохранительными и

государственными органами, предпринимает попытки по сокрытию фактов правонарушений путем совершения коррупционных преступлений.

4. Использование полученной материальной базы для совершения иной противоправной деятельности (продолжения осуществляющей противоправной деятельности). Данная стадия является завершающей в криминалистической модели человеческой деятельности, связанной с совершением адвентальных преступлений этническим организованным преступными группами. Целью преступной деятельности ЭОПГ может являться совершение преступлений экстремистской либо террористической направленности либо возобновление нового цикла криминальной деятельности с большим размахом.

Групповая преступная деятельность адвентальных лиц имеет большую распространенность и высокую общественную опасность. Поскольку большинство адвентальных лиц живут в Российской Федерации диаспорой, то и преступления совершают преимущественно совместно со своими земляками. Индивидуальная преступная деятельность при этом, как правило, либо связана с групповой (совершается в интересах представителей своего этноса), либо фиксируется как индивидуальная, что связано со сложностями в доказывании группового характера.

Криминалистическая модель индивидуальной преступной деятельности адвентального лица. В ряде случаев в процессе единоличного совершения адвентальным лицом преступления прослеживается ярко выраженный этнический фактор. К примеру, посягательства на личность, характерные для адвентальных лиц, – это убийство (ст. 105 УК РФ), умышленное повреждение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), побои (ст. 116 УК РФ). При совершении этих преступлений факт принадлежности к адвентальному этносу и, как следствие, наличие этнических установок и стереотипов влияют на формирование мотива и выбор жертвы. Чаще всего криминалистическое значение имеют культурная и психологическая составляющие этнического фактора. Так, адвентальные ценности, традиции и обычаи не всегда совпадают с ценностями и стилем поведения окружающих лиц, имеющих потенциальную возможность стать жертвой преступления.

Кроме того, представители восточных культур (особенно исламского культурного типа) имеют отличные от российских представления об образе жизни женщин в части соблюдения верности и общения с другими мужчинами. Есть определенные различия в восприятии адвенталиями мужского пола женщины как «своей». Для признания «своей» женщина не всегда должна состоять в брачных или фактически брачных отношениях с мужчиной – иногда для адвенталия достаточно нескольких близких встреч.

В марте 2018 г. в Иркутске 26-летним уроженцем Таджикистана было совершено убийство 21-летней сожительницы и ее полуторагодовалого сына. Мотивом убийства стало подозрение в неверности, возникшее после телефонного звонка незнакомого мужчины. Обвиняемый сначала на глазах матери нанес 10 ножевых

ранений ребенку, а потом – 30 ножевых ранений женщине. Потерпевшие скончались на месте. По словам старшего помощника руководителя СУ СК РФ по Иркутской области Юлии Крицкой, обвиняемый признал вину полностью [21].

Кроме этого, индивидуальная модель человеческой деятельности, связанной с совершением преступления адвенальным лицом, включает в себя достаточно распространенные факты коррупционных преступлений в виде дачи взятки (ст. 291 УК РФ) и посредничества по взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). Как правило, адвеналии совершают дачу взятки должностным лицам правоохранительных органов за совершение действий по сокрытию (нивелированию последствий) фактов совершения административных правонарушений либо преступлений, совершенных либо самими адвеналиями, либо представителями адвенального этноса. При этом взятку чаще всего дает лицо, исполняющее обязанности лидера этнической диаспоры, либо фактический владелец бизнеса, в котором работают адвеналии.

Наиболее часто взятки даются (предназначаются) должностным лицам за сокрытие фактов незаконного

предпринимательства, незаконной рубки лесных насаждений, налоговых и таможенных правонарушений, преступлений в сфере незаконного оборота предметов, изъятых из гражданско-правового оборота. Кроме того, распространенным мотивом дачи взятки иностранцем-адвеналием является сокрытие фактов нарушения правил пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации – стремление избежать выдворения, поскольку многие из них фактически осуществляют трудовую деятельность, не имея на это соответствующих разрешений.

Криминалистическая модель преступлений, совершаемых адвенальными лицами, позволяет сформировать представление об особенностях механизма преступлений, выявить типичные способы их совершения, проследить корреляционные связи между совершением преступления и личностями преступника и потерпевшего и на основе этой информации выработать совокупность научных положений и основанных на них практических рекомендаций по выявлению, расследованию, раскрытию и предотвращению преступлений, совершаемых адвенальными лицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асатрян Х.А., Христюк А.А. Характеристика личности преступника, занимающегося организованной преступной деятельностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 40–48.
2. Протасевич А.А., Образцов В.А., Богомолова С.Н. Монологи: криминалисты о своей науке, призванной адекватно противостоять современной преступности. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1999. 352 с.
3. Смирнова И.Г., Егерева О.А. Уголовный процесс и криминастика: роль версии в установлении истины // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 80–89.
4. Протасевич А.А., Телешова Л.В. Особенности личности преступника в контексте криминалистической характеристики серийных убийств // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2005. № 2 (8). С. 181–192.
5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, январь–сентябрь 2018 г. URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 10.10.2018).
6. Варданян А.В. Научный потенциал методики построения психолого-криминалистического портрета личности типичного преступника в контексте проблемы совершенствования криминалистической характеристики преступлений // Криминастика: актуальные вопросы теории и практики : сб. трудов участников XII Всерос. науч.-практ. Ростов н/Д, 2015. С. 3–11.
7. Князьков А.С. О критериях значимости криминалистической характеристики преступления // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 122–128.
8. Особенности расследования отдельных категорий уголовных дел и уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц. М. : Юрлитинформ, 2016. 336 с.
9. Танасевич В.Г. Проблемы методики раскрытия и расследования преступлений // Селиванов Н.А., Танасевич В.Г., Эйсман А.А., Якубович Н.А. Советская криминастика. Теоретические проблемы. М. : Юрид. лит., 1978.
10. Методика расследования преступлений. Общие положения : материалы науч.-практ. конф. (г. Одесса, ноябрь 1976 г.) / редкол.: Н.А. Селиванов, В.Г. Танасевич, А.А. Эйсман, В.Е. Эминов. М. : Моск. гос. ун-т, 1976. 179 с.
11. Образцов В.А., Танасевич В.Г. О криминалистической характеристике преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1976. № 25. С. 94–104.
12. Малыхина Н.И. Криминалистическая характеристика и информационная модель преступления: соотношение понятий // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 133–135.
13. Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике : учеб. пособие. Калининград, 1997. 95 с.
14. Коновалов С.И. Теоретико-методологические основы криминалистики: современное состояние и проблемы развития : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2001. 268 с.
15. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуатология. Калининград : Янтарный сказ, 1997. 248 с.
16. Князьков А.С. Криминалистическая характеристика преступлений в контексте его способа и механизма // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1. С. 51–65.
17. Не поделили овощебазу: в Нижнем Новгороде подрались 150 выходцев с Кавказа и из Средней Азии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3386203> (дата обращения: 21.04.2018).
18. Уголовное дело №1-94/2016 // Архив Куйбышевского районного суда г. Иркутска.
19. Уголовное дело № 1-17/2017 // Архив Пограничного районного суда Приморского края.
20. Уголовное дело 1-1566/2016 // Архив Курганского городского суда Курганской области.
21. В Иркутске расследуется уголовное дело по факту жестокого убийства матери и полуторагодовалого ребенка. URL: <http://irk.sledcom.ru/news/item/1211170/> (дата обращения: 19.04.2018).

On the Forensic Model of Advenal Crimes

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 114–122. DOI 10.17223/23088451/14/24

Elena I. Foygel, Institute of State and Law of Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: foiguelelena@gmail.com
Keywords: advenal person, forensic crime model, investigation of crimes committed by foreigners.

The forensic model of advenal crime should be understood as an abstraction created on the basis of generalized essential characteristics, which reflects the system of a advenal person's behavioural acts to form a mental model of a crime and its implementation. The forensic model of advenal crime aims at describing the system of the most typical, repeating acts of an advenal persons in organizing and carrying out criminal activity in order to identify foci of localizing the consequences of the committed act and other forensic information used to optimise the preliminary investigation and predict the possible behaviour of an advenal person at various stages of criminal procedure. The forensic model of advenal crime allows us to form an idea of the mechanism of the crime, identify typical methods of committing crimes, trace the correlation between the commission of a crime and the identity of the offender and the victim. Basing on this information, we can develop a set of provisions and practical recommendations to identify, investigate, disclose and prevent advenal crimes.

References

1. Asatryan, Kh.A. & Khristyuk, A.A. (2014) Personality of offender engaged in organized criminal activity. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 3. pp. 40–48. (In Russian).
2. Protasevich, A.A., Obraztsov, V.A. & Bogomolova, S.N. (1999) *Monologi: kriminalisty o svoey nauke, prizvannoy adekvatno protivostoyat' sovremennoy prestupnosti* [Monologues: criminologists about their science, designed to adequately counter modern crime]. Irkutsk: IGEA.
3. Smirnova, I.G. & Egereva, O.A. (2015) Criminal legal proceeding and criminalistics: the role of the version in the establishment of the truth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4(18). pp. 80–89. (In Russian).
4. Protasevich, A.A. & Teleshova, L.V. (2005) Osobennosti lichnosti prestupnika v kontekste kriminalisticheskoy kharakteristiki seriynykh ubiystv [Peculiarities of the criminal personality in the context of the forensic characteristics of serial killings]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*. 2(8). pp. 181–192.
5. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Sostoyanie prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – dekabr' 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, yanvar' – sentyabr' 2018 g.* [The crime rate in the Russian Federation for January – December 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, January – September 2018]. [Online] Available from: <https://mvd.rf>. (Accessed: 10th October 2018).
6. Vardanyan, A.V. (2015) [The scientific potential of the methodology for constructing a psychological and forensic portrait of a typical criminal personality in the context of the problem of improving the forensic characteristics of crimes]. *Kriminalistika: aktual'nye voprosy teorii i praktiki* [Forensics: Current Issues in Theory and Practice]. Proc. of the 12th All-Russian Conference. Rostov on the Don. pp. 3–11. (In Russian).
7. Knyazkov, A.S. (2007) O kriteriyakh znachimosti kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniya [On the criteria for the significance of the crime forensic characteristics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 304. pp. 122–128.
8. Smirnova, I.G. (ed.) (2016) *Osobennosti rassledovaniya otdel'nykh kategoriy ugolovnykh del i ugolovnykh del v otnoshenii otdel'nykh kategoriy lits* [Specificity of the investigation of certain categories of criminal cases and criminal cases in relation to certain categories of persons]. Moscow: Yurlitinform.
9. Tanasevich, V.G. (1978) Problemy metodiki raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy [Problems of the technique of disclosing and investigating crimes]. In: Selivanov, N.A., Tanasevich, V.G., Eysman, A.A. & Yakubovich, N.A. *Sovetskaya kriminalistika. Teoreticheskie problem* [Soviet Forensics. Theoretical Problems]. Moscow: Juridicheskaya literatura.
10. Selivanov, N.A., Tanasevich, V.G., Eysman A.A. & Eminov, V.E. (eds) (1976) *Metodika rassledovaniya prestupleniy. Obshchie polozheniya* [Methods of crime investigation. General provisions]. Moscow: Moscow State University.
11. Obraztsov, V.A. & Tanasevich, V.G. (1976) O kriminalisticheskoy kharakteristike prestupleniy [On the forensic characteristics of crimes]. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu*. 25. pp. 94–104.
12. Malykhina, N.I. (2015) Criminalistic characteristic of crime and information model of crime: correlation of the concepts. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal Science and Law Enforcement Practice*. 3(33). pp. 133–135. (In Russian).
13. Volchetskaya, T.S. (1997) *Sovremennye problemy modelirovaniya v kriminalistike i sledstvennoy praktike* [Modern problems of modeling in forensics and investigative practice]. Kaliningrad: [s.n.]
14. Konovalov, S.I. (2001) *Teoretko-metodologicheskie osnovy kriminalistiki: sovremennoe sostoyanie i problemy razvitiya* [Theoretical and methodological foundations of forensics: current status and development problems]. Law Dr. Diss. Volgograd.
15. Volchetskaya, T.S. (1997) *Kriminalisticheskaya situalogiya* [Forensic situationalism]. Kaliningrad: Yantarnyy skaz.
16. Knyazkov, A.S. (2011) Criminalistic characteristic of a crime in the context of its mode and mechanism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1. pp. 51–65. (In Russian).
17. Vikulova, A. & Kryazhev, R. (2017) *Ne podelili ovoshchebazu: v Nizhnem Novgorode podralis' 150 vykhodtsev s Kavkaza i iz Sredney Azii* [They did not share the vegetable warehouse: 150 immigrants from the Caucasus and Central Asia had a fight in Nizhny Novgorod]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3386203>. (Accessed: 21st April 2018).
18. The Archive of the Kuibyshevsky District Court of Irkutsk. (n.d.) Criminal Case №1-94/2016.
19. The Archive of the Pogranichny District Court of Primorsky Krai. (n.d.) Criminal Case № 1-17/2017.
20. The Archive of the Kurgan City Court of Kurgan Region. (n.d.) Criminal Case 1-1566/2016.
21. The Office of Criminal Investigation of the Russian Federation for Irkutsk Region. (2018) *V Irkutske rassleduetsya ugolovnoe delo po faktu zhestokogo ubiystva materi i polutarogodovalogo rebenka* [A criminal case of a brutal murder of a mother and a half-year-old child is being investigated in Irkutsk]. [Online] Available from: <http://irk.sledcom.ru/news/item/1211170/>. (Accessed: 19th April 2018).

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 347.963

DOI 10.17223/23088451/14/25

А.Ю. Мариничева

О ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ КОНТРАКТОВ

Прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов представляет собой формирующееся самостоятельное направление прокурорского надзора в рамках общего надзора прокуратуры, носящее комплексный характер и предусматривающее использование прокурором всех предоставленных ему возможностей с целью обеспечения эффективности использования бюджетных средств, развития конкуренции, противодействия коррупции, поддержки развития малого и среднего предпринимательства, законности деятельности государственных и муниципальных органов, учреждений и должностных лиц в сфере государственных и муниципальных закупок.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей, государственные и муниципальные контракты, противодействие коррупции.

Законность экономической деятельности является важнейшим условием устойчивого развития общества и государства. В Российской Федерации ключевую роль в обеспечении законности экономической деятельности и соблюдении прав предпринимателей играют органы и организации прокуратуры.

А.В. Паламарчук справедливо указывает, что комплексное решение задачи по обеспечению свободы экономической деятельности возложено на многие государственные и муниципальные органы, а выявление правонарушений и устранение угроз свободе экономической безопасности – в основном на органы прокуратуры [1, с. 9]. В этой связи прокуратура, осуществляя надзор за законностью экономической деятельности в целом, также обеспечивает правовое положение субъектов экономической деятельности, в том числе индивидуальных предпринимателей, восстанавливая нарушенные права и устранивая причины и условия, способствующие подобным нарушениям.

Об особом значении прокурорского надзора в сфере защиты прав предпринимателей свидетельствует учреждение в 2012 г. в Генеральной прокуратуре РФ в составе Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства специального управления по надзору за соблюдением прав предпринимателей [2]. Дополнительную актуальность также придает тесное взаимодействие прокуратуры с уполномоченными по защите прав предпринимателей [3, с. 246], регулирующееся Соглашением о взаимодействии в вопросах защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности между Генеральным прокурором РФ и Уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей [4].

Статья 34 Конституции РФ закрепляет, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Право на использование своих способностей для предпринимательской деятельности (далее – право на предпринимательскую деятельность) относится к числу

основных конституционных прав и свобод человека и гражданина. По своей правовой природе оно представляет собой социально-экономическое конституционное право гражданина России, реализация которого, помимо Конституции РФ, обеспечивается рядом федеральных законов, комплексом подзаконных и ведомственных актов, а также законодательством субъектов Российской Федерации [5, с. 122].

Реализуя указанное конституционное право, предприниматели вступают в экономические отношения с государственными и муниципальными органами и учреждениями, в том числе в контрактной сфере, направленной на удовлетворение публичных нужд. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [6] (далее – Закон о контрактной системе) в ст. 3 прямо предусматривает право индивидуальных предпринимателей свободно участвовать в закупках, производимых для публичных нужд. Таким образом действующее законодательство устанавливает специальные правовые возможности для предпринимателей, занятых в контрактной сфере, тем самым подчеркивая важное экономическое значение данного вида предпринимательской деятельности. Согласно данным Минфина России, суммарная стоимость контрактов, заключенных в том числе индивидуальными предпринимателями для государственных и муниципальных нужд, в 2017 г. составила более 6,3 трлн руб. [7, с. 6], или 59% всех расходов консолидированного бюджета Российской Федерации (или 6% валового внутреннего продукта страны), а в первом полугодии 2019 г. – уже 6,4 трлн руб., что лишь на 14,7% меньше, чем за аналогичный период 2018 г. (7,5 трлн руб.) [8].

Осуществление прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов во многом зависит от действий и решений государственных и муниципальных органов и должностных лиц, оценка законности деятельности которых, в свою очередь, составляет предмет надзора прокуратуры РФ в со-

ответствии со ст.ст. 1, 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [9] (далее – Закон о прокуратуре). В этой связи особую значимость приобретает прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей при заключении государственных и муниципальных контрактов органами и организациями прокуратуры Российской Федерации. При этом важно подчеркнуть, что объектом прокурорского надзора служит деятельность поднадзорных прокуратуре государственных и муниципальных органов и должностных лиц, направленная на обеспечение и реализацию прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов, а не предпринимательская деятельность в рассматриваемой области, являющаяся в соответствии со ст. 1 ГК РФ предметом исключительно судебной защиты. Согласно Закону о прокуратуре, прокурор обеспечивает лишь правомерность среды реализации указанных правовых возможностей, но ни в коем случае не вмешивается в непосредственное осуществление данных прав. Исключение составляют лишь случаи противоправной деятельности предпринимателей, требующие адекватного прокурорского реагирования.

Исторически прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов представляет собой достаточно «молодое» направление и по многим своим признакам может быть отнесен к числу приоритетных направлений прокурорского надзора. В литературе под приоритетными направлениями прокурорского надзора принято понимать прокурорский надзор за деятельностью в наиболее важных для общества и государства на данный исторический момент сферах, либо надзор за исполнением законов, подвергаемых наиболее частым нарушениям [10, с. 80]. Возникнув как приоритетное направление, в настоящий момент данный вид надзора все больше приобретает черты самостоятельного ординарного направления прокурорской деятельности.

На сегодняшний день прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей при заключении государственных и муниципальных контрактов можно определить в качестве отдельного вида прокурорского надзора в рамках надзора за исполнением законов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, традиционно относящегося к общему надзору [11, с. 15]. Современное состояние правового регулирования прокурорско-надзорной деятельности дает все основания в целом согласиться с указанной позицией. В этой связи прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей при реализации государственных и муниципальных контрактов следует рассматривать прежде всего как отдельное направление прокурорского надзора за исполнением законов, регулирующих предпринимательскую деятельность в рамках общего надзора. При этом не имеет принципиального значения, что основным объектом охраны и защиты (обеспечения) выступают отдельные права предпринимателей, а не обеспечение предпринимательской деятельности в общем.

С формальных позиций прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации

государственных и муниципальных контрактов по отдельным признакам можно было бы отнести к надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Однако основное значение данной отрасли заключается в обеспечении общего правового положения личности и гражданина в обществе и государстве, соблюдении гарантированных Конституцией РФ социальных прав граждан, а также прав отдельных социально-охраняемых и защищаемых категорий лиц. Предпринимательская же деятельность в сфере государственных и муниципальных контрактов по своей сути не относится ни к одному из перечисленных объектов обеспечения прокурорского надзора и представляет собой реализацию специальных экономико-правовых возможностей в рамках уже приобретенного гражданином (лицом) статуса предпринимателя: гражданин-предприниматель реализует специальные права, предоставленные ему Законом о контрактной системе и (или) иным законодательством, регулирующим экономическую деятельность в рамках осуществляемого им предпринимательства. Эта деятельность не несет на себе социальной нагрузки и осуществляется экономически активным субъектом на свой страх и риск. В этой связи прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов логичнее рассматривать в качестве отдельного направления в рамках прокурорского надзора за исполнением законов, нежели в рамках надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

В литературе понятие прокурорского надзора используется либо в общем смысле, характеризующем всю прокурорскую деятельность [12, с. 19–20], либо в качестве характеристики ее отдельного направления деятельности – основной или главной функции прокуратуры [13, с. 5]. Указанные подходы не противоречат друг другу, а отражают различное понимание. В этой связи прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов следует рассматривать в широком смысле как любую прокурорскую деятельность, включающую в себя административную, судебную, процессуальную, координационную, профилактическую и прочую прокурорскую деятельность, направленную на обеспечение правового положения предпринимателей в рассматриваемой сфере, и в узком – как отдельное направление (вид) прокурорского надзора в рамках общего надзора прокуратуры. В последнем случае основанием выделения служат: объективно существующая в настоящий момент нормативно-правовая база законодательных актов, регулирующая публичную закупочную деятельность со стороны предпринимателей; наличие системы государственных и муниципальных органов, учреждений и должностных лиц, обеспечивающих ее реализацию и исполняющих требования данных нормативно-правовых актов; особенности прокурорского надзора в данной сфере.

Значение прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей в сфере государственных и муниципальных заказов определяется задачами, стоящими перед данным направлением прокурорской деятельности.

На ведомственном уровне общие задачи прокурорского надзора устанавливает Приказ Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [14], предписывающий прокурорам особое внимание уделять надзору за исполнением бюджетного законодательства, в рамках которого рассматривается в том числе и законодательство о закупках. Более конкретно задачи закрепляются в Указании Генерального прокурора РФ от 10 ноября 2009 г. №355/7 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере размещения заказов» [15], определяющем одну из важнейших задач в рассматриваемой сфере – обеспечение исполнения законодательства в сфере размещения заказов, направленного на создание условий для добросовестной конкуренции и равенства прав участников торгов, эффективное и целевое использование бюджетных средств, предотвращение коррупции. В свою очередь, прокуроры субъектов Российской Федерации в пределах имеющихся полномочий также принимают директивы, уточняющие значение данного направления прокурорской деятельности. Так, распоряжением и.о. прокурора Томской области от 11 ноября 2016 г. № 122/7р на органы региональной прокуратуры возлагается «принятие мер по активизации надзора за исполнением законодательства о закупках товаров, работ, услуг и повышению эффективности работы органов прокуратуры... при проведении проверок акцентировать внимание на защите общезначимых и государственных интересов, сосредоточив усилия на preventивной мере» (п. 1.1) [16].

С учетом требований действующего законодательства и существующих директив в сфере прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей в сфере государственных и муниципальных закупок можно выделить следующие задачи, возложенные на органы и организации прокуратуры:

1. Обеспечение эффективного использования бюджетных средств. Данная задача закрепляется в ст. 29 Бюджетного кодекса РФ и определяется в качестве принципа бюджетной системы Российской Федерации, означающего достижение наилучшего результата с наименьшими финансовыми затратами. Конкурентные механизмы размещения государственного и муниципального заказа призваны создать оптимальные условия для отбора исполнителей, предлагающих наиболее выгодные для бюджета условия.

2. Содействие развитию конкуренции. Открытая, конкурсная основа размещения государственного заказа, исключающая необоснованные преимущества и избыточные требования к исполнителям, призвана противодействовать монополизации рынка и способствовать справедливой конкурентной борьбе за распределляемые бюджетные средства.

3. Противодействие коррупции. Конкурсная основа, информационная открытость, правовые и технические средства, препятствующие субъективному, предвзятому воздействию на результаты отбора исполнителей, призваны минимизировать коррупционные проявления при реализации государственных и муниципальных контрактов.

4. Поддержка развития малого и среднего предпринимательства. Помимо решения общей задачи содействия развитию конкуренции и создания благоприятных условий для предпринимательской деятельности, действующая модель публичной контрактной системы в Российской Федерации направлена на поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства. В этой связи ст. 30 Закона о контрактной системе устанавливает положение, что на долю указанных субъектов должно приходиться не менее 15% годового объема закупок. Поддержка бизнеса органами и организациями прокуратуры осуществляется также путем надзора за соблюдением прав и законных интересов предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности со стороны поднадзорных прокуратуре лиц.

5. Обеспечение законности деятельности государственных и муниципальных органов, учреждений и должностных лиц в сфере государственных и муниципальных закупок. В этой связи объектом прокурорского надзора выступают все виды публичной деятельности, связанной с осуществлением закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Специфика прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов обусловливается особенностями деятельности компетентных лиц по организации заключения указанных контрактов. К сожалению, ни в Законе о контрактной системе, ни в других законодательных актах нет единого понятия, отражающего этот вид деятельности. В литературе, как правило, используются такие термины, как «закупочная деятельность» [17, с. 65], «контрактная деятельность» [18, с. 107], «контрактный процесс» [19, с. 33]. Представляется, что применительно к деятельности, связанной с осуществлением закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, оптимальным было бы использование термина «публичный контрактный процесс».

В соответствии с Законом о контрактной системе можно выделить три стадии публичного контрактного процесса: 1) планирование закупок; 2) осуществление закупок; 3) обжалование действий (бездействия) участников контрактной системы, нарушающих права предпринимателей. Все указанные этапы, согласно ст.ст. 1, 21 Закона о прокуратуре, охватываются надзором прокуратуры и служат объектом прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей в сфере государственных и муниципальных контрактов.

На стадии планирования составляются и публикуются планы-графики закупок, вносятся в них изменения, осуществляется нормирование закупок, а также в случаях, предусмотренных законодательством, их общественное обсуждение, определяется начальная (максимальная) цена контракта. На этапе осуществления закупок реализуются процедуры определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) на конкурентной основе (либо закупка осуществляется у единственного поставщика), заключаются, исполняются, изменяются контракты, применяются санкции за нарушение контрактных обязательств. Кроме того, участвующий в

закупках предприниматель вправе по своему усмотрению обжаловать, в том числе в прокуратуру, действия (бездействие) заказчика, уполномоченного органа, учреждения, специализированной организации, комиссии по осуществлению закупок, ее членов, должностных лиц контрактной службы, контрактного управляющего, оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки, если такие действия (бездействие), по его мнению, затрагивают или нарушают его права и законные интересы.

Глубина прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей на этих этапах определяется общими пределами прокурорского надзора – прокурор надзирает лишь за той деятельностью, которая подлежит правовой оценке, либо влечет за собой правовые последствия – актами, действиями и решениями уполномоченных публичных лиц, либо по обращению предпринимателей или иных заинтересованных лиц, либо по собственной инициативе в рамках реализации плановых надзорных мероприятий. Иными словами, надзор может носить как инициативный, так и общий характер.

На стадии планирования закупок, как правило, затрагиваются права неопределенного круга предпринимателей, которые являются лишь потенциальными участниками закупок. Обзорные материалы Генеральной прокуратуры РФ свидетельствуют о достаточно часто встречающихся нарушениях закона, выявляемых органами прокуратуры на данном этапе: неопубликование планов-графиков закупок, несоблюдение требований к их содержанию, порядку изменения, завышение начальной (максимальной) цены контракта и пр.¹

Типичными нарушениями при осуществлении закупок являются дробление заказа, превышение допустимого (пятипроцентного) объема закупок у одного поставщика, необоснованное отклонение заявок, включение в контракты условий, отличающихся от аукционной (конкурсной) документации, уклонение заказчика от принятия исполненного по контракту обязательства, выставление необоснованных замечаний и ряд других. Так, например, в 2018 г. прокурорами Томской области выявлены нарушения при организации и проведении конкурсных процедур (проведение аукционов (конкурсов) ранее предусмотренных сроков; привлечение к

¹ Например, прокурором Зубово-Полянского района Республики Мордовия установлено, что администрациями четырех сельских поселений не размещены в ЕИС планы-графики закупок товаров, работ, услуг на 2018 г., в связи с чем прокурором района главам поселений внесены представления, которые рассмотрены и удовлетворены, нарушения устраниены, виновные лица привлечены к дисциплинарной ответственности. В Астраханской области между федеральным казенным учреждением и коммерческой организацией с нарушением процедуры определения указанной цены заключены контракты о предоставлении в аренду помещений. Прокуратурой Ленинского района г. Астрахани установлено, что некоторые хозяйствующие субъекты, в чей адрес учреждением направлялись запросы о предоставлении ценовой информации, отрицали факты подписания ответов на данные запросы. По результатам проверки прокуратурой района руководителю ФКУ внесено представление об устранении нарушений закона, которое безосновательно отклонено. В связи с этим в отношении руководителя ФКУ возбуждено дело об административном правонарушении по ст. 17.7 КоАП РФ, решением Ленинского районного суда г. Астрахани она привлечена к административной ответственности с назначением наказания в виде штрафа. См. подробнее: [20].

работе конкурсной комиссии неуполномоченных лиц, осуществление выдачи лицензий при отсутствии обязательных документов и т.п.) [5, с. 124]. Департаментом по недропользованию и развитию нефтегазодобывающего комплекса Администрации Томской области аукционы (конкурсы) проводились ранее предусмотренных сроков, заранее вскрывались конверты участников конкурса; к работе конкурсной комиссии привлекались неуполномоченные лица; в ряде случаев выдача лицензий осуществлялась при отсутствии обязательных документов. Прит отсутствии законных оснований принято решений о досрочном прекращении действия лицензии ЗАО «Завод ДСП-МДФ», что на год лишило хозяйствующего субъекта возможность осуществлять деятельность [21].

Публичный контрактный процесс предполагает тесное переплетение публично-правовых и частно-правовых элементов: отношения, возникающие при организации и планировании закупок, носят административно-правовой, бюджетно-правовой и прочий публично-правовой характер, а отношения по исполнению государственных и муниципальных контрактов в большей степени относятся к частно-правовым, что, в свою очередь, отражается на специфике прокурорского надзора – он носит комплексный характер: общегосударственная деятельность прокурора тесно переплетается с иными направлениями прокурорской деятельности, включая административную практику и участие в рассмотрении дел судами. То обстоятельство, что публичный контрактный процесс лежит в плоскости экономической деятельности и в конечном итоге обретает форму гражданско-правовых сделок (государственных и муниципальных контрактов), предопределяет необходимость активного участия прокуроров в арбитражном процессе при обращении в суд с исками, в том числе о признании недействительными сделок, противоречащих закону, что, безусловно, также относится к особенностям прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей при реализации государственных и муниципальных контрактов.

Сложный характер отношений, возникающих в сфере правового регулирования закупок и реализации государственных и муниципальных контрактов, обуславливает использование при осуществлении прокурорского надзора всего комплекса мер прокурорского реагирования, предусмотренных Законом о прокуратуре, что, в свою очередь, еще раз подчеркивает комплексный характер данного вида надзора.

В рамках надзорной деятельности органы прокуратуры также взаимодействуют с государственными и муниципальными органами, наделенными полномочиями по осуществлению контроля в сфере закупок, не подменяя при этом собой указанные органы. На федеральном уровне это Минэкономразвития России, Минфин России, Федеральное казначейство, Федеральная антимонопольная служба России. На уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований соответствующие органы определяются региональными и муниципальными нормативными правовыми актами. Как правило, к ним относятся органы, отвечающие за экономическое развитие территорий, управление финансами и контроль в фи-

нансовой сфере. Деятельность указанных органов, в свою очередь, также служит предметом прокурорского надзора с позиции законности реализации возложенных на них контрольных полномочий и мер, направленных на защиту и охрану прав предпринимателей при реализации государственных и муниципальных контрактов.

Таким образом, прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов представляет собой формирующееся самостоятельное направле-

ние прокурорского надзора в рамках общего надзора прокуратуры, носящее комплексный характер и предусматривающее использование прокурором всех предоставленных ему возможностей с целью обеспечения эффективности использования бюджетных средств, развития конкуренции, противодействия коррупции, поддержки развития малого и среднего предпринимательства, законности деятельности государственных и муниципальных органов, учреждений и должностных лиц в сфере государственных и муниципальных закупок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паламарчук А.В. Прокурорский надзор за исполнением законов о защите прав предпринимателей : науч.-метод. пособие. М. : Генеральная прокуратура РФ, Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2014. 191 с.
2. Об образовании управления по надзору за соблюдением прав предпринимателей Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 24.05.2012 № 48-ш. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902377635> (дата обращения: 22.10.2019).
3. Коломоец Е.В., Лотарев Е.Н. К вопросу о механизмах взаимодействия прокуратуры и уполномоченного по защите прав предпринимателей // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. № 2. С. 246–249.
4. Генпрокуратура РФ и Уполномоченный по защите прав предпринимателей заключили соглашение о взаимодействии. URL: <http://www.garant.ru/news/423806/#ixzz66rMGA1Eq> (дата обращения: 22.10.2019).
5. Мариничева А.Ю. Прокурорский надзор за законностью обеспечения предпринимательства и соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 122–125.
6. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.10.2019).
7. Паламарчук А.В. Задачи прокурорского надзора за исполнением законов в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Законность. 2019. № 1. С. 3–10.
8. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц в I полугодии 2019 года : результаты мониторинга применения Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ // Министерство финансов России. URL: <https://www.mfinfin.ru/ru/> (дата обращения: 24.10.2019).
9. О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.10.2019).
10. Воронин О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учеб. пособие. Томск : Изд-во НТЛ, 2008. 428 с.
11. Казарина А.Х. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов (сфера предпринимательской и иной экономической деятельности). М. : Генеральная прокуратура РФ, Ин-т повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 278 с.
12. Винокуров А.Ю. К вопросу о теоретических основах прокурорской деятельности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 1. С. 14–23.
13. Шалумов М.С. Система функций российской прокуратуры. Кострома : Костромской гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2001. 132 с.
14. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина : приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.10.2019).
15. Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере размещения заказов : указание Генерального прокурора РФ от 10.11.2009 № 355/7 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.10.2019).
16. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках товаров, работ, услуг : распоряжение и.о. прокурора Томской области М.В. Дружинина от 11.11.2016 № 122/7р // Архив прокуратуры Томской области.
17. Иконин А.А. Особенности организации закупочной деятельности // Вестник образования и науки. 2019. № 12 (66), ч. 1. С. 65–68.
18. Комаров В.Ф., Выжитович А.М. Методы анализа контрактной деятельности предприятия для принятия управленческих решений // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 107–114.
19. Тамбовцев В.Л. Стратегическая теория фирмы: состояние и возможное развитие // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8, № 1. С. 33–36.
20. Методические рекомендации об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : письмо Генеральной прокуратуры РФ от 01.01.2019 № 7-16-2019. URL: <http://5.61.15.33/document/554125895> (дата обращения: 28.10.2019).
21. О результатах работы в сфере защиты прав предпринимателей за 2018 год : докладная записка прокурора Томской области в Генеральную прокуратуру // Архив прокуратуры Томской области.

On Prosecutor's Supervision Over the Rights of Entrepreneurs in the Sphere of Implementation of State and Municipal Contracts
Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 123–129. DOI 10.17223/23088451/14/25

Anna Yu. Marinicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision over the rights of entrepreneurs, state and municipal contracts, anti-corruption.

Prosecutor's supervision over the rights of entrepreneurs in the implementation of state and municipal contracts is an emerging independent direction of prosecutor's supervision within the framework of the general supervision of the Prosecutor's Office, which is com-

prehensive and involves the use by the prosecutor of all the opportunities in order to ensure the efficient use of budget funds, promote competition, combat corruption, support the development of small and medium enterprises, legality of the state and municipal bodies, institutions and officials in the field of state and municipal procurement. Prosecutor's supervision over the rights of entrepreneurs in the implementation of state and municipal contracts should be considered in a broad sense as any prosecutor's activity, including administrative, judicial, procedural, coordination, preventive, and other prosecutor's activities aimed at ensuring the legal status of entrepreneurs in this field. In the narrow sense, however, it is a separate direction (type) of prosecutor's supervision within the general supervision of the Prosecutor's Office. In the latter case, it is based on the objectively existing regulatory framework of legislative acts that regulates public procurement by entrepreneurs; the system of state and municipal bodies, institutions, and officials that ensure its implementation and comply with the requirements of these regulatory legal acts; specificity of prosecutor's supervision in this area.

References

1. Palamarchuk, A.V. (2014) *Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov o zashchite prav predprinimateley* [Prosecutor's supervision of the implementation of laws on the protection of the rights of entrepreneurs]. Moscow: General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.
2. The Prosecutor General of the Russian Federation. (2012) *Prikaz General'nogo prokurora Rossiyskoy Federatsii ot 24 maya 2012 goda № 48-sh "Ob obrazovanii upravleniya po nadzoru za soblyudeniem prav predprinimateley Glavnogo upravleniya po nadzoru za ispolneniem federal'nogo zakonodatel'stva"* [Order No. 48-sh of the Prosecutor General of the Russian Federation of May 24, 2012, "On the formation of a Department for Supervision over the Rights of Entrepreneurs of the Main Directorate for Supervision of the Implementation of Federal Law"]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/902377635>(Accessed: 22nd October 2019).
3. Kolomoets, E.V. & Lotarev, E.N. (2017) K voprosu o mekhanizmakh vzaimodeystviya prokuratury i upolnomochennogo po zashchite prav predprinimateley [On the mechanisms of interaction between the prosecutor's office and the ombudsman for the protection of the rights of entrepreneurs]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal – Gaps in Russian Legislation*. 2. pp. 246–249.
4. Garant.ru. (n.d.) *Genprokuratura RF i Upolnomochenny po zashchite prav predprinimateley zaklyuchili soglashenie o vzaimodeystvii* [The Prosecutor General of the Russian Federation and the Ombudsman for the Protection of Entrepreneurs' Rights concluded an agreement on cooperation]. [Online] Available from: <http://www.garant.ru/news/423806/#ixzz66rMGA1Eq> (Accessed: 22nd October 2019).
5. Marinicheva, A.Yu. (2019) Prosecutor's Supervision over the Legitimacy of Securing Entrepreneurship and Enforcement of the Rights of Entrepreneurs. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Jounral of Criminal Law*. 13. pp. 122–125. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/13/24
6. The Russian Federation. (2013) *Federal'nyy zakon ot 5 aprelya 2013 goda № 44-FZ "O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd"* [Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013, "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (Accessed: 12th October 2019).
7. Palamarchuk, A.V. (2019) The tasks of prosecutorial supervision over the execution of laws in the field of procurement for state and municipal needs. *Zakonnost'*. 1. pp. 3–10. (In Russian).
8. The Ministry of Finance of Russia. (2019) *Rezul'taty monitoringa primeneniya Federal'nogo zakona ot 18 iyulya 2011 g. № 223-FZ "O zakupkakh tovarov, rabot, uslug otdel'nymi vidami yuridicheskikh lits" v I polugodii 2019 goda* [The results of monitoring the application of Federal Law No. 223-FZ of July 18, 2011, "On Procurement of Goods, Works, Services by Certain Types of Legal Entities" in the first half of 2019]. [Online] Available from: <https://www.mfin.ru/ru/> (Accessed: 24th October 2019).
9. The Russian Federation. (1992) *Federal'nyy Zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 "O prokurature Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992, "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (Accessed: 12th October 2019).
10. Voronin, O.V. (2008) *Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii* [Prosecutor's supervision in the Russian Federation]. Tomsk: NTL.
11. Kazarina, A.Kh. (2005) *Predmet i predely prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov (sfera predprinimatel'skoy i inoy ekonomicheskoy deyatel'nosti)* [The subject and scope of prosecutor's supervision over the execution of laws (the sphere of business and other economic activities)]. Moscow: The Prosecutor General's Office of the Russian Federation.
12. Vinokurov, A.Yu. (2015) K voprosu o teoretycheskikh osnovakh prokurorskoy deyatel'nosti [On theoretical foundations of prosecutor's activity]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 1. pp. 14–23.
13. Shalumov, M.S. (2001) *Sistema funktsiy rossiyskoy prokuratury* [The system of functions of the Russian Prosecutor's Office]. Kostroma: Kostroma State University.
14. The Prosecutor General of the Russian Federation. (2007) *Prikaz General'nogo prokurora RF ot 7 dekabrya 2007 goda № 195 "Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov, soblyudeniem prav i svobod cheloveka i grazhdanina"* [Order No. 195 of the Prosecutor General of the Russian Federation of December 7, 2007, "On the organization of prosecutor's supervision over the execution of laws, observance of human and civil rights and freedoms"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75181/ (Accessed: 23rd October 2019).
15. The Prosecutor General of the Russian Federation. (2009) *Ukazanie General'nogo prokurora RF ot 10 noyabrya 2009 goda №355/7 "Ob usilienii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva v sfere razmeshcheniya zakazov"* [Order No. 355/7 of the Prosecutor General of the Russian Federation dated November 10, 2009, "On Strengthening Prosecutor's Supervision of the Implementation of Legislation in the Sphere of Order Placement"]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=506306#044430499879617624> (Accessed: 23rd October 2019)..
16. The Archive of the Prosecutor's Office of Tomsk Region. (2016) *Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva o zakupkakh tovarov, rabot, uslug: rasporyazhenie i.o. prokurora Tomskoy oblasti M.V. Druzhinina ot 11.11.2016 №122/7r* [On the organization of prosecutor's supervision over the execution of legislation on the procurement of goods, works, services: Order №122 / 7r of the Acting Prosecutor of Tomsk Region M.V. Druzhinin of November 11, 2016].

17. Ikonin, A.A. (2019) Osobennosti organizatsii zakupochnoy deyatel'nost [Specificity of procurement organization]. *Vestnik obrazovaniya i nauki*. 12(66). pp. 65–68.
18. Komarov, V.F. & Vyzhitovich, A.M. (2014) Methods of analysis contractual activity of the enterprise for management decisions. *Vestnik NGU. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki – World of Economics and Management*. 14(1). pp. 107–114. (In Russian).
19. Tambovtsev, V.L. (2010) Strategic Theory of the Firm: State of the Art and Possible Development. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta – Russian Management Journal*. 8(1). pp. 33–36. (In Russian).
20. The Prosecutor General of the Russian Federation. (2019) *Pis'mo General'noy prokuratury RF ot 01.01. 2019 g. № 7-16-2019 “Metodicheskie rekomendatsii ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva o zakupkakh tovarov, rabot i uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd”* [Letter No. 7-16-2019 from the Prosecutor General of the Russian Federation of January 1, 2019, “Methodological recommendations on the organization of prosecutor's supervision over the execution of legislation on the procurement of goods, works and services to meet state and municipal needs”]. [Online] Available from: <http://5.61.15.33/document/554125895> (Accessed: 28th October 2019)
21. The Archive of the Prosecutor's Office of Tomsk Region. (2018) *Dokladnaya zapiska prokurora Tomskoy oblasti v General'nuyu prokuraturu “O rezul'tatakh raboty v sfere zashchity prav predprinimateley za 2018 god”* [Report of the Prosecutor of Tomsk Region to the Prosecutor General's Office “On the results of work in the field of protecting the rights of entrepreneurs for 2018”].

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 343.09.018

DOI 10.17223/23088451/14/26

Н.Д. Бубербаев

КУЛЬТУРНО-НРАВСТВЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ ГОРОДА НУР-СУЛТАН

Статья посвящена изучению культурно-нравственных детерминантов современной преступности города Нур-Султан. Анализируется негативная информация о сценах жестокости, насилия, разврата, которой заполнены СМИ и ресурсы Интернета. Акцентируется внимание на изменениях, касающихся культурно-нравственных устоев, ценностей общества и их влиянии на криминологическую обстановку. Исходя из проведенного анализа, автором выявлены причины, условия и факторы, детерминирующие преступность в столице Республики Казахстан.

Ключевые слова: преступность, детерминанты преступности, культурно-нравственные ценности, криминологическая обстановка, разврат.

В продуцировании преступного поведения немаловажную роль занимают детерминанты, связанные с состоянием нравственных ценностей и установок, укоренившихся в обществе.

Испокон веков люди объясняли нарушение законов «дурными нравами», плохими привычками, недостатками воспитания, низкой общественной моралью и т.д. Иными словами, искали эти причины в сфере общественного сознания, которую при более широком подходе можно назвать культурой общества [1, с. 17–21].

Начавшийся в стране с конца 90-х гг. XX в. и продолжающийся по настоящее время процесс падения нравов способствовал усилиению психологической напряженности в обществе, нагнетанию неблагоприятной нравственной атмосферы, негативным образом влияющей на поведение людей, рост преступности. Люди чаще стали ставить во главу угла материальные ценности, блага; нормы нравственности и морали отошли на задний план. Наиболее отчетливо это проявляется в крупных городах, в том числе в г. Нур-Султан [2].

Не последнюю роль в этом процессе играют современные средства массовой информации, подрывающие нравственные ценности и устои общества. Представляемая ими информация пропагандирует насилие и сексуальную распущенность, они «воспитывают людей на идеях вседозволенности, на образцах низкопробного искусства, при забвении всего того, что составляет золотой фонд человеческой культуры» [1, с. 17–21]. Это в первую очередь отрицательно сказывается на формирующемся сознании и поведении подростков, убеждая их в допустимости таких действий. СМИ культивируют ценности, стереотипы и нормы криминальной среды, насилия, жестокости. Это и есть воспитание безнравственности, ведущей прямой дорогой к преступности.

Другая проблема состоит в том, что современные блогеры, вайнеры и другие лица посредством глобальной сети Интернет, являющейся универсальным источником информации, тяжело поддающимся контролю, демонстрируют безнравственное поведение, насилие и презрение к закону, сцены с сексуальным подтекстом и т.п.

К примеру, только на ресурсах русскоязычного сегмента сети Интернет количество сайтов с детской порнографией за последний год увеличилось почти в 3 раза,

а количество интернет-материалов с детской порнографией – в 25 раз. По оценкам независимых экспертов, число подобных ресурсов превысило уже 300 млн веб-страниц. Средняя посещаемость одного сайта составляет около 30 тыс. человек в месяц [3]. При этом, несмотря на то что МВД Республики Казахстан заблокировало порядка 28 тыс. сайтов, пропагандирующих сексуальную эксплуатацию и детскую порнографию [4], Казахстан продолжает занимать второе место в мире по количеству детской порнографии после Вьетнама [5].

На несовершеннолетних потребителей медиаинформации ежедневно обрушивается огромное количество сообщений и изображений сексуального толка. Диапазон информации очень широк – от игривых намеков до различной степени откровенных сексуальных материалов, что не может не влиять на сексуальные воззрения подростков. Противостоять такой информации может только эмоционально зрелый и самодостаточный подросток, не испытывающий эмоционального дефицита в отношениях со сверстниками и окружающими взрослыми людьми [6, с. 234].

Достаточно сильна атака в СМИ на семейные ценности. В телепередачах демонстрируются разводы супружеских пар, любовные похождения, супружеские измены, внебрачные половые связи, отношения людей с нетрадиционными сексуальными предпочтениями, преподносимые в романтическом ключе, и такое поведение выдается за норму. Подобные сцены вытесняют из общественного сознания культ семьи как абсолютной социальной ценности.

Культурно-нравственные детерминанты преступности тесно взаимосвязаны с социально-экономическими. Кризисные явления в экономике и социальной сфере отрицательно сказались на многих семьях, в особенности на социально неблагополучных. Это повлияло на господствующие нравы, взгляды, ожидания в обществе в целом.

Наиболее уязвимыми оказались семьи, в которых взрослые либо не могут найти работу длительное время, либо их труд оплачивается мизерно, и прожить семье на заработанные деньги сложно. В итоге многие родители спиваются, приобщаются к наркотикам и ведут паразитический образ жизни, а дети остаются без надлежащего родительского контроля и воспитания. С 2009 по 2018 г.

родителями было совершено 675 преступлений, связанных с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, из них в г. Нур-Султан – 19, и 236 (28) – связанных с ненадлежащим исполнением обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей.

Одним из наиболее важных социальных элементов общества (по распространности и степени воздействия) является семья, она традиционно считается главнейшим антикриминогенным фактором, удерживающим человека от совершения преступления. Семья – социальный институт, способный стимулировать положительное поведение, а также осуществлять социальный контроль над личностью. Семейное положение и его изменение влияют на формирование личностных качеств [7, с. 130]. Распад семьи в криминологическом аспекте выступает фактором, дестабилизирующим положение личности и отрицательно влияющим на ее поведение.

Роль семьи в выборе личностью той или иной линии поведения трудно переоценить, так как образ жизни супругов является одним из решающих элементов в формировании законопослушной жизнедеятельности. Специфика семейных отношений состоит прежде всего в том, что они более эмоциональны, в отличие от производственных, трудовых и других отношений.

Одним из показателей нравственного упадка является увеличение количества разводов и детей, рожденных вне брака. Так, за десять лет прирост числа разводов в г. Нур-Султан составил 98,5% (в 2009 г. – 2 040, в 2018 г. – 4 051), тогда как на общереспубликанском уровне прирост этого показателя – 38,8% (в 2009 г. – 39 466, в 2018 г. – 54 797) [8].

В литературе широко освещены тяжелые последствия распада семьи для супружеских и несравненно меньше – для детей. Так, специалисты отмечают, что развод увеличивает показатели заболеваемости и смертности бывших супружеских пар в первый год после развода в 10–12 раз (по сравнению с людьми того же возраста). По тяжести психологической травмы развод примерно равнозначен смерти супруга [9, с. 112].

К числу основных факторов распада семейных отношений обычно относят финансовые проблемы, злоупотребление спиртными напитками, проблемы в распределении домашних обязанностей, супружеские изменения, ревность, авторитарность в отношениях между супружескими, разногласия в вопросах воспитания детей, неудовлетворенность жилищно-бытовыми условиями и др., которые зачастую вызваны упадком морали и нравственности.

Как правило, у бывших супружеских пар отмечается сложное, зачастую подавленное психологическое состояние. В общении с родными, близкими, в производственном коллективе присутствует комплекс неполноценности, ощущение некоторого осуждения общества. Вследствие этого такие люди подвержены случайным влияниям, не могут в полной мере противостоять своим эмоциям, психологическому напряжению, что отрицательно оказывается не только на них, но и на окружающих, и нередкое последствие этого – преступление.

Разведенные быстро приобщаются к употреблению спиртных напитков, различным наркотическим средствам

и психотропным веществам, легче начинают беспорядочную половую жизнь, совершают аморальные поступки, перерастающие в правонарушения, преступления, тесно связанные с разрушенными семейными отношениями, и становятся дурным примером для детей при их наличии.

Распад семьи разлагает психику человека, а отрицательные социальные привычки и навыки гораздо быстрее и прочнее укореняются в сознании индивидов на фоне неблагополучно пережитых семейных отношений. С возрастом такие тенденции укрепляются в сознании человека и впоследствии формируют благоприятную почву для повторного совершения им преступления.

Развод родителей имеет трагические последствия и для детей: становится причиной сиротства, беспризорничества, бродяжничества, алкоголизма, наркомании и проституции – всех тех негативных явлений, которые являются питательной средой для преступности.

Впоследствии некоторые из таких людей, разочаровавшись в семейных отношениях, еще долгое время не желают создавать семью. А условия современных крупных городов (в нашем случае г. Нур-Султан), с вопиющим упадком в них нравственных и моральных норм, позволяют людям заводить отношения без обязательств, основанные на временной или договорной основе, для регулярных интимных встреч. Причем некоторые из них вообще отказываются вступать в брак.

В литературе отмечается, что отчуждение личностью позитивных социальных групп в принципе рассматривается в криминологии как основа последующего преступного поведения [10, с. 52–59].

Показателем нравственного упадка является также увеличение количества детей, рожденных вне брака. Так, с 2009 по 2018 г. прирост числа детей, рожденных вне брака, в г. Нур-Султан составил 19% (в 2009 г. – 3 162, 2018 г. – 3 763), тогда как в общереспубликанском масштабе он снизился на 31,9% (в 2009 г. – 72 703, 2018 г. – 49 499) [11].

Такое соотношение обусловлено тем, что в столице сконцентрировано большое количество лиц молодежного возраста. С каждым годом молодые люди все реже вступают в брачные отношения, в более раннем возрасте начинают интимную жизнь. Все это негативно сказывается на их поведении, дезорганизует их, они разочаровываются и перестают уважать нормы морали и нравственности, которые прививались им с рождения, заражаются венерическим болезнями и передают их своим половым партнерам.

Участились случаи, когда женщины, не встретив спутника жизни, ведомые страхом не стать матерью, «рожают для себя». Все это говорит о том, что современная молодежь легкомысленно относится к институту семьи, воспитанию детей. Между тем с криминологической точки зрения дети, рожденные вне брака, т.е. в неполной семье, более склонны к преступному поведению в отличие от детей, рожденных в полных семьях. В семьях, где воспитанием детей занимается один из родителей (неполная семья), криминогенный потенциал значительно возрастает. Д.А. Шестаков отмечает, что 41,7% детей, ставших несовершеннолетними преступниками, воспитывались без отцов [12, с. 11]. По данным

А.В. Шеслера и Т.А. Смолиной, 49,8% наркопреступниц воспитывались в неполных семьях [13, с. 89].

Даже если один из родителей может предоставить ребенку необходимые материальные блага, обеспечить культурное, нравственное, психологическое воспитание значительно труднее. Эти пробелы в формировании будущей личности в сочетании с предстоящими жизненными трудностями (ситуациями) могут привести к совершению преступлений.

Отстраненность, незаинтересованность родителей либо лиц, их заменяющих, в воспитании детей становится следствием того, что подростки продолжают вовлекаться в систематическое употребление спиртных напитков, наркотических средств, психотропных веществ, проституцию и преступную деятельность.

Немаловажной причиной совершения преступлений подростками и в отношении них являются недостатки

в организации досуга, изъяны в деятельности образовательных, культурных и воспитательных учреждений. Педагоги в учебных заведениях в основном осуществляют контроль только за успеваемостью учеников и мало заботятся о воспитании у них высоких нравственных и культурных качеств.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что культурно-нравственными причинами, условиями и факторами, детерминирующими преступность в г. Нур-Султан, являются:

- демонстрация в СМИ, Интернете сцен жестокости, садизма, насилия, разврата и др.;
- упадок института семьи;
- увеличение числа разводов и детей, родившихся вне брака;
- недостатки правовой культуры и воспитательной работы и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симоненко А. В. Преступность и нравственное состояние общества // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 2. 229 с.
2. О переименовании города Астаны – столицы Республики Казахстан в город Нур-Султан – столицу Республики Казахстан : указ Президента Республики Казахстан от 23.08.2019. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1900000006> (дата обращения: 24.05.2019).
3. Количество сайтов с детской порнографией достигло 300 миллионов. URL: <https://ria.ru/incidents/20090127/160209373.html> (дата обращения: 15.03.2018).
4. За детскую порнографию в Казахстане закрыли 28 тысяч сайтов. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/detskuyu-pornografiyu-kazahstane-zakryili-28-tyisyach-saytov-30_5640/ (дата обращения: 15.03.2018).
5. Казахстан занимает второе место в мире по количеству детской порнографии. URL: https://total.kz/ru/news/biznes/kazakhstan_zanimal_vtoroe_mesto_po_kolichestvu_detsko_y_pornografii (дата обращения: 15.03.2018).
6. Педофилия: криминологический диагноз / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2010. 256 с.
7. Демина К.А. Криминологическая характеристика и детерминанты современной женской преступности (по материалам Кемеровской, Новосибирской и Томской областей) : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 194 с.
8. По данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations_afrLoop=2384213140899548%40%3F_afrLoop%3D2384213140899548%26_adf.ctrl-state%3Dkd75g7vko_185 (дата обращения: 20.07.2019).
9. Беркинбаев Н.С. Преступность в Республике Казахстан в постсоветский период : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 193 с.
10. Антонян М.Ю. Криминогенная роль психологического отчуждения личности // Советское государство и право. 1988. № 8. 160 с.
11. По данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations_afrLoop=2384213140899548%40%3F_afrLoop%3D2384213140899548%26_adf.ctrl-state%3Dkd75g7vko_185 (дата обращения: 20.07.2019).
12. Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья – конфликт – преступление. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 264 с.
13. Шеслер А.В., Смолина Т.А. Женская преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств (по материалам Тюменской области). Тюмень : ТЮИ, 2007. 185 с.

Cultural and Moral Determinants of Crime in Nur-Sultan

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 130–133. DOI 10.17223/23088451/14/26

Nurlan D. Buberbaev, Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan (Karaganda, Kazakhstan). E-mail: fairuz2982@mail.ru

Keywords: crime, determinants of crime, cultural and moral values, criminological environment, debauchery.

Considering the cultural and moral determinants, the author observes that the process of moral decline that began since the late 1990s has contributed to the intensification of psychological tension in society, the escalation of an unfavorable moral atmosphere that negatively affects people's behaviour, and the growth of crime rate. People often put material values and benefits at the forefront, while the norms of morality have faded into the background. This tendency is most obvious in large cities, like Nur-Sultan. The situation is deteriorating due to the influence of modern mass media, undermining moral values and foundations of society through low-grade information, violence, cruelty, sadism, sexual licentiousness. Cultivating the values, stereotypes, and norms of the criminal circles, mass media affect the emerging social knowledge and behaviour of adolescents. The media attack on family values is strong, since television programs focus on divorces, love affairs, adultery, extramarital sex, queer relationships presented in a romantic way to set a new norm of behaviour. This approach is to oust the cult of the family as an absolute social value. The cultural and moral determinants of crime are closely interconnected with socio-economic ones. The economic and social crisis has affected many families, especially socially disadvantaged, which subsequently influenced the prevailing morals, attitudes, and expectations in the society as a whole. Having analysed the law enforcement practice and statistical reports, the author concludes that the most vulnerable are families in which adults have been unemployed for long or their labour is underpaid, so that they cannot provide for the family. It leads to alcohol abuse,

parasitic lifestyle, while children are deprived of without proper parental control and education. According to the author, the indicators of moral decline also include low legal culture of the population, the decline of the family institution, the increase in the number of divorces and children born out of wedlock.

References

1. Simonenko, A.V. (2007) *Prestupnost' i nравственное состояние общества* [Crime and the moral state of society]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 2.
2. The Republic of Kazakhstan. (2019) *Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 23 marta 2019 g. "O pereimenovanii goroda Astany – stolitsy Respubliki Kazakhstan v gorod Nur-Sultan – stolitsu Respubliki Kazakhstan"* [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of March 23, 2019, “On renaming the city of Astana – the capital of the Republic of Kazakhstan to the city of Nur-Sultan – the capital of the Republic of Kazakhstan”]. [Online] Available from: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1900000006> (Accessed: 24th May 2019).
3. Ria.ru. (2009) *Kolichestvo saytov s detskoy pornografiy dostiglo 300 millionov* [The number of sites with child pornography has reached 300 million]. [Online] Available from: <https://ria.ru/incidents/20090127/160209373.html> (Accessed: 15th March 2018).
4. Tengri News. (n.d.) *Za detskuyu pornografiyu v Kazakhstane zakryli 28 tysach saytov* [28 thousand sites were closed for child pornography in Kazakhstan]. [Online] Available from: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/detskuyu-pornografiyu-kazahstane-zakryili-28-tyisyach-saytov-30_5640/ (Accessed: 15th March 2018).
5. Total.kz. (n.d.) *Kazakhstan zanimaet vtoroe mesto v mire po kolichestvu detskoy pornografii* [Kazakhstan takes the second place in the world in the number of child pornography]. [Online] Available from: https://total.kz/ru/news/biznes/kazakhstan_zanimal_vtoroe_mesto_po_kolichestvu_detsko_y_pornografii (Accessed: 15th March 2018).
6. Antonyan, Yu.M. (2010) *Pedofiliya: kriminologicheskiy diagoz* [Pedophilia: criminological diagnosis]. Moscow: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
7. Demina, K.A. (2011) *Kriminologicheskaya kharakteristika i determinanti sovremennoy zhenskoy prestupnosti (po materialam Kemerovskoy, Novosibirskoy i Tomskoy oblastey)* [Criminological characteristics and determinants of modern female crime (a case study of Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk Regions)]. Law Cand. Diss. Tomsk.
8. The Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. (n.d.) *Po dannym Komiteta po statistike Ministerstva natsional'noy ekonomiki Respubliki Kazakhstan* [According to the Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations?_afrLoop=2384213140899548%40%3F_afrLoop%3D2384213140899548%26_adf.ctrl-state%3Dkd75g7vko_185 (Accessed: 20th July 2019).
9. Berkinbaev, N.S. (2004) *Prestupnost' v Respublike Kazakhstan v postsovetskiy period* [Crime in the post-Soviet Kazakhstan]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Antonyan, M.Yu. (1988) *Kriminogennaya rol' psikhologicheskogo otchuzhdeniya lichnosti* [Criminogenic role of psychological alienation of a person]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 8.
11. The Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. (n.d.) *Po dannym Komiteta po statistike Ministerstva natsional'noy ekonomiki Respubliki Kazakhstan* [According to the Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations?_afrLoop=2384213140899548%40%3F_afrLoop%3D2384213140899548%26_adf.ctrl-state%3Dkd75g7vko_185 (Accessed: 20th July 2019).
12. Shestakov, D.A. (1996) *Semeynaya kriminologiya: sem'ya – konflikt – prestuplenie* [Family criminology: family – conflict – crime]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
13. Shesler, A.V. & Smolina, T.A. (2007) *Zhenskaya prestupnost', svyazannaya s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv (po materialam Tyumenskoy oblasti)* [Female crime related to drug trafficking (a case study of Tyumen Region)]. Tyumen: Tyumen Law Institute.

Н.А. Кудратов**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОСНОВЫ
КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Рассматривается институт основ конституционного строя как объект преступления. Установлено, что уголовное законодательство Республики Таджикистан (гл. 29 Уголовного кодекса РТ) как общественные отношения защищает не все ценности, которые предусмотрены в первой главе Конституции Таджикистана «Основы конституционного строя».

Ключевые слова: государства, преступления, охрана, конституционный строй, экстремизм, безопасность, Конституция, объект.

Согласно Конституции Таджикистан – суверенное, демократическое, правовое, светское и унитарное государство (ст. 1) [1]. Республиканская форма правления, территориальная целостность, демократическая, правовая, светская и социальная сущность государства неизменны (ст. 100) [Там же]. Учитывая эти положения Конституции Таджикистана, Уголовный кодекс Республики Таджикистан (далее – УК РТ) в разд. XIII установил ответственность за преступления против государственной власти. Исходя из принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, указанный раздел уголовного законодательства состоит из 4 глав [2]:

- 1) преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29 УК РТ);
- 2) преступления против государственной власти, интересов государственной службы (гл. 30 УК РТ);
- 3) преступления против порядка управления (гл. 31 УК РТ);
- 4) преступления против правосудия (гл. 32 УК РТ).

Изучение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в Таджикистане является актуальным и своевременным. В последнее время динамика совершения этих преступлений демонстрирует резкий рост. Такие преступления, как справедливо и своевременно отмечал Эмомали Раҳмон – Лидер нации, Президент Таджикистана – в своем обращении в честь 24-й годовщины государственной независимости Республики Таджикистан, прежде всего угрожают государственной независимости, существованию самого независимого государства, демократическому, правовому и светскому устройству государства, стабильности, безопасности.

Установление уголовной ответственности за преступления против государства (основы конституционного строя и безопасности государства) должно учитывать как минимум следующие моменты: политическую обстановку в стране, главные направления политики государства на конкретном историческом этапе, общественное мнение, уровень правосознания граждан в современном обществе, категорию лиц, в отношении которых предполагается применять законы [3, с. 86].

Единого понимания сущности категорий «основы конституционного строя» и «конституционный строй» в науке не существует. Это свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки этой проблемы и со-

здания полной характеристики данных категорий. Разногласия в их понимании не являются препятствием в проведении учеными исследований проблем «конституционного строя» и «основ конституционного строя».

Основы конституционного строя определяют и регулируют важные элементы общественного строя, форму и сущность государства, взаимосвязь интересов человека, гражданского общества и государства на высшем правовом уровне. Нормы конституционного права через определение этой взаимосвязи определяют и регулируют социально-политические свойства общества, основы социально-экономической и политической деятельности государства.

На сегодняшний день в юридической науке и практике фактически отсутствует единое понятие конституционного строя, оно трактуется исследователями по-разному. Вместе с тем системный анализ работ отечественных и зарубежных ученых позволяет сделать вывод, что в понятие конституционного строя вкладываются несколько значений. Во-первых, его понимают как целостную систему основных политico-правовых, экономических и социальных отношений, которые устанавливаются и закрепляются Конституцией и другими конституционными нормами. В этом смысле термин «конституционный строй», по сути, является тождественным термину «государственный строй». Во-вторых, он понимается как определенный способ (форма) организации государства, который закреплен в конституции. В-третьих, его можно трактовать как состояние указанных выше отношений, что характеризует государство как конституционное, обеспечивает подчиненность государства праву, способствует закреплению в общественной практике и правосознании справедливых, гуманных и правовых связей между человеком, гражданским обществом и государством [4, с. 124–125.].

Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин считают, что «строй, закрепленный конституцией государства, становится его конституционным строем... Однако есть и другое понятие конституционного строя... относящееся не ко всякому государству, а лишь к такому, форма, способ организации которого имеет строго определенные черты, позволяющие считать его конституционным государством» [5, с. 94] О.Г. Румянцев в своей монографии «Основы конституционного строя России» указывает, что «основами конституционного строя можно считать находящиеся под защитой государства сущностные

социально-нравственные установки и политико-правовые правила разумной и справедливой организации общества. Они обуславливают ключевые черты общественного строя, власти, формы правления, государственного устройства, политического режима» [6, с. 28]. Исследователь базирует концепцию основ конституционного строя на философских и нравственных принципах, однако предметная специфика, институциональная природа и другие аспекты основ конституционного строя оказываются вне его внимания.

В научной литературе (особенно российской), как пишет И.И. Пляхимович, просматриваются три подхода к понятию основ конституционного строя, однако они, как правило, четко не сформулированы, не доведены до логической завершенности [7, с. 38].

Согласно первому подходу, основы конституционного строя – это те же советские основы общественного строя по предмету регулирования и месту в системе конституционного права. Но соответствующие нормы наполнены принципиально иным, демократическим содержанием. По мнению сторонников данного подхода, конституционным строем являются не только нормы права, но и регулируемые ими реальные общественные отношения. При этом выделяются два значения термина «конституционный строй». В первом значении под конституционным строем понимаются любые отношения, закрепляемые конституцией. Во втором – лишь такие отношения, которые характеризуются гарантированностью прав человека и ограничением государственной власти [8, с. 128–129].

Второй подход исходит из разграничения понятий основ конституционного и общественного строя. Сторонники данного подхода утверждают, что основы конституционного строя – это важнейший конституционно-правовой институт, определяющий существенные черты человека (незыблемость прав и свобод) и государства (подчинение его праву). Данный институт не закрепляет экономические, социальные и прочие фундаментальные для всего общества связи, образующие его структуру, а определяет лишь принципы государственно-властных отношений и отношений государства с личностью. Основы же общественного строя как нормы о фундаментальных отношениях, составляющих структуру общества, считаются уделом тоталитарных государств, где нет подлинной конституции и конституционного права. Конституционный строй – это часть общественного строя, так как конституционный строй – закрепленные в конституции реально существующие публичные отношения. Конституционный строй существует в том обществе, где, во-первых, принята конституция и, во-вторых, она является реальной, т.е. реализуется на практике.

Согласно третьему подходу, основы конституционного строя характеризуются определенными признаками, т.е. понимаются только в одном значении. Основы конституционного строя в рассматриваемом подходе отличаются от основ общественного строя. Основы общественного строя считаются конституционно-правовым институтом, не занимающим, однако, главенствующего положения в системе конституционного права [7, с. 38, 40, 43, 45].

На наш взгляд, указанные подходы являются спорными, так как в них не раскрыты сущность основ конституционного строя, ее институты, принципы и др. По своей сути конституционный строй является определенным типом конституционно-правовых отношений (уголовное право защищает общественные отношения), обусловленных уровнем развития общества, государства и права.

Основы конституционного строя стали одним из важнейших конституционно-правовых институтов [5, с. 76–84; 9, с. 98–154; 10, с. 196–202]. Ранее в число государственно-правовых институтов они не входили. Их появление напрямую связано с приобретением Таджикистаном государственного суверенитета и установлением принципиально новых начал организации и деятельности общества и государства, статуса человека и гражданина и объединений граждан. При этом основы конституционного строя, будучи самостоятельным институтом отрасли конституционного права, в то же время являются источником возникновения ряда других конституционно-правовых институтов. Такими институтами являются государственный суверенитет, демократическое государство, правовое государство, светское государство, унитарное государство, государственно-правовые символы, суверенитет народа, неприкосновенность естественных прав и свобод человека, политический и идеологический плюрализм, разделение властей, экономические основы и т.д. Все эти институты в совокупности и каждый в отдельности регламентируют те или иные состояния и качества общества, государства и человека [11, с. 13]

Таким образом, на наш взгляд, понятие основ конституционного строя можно рассматривать:

– как систему общественных отношений, развивающихся в государстве и обществе в соответствии с идеями конституционализма;

– как определенные принципы, нормы и ценность.

В сфере уголовно-правового воздействия данный подход (т.е. основы конституционного строя как определенные принципы и нормы) требует уточнения. А.Г. Хлебушкин указывает, что если признавать основы конституционного строя принципами, положениями, требованиями и т.п., то получится, что нормы уголовных кодексов охраняют принципы, положения и требования. Однако они не являются объектом правовой охраны, поскольку представляют собой нормативную фиксацию, описание, модель желаемых общественных отношений, но не сами общественные отношения [12, с. 43].

Объект преступления традиционно – это общественные отношения, поставленные под охрану уголовного закона, путем нарушения которых причиняется социально опасный вред. Нормы права не могут быть признаны объектом посягательства, пишет Н.И. Коржанский, так как, во-первых, преступление в некоторых случаях посягает на такие общественные отношения, которые правом не регулируются (некоторые половые отношения, общественный порядок и т.п.), и, во-вторых, общественные отношения, урегулированные нормами уголовного права, т.е. уголовные правоотношения, не существуют до момента совершения преступления, как не существует и объект этого правонарушения. Объект

преступления, напротив, всегда существует до совершенного на него преступного посягательства и независимо от последнего. Иное решение (уголовно-правовая норма охраняет объект, которого не существует) приводит к абсурду [13, с. 99]. Однако в доктрине уголовного права идет расширение понятия объекта преступления.

Виднейший представитель классической школы русского уголовного права Н.С. Таганцев в свое время определял преступление как «действие, посягающее на охраненный нормой интерес жизни, который в данной стране, в данное время признается столь существенным, что государство, ввиду недостаточности других мер охраны, угрожает посягающему на него наказанием». По мнению ученого, «такими правоохраняемыми интересами могут быть: личность и ее блага – жизнь, телесная неприкосновенность, личные чувствования, честь, обладание или пользование известными предметами внешнего мира; проявление личности вовне, свобода передвижения и деятельности в ее различных сферах; возникшие в силу этой деятельности известные отношения или состояния – их неизменяемость, ненарушимость; различные блага, составляющие общественное достояние и т.п.». «Охраняемые интересы, – продолжает далее Н.С. Таганцев, – могут иметь реальный характер – жизнь, здоровье, неприкосновенность владения, или идеальный – честь, религиозное чувство, благопристойность и т.д. Эти интересы могут принадлежать отдельному лицу, физическому или юридическому, или отдельным общностям, существующим в государстве, или всей совокупности общественных факторов, всему обществу, или, наконец, государству как юридически организованному целому» [14, с. 51–58].

Схожую позицию предлагает С. Гавриш, он указывает, что признание объектом преступления общественных отношений составляет лишь определенную форму научной абстракции, называя общественные отношения искусственной конструкцией, стремлением к «социальной натурализации» преступления, следствием идеологизации уголовного права, оторванным от реалий. Ученый предлагает считать объектом преступления «правовое благо» как ценность, которая охраняется законом [15, с. 232].

В одной из своих последних работ П. Матышевская пришла к выводу, что объектом преступления должны признаваться не абстрактные общественные отношения, а конкретные человеческие, общественные или государственные ценности. К структурным частям ценностей, охраняемых уголовным законом, П. Матышевская вполне обоснованно относит субъекты общественных отношений; блага, принадлежащие этим субъектам; предметы, включенные в сферу этих отношений. Охраняемые правом блага, ценности П. Матышевская классифицировала так:

- блага как природные неотъемлемые ценности человека;
- блага, которыми человек обладает как член общества;
- общественные блага, т.е. ценности, которыми наделены общественные или государственные органы, государство в целом.

Одним из компонентов объекта преступления, пишет ученый, могут быть и соответствующие интересы человека, общества и государства, состояние общественных отношений – безопасность государства, общественный порядок, порядок управления и т.п.

Объект как элемент состава преступления – это ценности, охраняемые уголовным законом, против которых направлено преступное действие и которым оно может причинить или причиняет вред.

Изложенное позволяет утверждать, что в качестве объекта уголовно-правовой охраны основы конституционного строя следует рассматривать и как систему общественных отношений, так и социально значимые ценности, интересы и блага, на которые посягают преступление. Конкретные социальные ценности, интересы и блага указаны в ч. 1 ст. 2 УК РТ, при этом в качестве одного из них выступают «конституционный строй Республики Таджикистан и его безопасность».

А.В. Савинский считает видовым объектом преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства государственную безопасность как совокупность внешней (суверенитет, территориальная целостность, обороноспособность) и внутренней (основы конституционного строя) безопасности государства [16, с. 22]

Как видовой объект под основами конституционного строя понимается закрепленная в Конституции РТ форма государственного устройства [17, с. 543]. Данное понятие является очень узким и не охватывает всей структуры общественных отношений, которые входят в состав основ конституционного строя и являются объектом преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

В науке уголовного права предлагается в качестве объекта уголовно-правовой охраны понимать под основами конституционного строя общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения: а) соблюдения установленных Конституцией принципов государственного и общественного устройства; б) равенства граждан; в) состояния защищенности личности, общества, государства от угроз экстремистского характера [18, с. 17]

Как общественные отношения уголовное законодательство (гл. 29 УК РТ) не защищает все ценности основ конституционного строя, которые предусмотрены в первой главе Конституции Таджикистана. В широком смысле в главе 1 Конституции Таджикистана «Основы конституционного строя» не только задекларированы общественные отношения в сфере государства, но и провозглашены основополагающие принципы, пронизывающие все важнейшие сферы общественно-политических структур, человека и гражданина. Эти принципы служат базой формирования и укрепления гражданского общества.

В гл. 29 УК РТ от преступного посягательства защищены следующие общественные отношения и ценности основ конституционного строя: суверенитет государства (ст.ст. 305, 308); территориальная неприкосновенность (ст.ст. 305, 308); территориальная целостность (ст.ст. 306, 307, 313); власть (ст.ст. 306, 307); конституционный строй Республики Таджикистан (ст.ст. 306, 307, 310, 313);

жизнь государственного или общественного деятеля Республики Таджикистан (ст. 310). Уголовное законодательство в одних случаях защищает основы конституционного строя в целом, а в других – его отдельные субинституты, исходя из цели совершения преступления. Кроме того, некоторые статьи УК РТ не относятся к институтам основ конституционного строя и безопасности государства и носят чисто преступный (криминальный) характер. Например, в ст.ст. 307¹, 307², 307³, 307⁴ установлена ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма, организацию экстремистского сообщества и организации, организацию учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера. В данном случае уголовное законодательство защищает личности, общество, государства от угроз экстремистского характера.

Изложенное позволяет сделать вывод, что преступления совершенные против основ конституционного строя, делятся на два вида [12, с. 47]: 1) направленные против соблюдения конституционных основ государственного и общественного устройства (ст.ст. 305, 306, 307, 308, 310, 313 УК РТ); 2) направленные против конституционных основ равенства граждан и состояния защищенности от угроз экстремистского характера – ст.ст. 307, 307¹, 307², 307³, 307⁴ УК РТ (преступления экстремистской направленности).

Некоторые ценности основ конституционного строя защищены другими главами УК РТ: например, государственные символы Таджикистана (гл. 31 УК РТ); защита прав и свобод человека как высшая ценность и

признание неприкосновенности естественного права человека (гл. 16–20 УК РТ); различные формы собственности как основы экономики Таджикистана, а также равноправие и правовая защита всех форм собственности, в том числе частной (гл. 26–27 УК РТ); уголовно-правовая защита исполнительной и судебной системы страны (гл. 30–32 УК РТ). Здесь можно согласиться с позицией В.С. Комиссарова о том, что в силу многообразия и взаимосвязи общественных отношений те или иные элементы могут выступать составными частями иных общественных отношений. Однако эти иные общественные отношения будут иметь уже другое содержание и, скорее всего, будут являться объектом посягательства других преступлений [19, с. 28].

Таким образом, в качестве объекта уголовно-правовой охраны под основами конституционного строя можно понимать общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения формы и сущности государства, суверенитета народа и ее форм, неприкосновенности и целостности территории Таджикистана, развития общественной жизни на основе политического и идеологического плюрализма, запрещения узурпации власти, осуществления государственной власти на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную, проведения миролюбивой политики. Содержание этих и других ценностей, закрепленных главой 1 Конституции РТ, являются основами конституционного строя и выступают в качестве одного из разновидностей видового объекта преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Таджикистан. Душанбе, 2016.
2. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Душанбе, 2017.
3. Царев Д.В. Общее понятие и признаки преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в России : дис. ... канд. юрид. наук. Иваново, 2005. 260 с.
4. Скрипнюк О. Конституционный строй в Украине: методологические проблемы развития и совершенствования в контексте конституционной модернизации // Вестник Академии правовых наук Украины. 2012. № 4. С. 123–134. [На укр. яз.]
5. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. 608 с.
6. Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России. М. : Юристъ, 1994. 288 с.
7. Пляхимович И.И. Основы конституционного строя: теория института / Белорус. гос. ун-т. Минск : Право и экономика, 2008. 149 с.
8. Енгебарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право : учебник. М. : Юристъ, 2000. 492 с.
9. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. М. : ИНФРА-М – НОРМА, 1997. 784 с.
10. Конституционное право : учебник / под ред. В.В. Лазарева. М. : Юристъ, 2004. 604 с.
11. Имомов А.И. Укрепление государственности и создание гражданского общества в Таджикистане. Душанбе, 2003. 364 с.
12. Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя : дис ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016. 480 с.
13. Энциклопедия уголовного права / под ред. В.Г. Павлова [и др.]. СПб. : Изд-во проф. Малинина, 2005. Т.4. 796 с.
14. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Тула : Автограф, 2001. Т. 1. 800 с.
15. Гавриш С.Б. Уголовно-правовая охрана природной среды Украины: проблемы теории и развития законодательства. Харьков, 1994. 640 с.
16. Савинский А.В. Уголовно-правовая оценка посягательств на основы конституционного строя и безопасность государства. Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2008. 188 с.
17. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. В.С. Комиссарова. СПб. : Питер, 2008. 720 с.
18. Хлебушкин А.Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации. Вопросы квалификации и судебная практика / под ред. Н.А. Лопашенко. М. : Проспект, 2015. 191 с.
19. Комиссаров В.С. Преступления, нарушающие правила безопасности (понятие, система, общая характеристика) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 214 с.

Criminal Law Protection of the Fundamentals of the Constitutional System of the Republic of Tajikistan*Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*, 2019, no. 14, pp. 134–138. DOI 10.17223/23088451/14/27

Nekruz A. Kudratov, Tajik State University of Commerce (Dushanbe, Tajikistan. E-mail: nek-kudratov@mail.ru)

Keywords: states, crimes, protection, constitutional order, extremism, security, Constitution, object.

The foundations of the constitutional system of the Republic of Tajikistan as an object of criminal law protection implies the social relations regarding: a) the form and essence of the state; b) the sovereignty of the people and its forms; c) inviolability and integrity of the territory of Tajikistan; d) the development of public life on the basis of political and ideological pluralism; e) prohibition of usurpation of power; f) the exercise of state power on the basis of its division into legislative, executive and judicial; g) pursuing a peaceful policy. The content of these and other values enshrined in Chapter 1 of the Constitution of the Republic of Tajikistan are the foundations of the constitutional system, and act as a specific object of the crime against the foundations of the constitutional system and state security.

References

1. *The Constitution of the Republic of Tajikistan*. (2016) Dushanbe: [s.n.].
2. *The Criminal Code of the Republic of Tajikistan*. (2017) Dushanbe: [s.n.].
3. Tsarev, D.V. (2005) *Obshchee ponyatie i priznaki prestupleniy protiv osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva v Rossii* [The general concept and signs of crimes against the foundations of the constitutional system and state security in Russia]. Law Cand. Diss. Ivanovo.
4. Skripnyuk, O. (2012) *Konstitutsionnyy stroy v Ukraine: metodologicheskie problemy razvitiya i sovershenstvovaniya v kontekste konstitutsionnoy modernizatsii (na ukrainskom yazyke)* [Constitutional system in Ukraine: methodological problems of development and improvement in the context of constitutional modernization (in Ukrainian)]. *Vestnik Akademii pravovykh nauk Ukrayiny*. 4. pp. 123–134.
5. Kozlova, E.I. & Kutafin, O.E. (2007) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. 4th ed. Moscow: TK Velbi, Prospekt.
6. Rumyantsev, O.G. (1994) *Osnovy konstitutsionnogo stroya Rossii* [Fundamentals of the constitutional system of Russia]. Moscow: "Yurist".
7. Plyakhimovich, I.I. (2008) *Osnovy konstitutsionnogo stroya: teoriya instituta* [Fundamentals of the constitutional system: Institution theory]. Minsk: Pravo i ekonomika.
8. Engibaryan, R.V. & Tadevosyan, E.V. (2000) *Konstitutsionnoe pravo* [Constitutional Law]. Moscow: "Yurist".
9. Baglay, M.V. (1997) *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow: INFRA-M-NORMA.
10. Lazarev, V.V. (ed.) (2004) *Konstitutsionnoe pravo* [Constitutional Law]. 2nd ed. Moscow: "Yurist".
11. Imomov, A.I. (2003) *Ukreplenie gosudarstvennosti i sozdanie grazhdanskogo obshchestva v Tadzhikistane* [Strengthening statehood and creating civil society in Tajikistan]. Dushanbe: [s.n.].
12. Khlebushkin, A.G. (2016) *Ugolovno-pravovaya politika Rossiyskoy Federatsii v sfere okhrany osnov konstitutsionnogo stroya* [The criminal law policy of the Russian Federation in the field of protecting the foundations of the constitutional system]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.
13. Pavlov, V.G. et al. (eds) (2005) *Entsiklopediya ugolovnogo prava* [Encyclopedia of Criminal Law]. Vol. 4. St. Petersburg: Izdanie Prof. Malinina.
14. Tagantsev, N.S. (2001) *Russkoe ugolovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Vol. 1. Tula: Avtograf.
15. Gavrish, S.B. (1994) *Ugolovno-pravovaya okhrana prirodnoy sredy Ukrayiny: problemy teorii i razvitiya zakonodatel'stva* [Criminal legal protection of the environment of Ukraine: problems of theory and development of legislation]. Kharkov: [s.n.].
16. Savinsky, A.V. (2008) *Ugolovno-pravovaya otsenka posyagatel'stv na osnovy konstitutsionnogo stroya i bezopasnost' gosudarstva* [Legal assessment of attacks on the foundations of the constitutional system and state security]. Arkhangelsk: Pomorsky State University.
17. Komissarov, V.S. (ed.) (2008) *Rossiyskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Russian Criminal Law. Special Part]. St. Petersburg: Piter.
18. Khlebushkin, A.G. (2015) *Prestupleniya ekstremistskoy napravленности v sisteme posyagatel'stv na osnovy konstitutsionnogo stroya Rossiyskoy Federatsii. Voprosy kvalifikatsii i sudebnaya praktika* [Extremism in the system of attacks on the foundations of the constitutional system of the Russian Federation. Qualification issues and judicial practic]. Moscow: Prospekt.
19. Komissarov, V.S. (1997) *Prestupleniya, narushayushchie pravila bezopasnosti (ponятие, система, общчая характеристика)* [Crimes that violate safety rules (concept, system, general characteristic)]. Law Dr. Diss. Moscow.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАБЕКЯН Алла Липаритовна – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

АЛЕКСЕЕВ Андрей Юрьевич – адъюнкт кафедры уголовно-исполнительного права Академии права и управления ФСИН России, г. Рязань. E-mail: alex_vostok-@mail.ru

БУБЕРБАЕВ Нурулан Дюсентаевич – старший научный сотрудник центра по исследованию криминологических проблем Научно-исследовательского института Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова, соискатель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Караганда. E-mail: fairuz2982@mail.ru

ВАЛЕЕВ Марат Тагирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ВЕДЯШКИН Сергей Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ГААГ Людмила Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ГРУШИН Федор Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, г. Рязань. E-mail: fedor062@yandex.ru

ДЕРКАЧ Дмитрий Васильевич – доцент, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики, физики и методики их преподавания Армавирского государственного педагогического университета, г. Армавир. E-mail: derkach@bk.ru

ДИВАЕВ Александр Борисович – доцент, кандидат юридических наук, декан юридического факультета Кузбасского института ФСИН России, г. Новокузнецк. E-mail: divalex09@mail.ru

ДРОЗДОВ Игорь Сергеевич – заместитель прокурора Шегарского района Томской области, младший советник юстиции, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ЕРМАКОВА Ольга Владимировна – доцент, кандидат юридических наук, подполковник полиции, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, г. Барнаул. E-mail: ermakova_alt@mail.ru

ЖЕЛЕВА Ольга Викторовна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: zheleva.olga@gmail.com

КОНДРАШИН Павел Викторович – судья Кировского районного суда города Красноярска Красноярского края, г. Красноярск. E-mail: kondrashina_05@mail.ru

КОРЯКИН Евгений Анатольевич – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры инженерно-технического обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России, г. Киров. E-mail: e.a.koryakin@yandex.ru

КУДРАТОВ Некруз Абдунибайевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Таджикского государственного университета коммерции, г. Душанбе. E-mail: nek-kudratov@mail.ru

КУЗЬМИН Станислав Иванович – профессор, доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства НИИ ФСИН России, г. Москва. E-mail: nii@fsin.su

ЛОБА Всеволод Евгеньевич – доцент, кандидат юридических наук, научный сотрудник Дагестанского государственного университета в городе Кизляр, г. Кизляр. E-mail: vsevolodka@inbox.ru

МАРИНИЧЕВА Анна Юрьевна – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

МАРЬИНА Евгения Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени С.П. Королева, г. Самара. E-mail: ssau@ssau.ru

Нехороших Михаил Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, г. Томск. E-mail: mihaneh_92@mail.ru

ПАКАНИЧ Сергей Иванович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, майор внутренней службы, г. Новокузнецк. E-mail: sergeipakanich@mail.ru

ПИСАРЕВСКАЯ Елена Анатольевна – доцент, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк. E-mail: liorev@mail.ru

ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: krim_tsu@mail.ru

Свиридов Михаил Константинович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

СЕННИКОВА Дарья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

СПИРИДОНОВ Михаил Сергеевич – судья Ставропольского краевого суда, г. Ставрополь. E-mail: mishok84@mail.ru

ТИТАРЕНКО Андрей Павлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Барнаул. E-mail: tapavlovich@mail.ru

ТКАЧЕВ Игорь Олегович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург. E-mail: tkachyov@mail.ru

ФОЙГЕЛЬ Елена Игоревна – доцент, кандидат юридических наук, заместитель директора Института государства и права Байкальского государственного университета по учебной работе, г. Иркутск. E-mail: foiguelena@gmail.com

ХРАМОВ Александр Александрович – инспектор отдела безопасности ИКК-35 Управления ФСИН России по Республике Хакасия, г. Абакан. E-mail: Khramov_Aleksandr@mail.ru

ЦАРЕВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Кузбасского института ФСИН России, г. Новокузнецк. E-mail: kadaneva_elena@mail.ru

ЧУКАНОВА Евгения Сергеевна – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, полковник полиции (Москва), evgeniya.rybina@mail.ru